

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№ 3/4 · 2004

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

3/4-2004

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год
Свидетельство о регистрации
№ Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н.
Тел. (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149.
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:

С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко

Оригинал-макет:

Д. А. Хрипков

Отпечатано в типографии

«Агропромполиграфист»,

350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписано в печать 7.04.05

Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,6

Тираж 600 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); Л. А. Арутюнян, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); В. А. Бабешко, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); А. А. Бодалев, д-р психол. наук, проф., академик РАО; А. А. Гаврилов, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); С. Деллер, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); В. В. Знаков, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); Я. Л. Коломинский, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); Х. Пилкингтон, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); А. Л. Стризов, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); П. М. Хакуз, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); А. Ю. Чирг, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); В. К. Шаповалов, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); Е. Р. Ярская-Смирнова, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; Г. С. Курбатова, отв. секретарь; Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук, проф.; В. П. Бедерханова, д-р психол. наук, проф.; А. И. Приходько, д-р техн. наук, проф., А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц.; А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.; З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.; В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

3/4-2004

Содержание

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	4
-----------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

<i>Шиак А.В.</i> Правотворческое измерение силы права	7
<i>Курячая М.М.</i> Право на референдум в системе основных прав и свобод граждан Российской Федерации	20

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Оберемко О.А.</i> Денежные траты на дошкольное образование	33
<i>Киммель М.</i> Гендеризованность образования	54

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА

<i>Еленский А.В.</i> Внутренняя и внешняя составляющие в истории отечественной внешнеполитической экспертизы	68
--	----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

<i>Романов П.В.</i> Деятельность представительных органов власти в оценках депутатов муниципального уровня: кейс Саратовской области	83
<i>Егунов А.В.</i> Предпосылки возникновения и формы проявления исламского радикализма на постсоветском пространстве	100

КАФЕДРА

<i>Баранов А.В.</i> Федерализм в исламском мире	112
<i>Меньшиков В.В.</i> Проблема власти в «политической анатомии» М. Фуко	124

ЛАУРЕАТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ НЕДЕЛИ НАУКИ

<i>Скороходов С.В., Гончаров И.И.</i> «Воронка причинности» для объяснения электоральных успехов ультраправых сил в Европе	132
<i>Титов В.В.</i> Российская модель управления: опыт геополитического и социокультурного анализа	143

SUMMARY	150
----------------------	-----

Представление номера

.....

Очередной номер открывает статья *А.В. Шпака*, в которой поднимается проблема недостаточной легитимности практик правотворчества и правоприменения в современной России (как и других странах посткоммунистического транзита). Автор видит в этом политико-правовые причины и формулирует ряд практических задач, выполнение которых научным сообществом может внести вклад в становление «силы права».

М.М. Курячая предпринимает теоретический анализ права на референдум в системе основных прав и свобод граждан Российской Федерации и обосновывает точку зрения, согласно которой реализация права на референдум не исчерпывается выполнением предусмотренных законодательством формальных процедур, но непременно включает вполне определенный конечный результат: в частности, право на участие в референдуме предполагает не просто голосование по предложенному вопросу, но и принятие определенного решения.

В статье *О.А. Оберемко* изложены некоторые результаты анализа опросных данных Фонда «Общественное мнение» об объеме, структуре и распространенности видов трат семьи на дошкольное образование и воспитание. Предложена эмпирическая модель 4 барьеров, затрудняющих вход потребителей на рынок образовательных услуг для дошкольников.

Публикуемый текст *М.Киммеля* (Michael Kimmel), профессора социологического факультета Нью-Йоркского университета в Стоуни Брук (SUNY), является сокращенной версией главы 7 из книги «Гендеризованное общество» («Gendered Society»), русский перевод которой подготовлен к печати при поддержке Института «Открытое общество» в издательстве РОССПЭН. Автор приводит яркие примеры действия «скрытого учебного плана» в образовательных учреждениях и гендерного неравенства на рынке труда в сфере образования.

А.В. Еленский прослеживает вехи в истории становления российского экспертного сообщества в области международных отношений, для которых характерно разное соотношение влияний и функций государственных и негосударственных институтов. Автор приходит к выводу об объективной закономерности текущих процессов по восстановлению влияния государственной политической экспертизы в условиях существования мощного независимого экспертного сообщества.

Исследованию эффективности взаимодействия в многоуровневой системе представительных органов в региональном поле политики посвящена статья *П. В. Романова*. Ученый анализирует некоторые результаты телефонного опроса 189 депутатов органов местного самоуправления Саратовской области, проведенного в июле 2003 г. Исследовательские интерпретации иллюстрируются материалами шести фокусированных интервью. Автор предлагает ряд показателей, применимых в комплексном исследовании иерархизированного регионального пространства политики (интенсивность, направленность и заинтересованность акторов в каналах коммуникации и взаимодействия), выявляет факторы, влияющие на оценку деятельности законодателей разных уровней.

А. В. Егунов указывает предпосылки распространения исламского радикализма в Средней Азии и на Северном Кавказе после распада СССР: «колониальное» национально-территориальное устройство, борьба между различными движениями национальных и региональных элит, не способных найти консенсус, этнокультурные особенности разделения труда и земельный вопрос, антиглобалистский и традиционалистский потенциал ислама, незавершенность революции против бывшей партноменклатуры и др.

Интересующимся тематикой сравнительной политологии будет интересна статья *А. В. Баранова*, в которой описывается федеративное устройство трех стран с преобладающим мусульманским населением — Пакистан, Малайзия, ОАЭ — по единой схеме (основные этно-конфессиональные группы населения, система органов федеральной и региональных властей) и в заключение даются общие характеристики сложившихся в этих странах моделей федерализма. Далее идет обзор неудачных проектов создания федеративных объединений в арабском мире. Автор приходит к выводу о неприятии социокультурной системой исламского мира западных моделей федерализма и невысоком потенциале «коренной демократизации» исламских обществ. Попытки «импорта институтов» отбрасывают реформаторов еще дальше от поставленных целей.

В. В. Меньшиков кратко излагает наиболее принципиальные и новаторские идеи Мишеля Фуко в его «политической анатомии», в которой фокусирование на властных процессах обработки, разрушения и сборки тела вовсе не отменяет социальную природу власти.

Номер завершают публикации лауреатов студенческих конференций. *С. В. Скороходов* и *И. И. Гончаров* предлагают обновленный вариант классической модели, предложенной учеными Мичиганского университета в 1960 г. для объяснения электорального поведения в странах с устойчивой двухпартийной системой — «воронки причинности». Авторы вводят в модель ряд новых переменных, позволяющих, по их мнению, объяснить недавние успехи на выборах ультраправых партий в ряде европейских стран.

В поисках цивилизационной специфики российской модели управления *В. В. Титов* выделяет некоторые черты архаичной социальной организации: доминирование властной вертикали в центр-периферийных отношениях, пос-

тоянная нестабильность геополитической организации государства, неразвитость частнособственнического уклада в экономической жизни и консервирование патримониального господства, упор на внеэкономическое принуждение к труду, слабая профессионализация управленческой деятельности.

ПРАВОТВОРЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИЛЫ ПРАВА

.....

А. В. Шпак*

Как известно, далеко не все общества относятся к демократическим, соответственно, развитое гражданское общество и наличие правового государства характеризуют современное состояние далеко не всех стран, даже если последние ориентированы на западную модель социально-экономического и политического развития. Страны Восточной Европы, включая Россию, переживающую период радикальной трансформации, находятся сегодня на качественно специфической стадии развития, которая иногда именуется транзитивным периодом.

Думается, что такой термин не совсем удачен, поскольку имплицитно содержит указание на временность, переходность состояния, неявно предполагая некую отсталость, догоняющий характер развития при определенной запрограммированности, неизбежности эволюции в сторону исторического опыта западных государств.

Согласно концепции транзитивности, Россия, как, впрочем, и остальные страны бывшего социалистического блока, шаг за шагом с неизбежностью повторяет или, по крайней мере, должна повторять все те этапы развития, которые в свое время переживали страны либеральной демократии. В то же время при более внимательном рассмотрении предмета данная точка зрения становится далеко не очевидной. По-видимому, подобный взгляд может быть более или менее оправданным относительно многих проблем институционального строительства в области политики и права, однако отсюда вовсе не следует, что направление развития и качественные характеристики состояния общества будут абсолютно совпадать с неким претендующим на универсальность западным путем строительства демократического общества, права и государства.

* Шпак Андрей Викторович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД РФ.

Строго говоря, представления об универсальных схемах и рецептах политико-правового и социально-экономического развития общества являются не более чем идеологемой, широко использовавшейся еще во времена «холодной войны» и в критическом отношении к ним, нет ничего нового. Тем не менее необходимо отметить этот факт, поскольку недооценка данного обстоятельства способна существенно исказить понимание проблем становления силы права в современной России.

Относительно содержания такого рода проблем следует заметить, что во многом они определяются той политико-правовой ситуацией, которая сегодня сложилась в российском обществе. Существо же дела заключается в следующем. Во-первых, становление демократии в России тесно связано с процессом формирования институтов государственной власти. Именно они отличаются «опережающим» характером развития даже по отношению к процессу развития местного самоуправления, не говоря уже о свободных ассоциациях граждан, возникающих для решения тех или иных конкретных проблем или для удовлетворения коллективных интересов, как это было в свое время в Западной Европе с движением «зеленых» или с движением за предоставление равных политических прав чернокожим и «чиканос» (выходцы из Латинской Америки) в США.

Более того, опережающий характер развития формальных политико-правовых институтов государственной власти не сопровождается столь же скорым развитием институтов гражданского общества, которые позволяли бы воздействовать на власть, контролировать ее как в процессуально-нормативном плане через формальные институты, так и посредством прямого выражения общественного мнения. Десятилетняя история российских реформ дает немало примеров того, чем подобное положение дел может оборачиваться на практике: от расстрела парламента в 1993 г. до первой и второй чеченских войн.

Во-вторых, становление демократических институтов власти в России не сопровождается развитием самосознания гражданского общества, в том числе и в политико-правовой области. Кроме того, в странах Восточной Европы — и, к сожалению, наша страна здесь не исключение — идет интенсивный процесс формирования *негражданского общества* [1]. Последнее характеризуется неразвитостью представлений широких слоев граждан о неотъемлемых гражданских правах и свободах, отсутствием представлений об абсолютной ценности таких прав и т.п. Соответственно, в обществе распространяется безразличное отношение к тому, в каких формулировках гражданские права закрепляются в Конституции РФ, к тому, что они нередко нарушаются ведомственным нормотворчеством. Отсюда вытекает как правовой нигилизм, находящий практическое воплощение в неуважении граждан к закону, в пренебрежении теми возможностями судебной защиты их прав и свобод, которые существуют уже сегодня (при всем несовершенстве судебной системы таких возможностей немало), так и правовой дуализм, когда в сознании граждан присутствует установка на ценность законов, на необходимость их соблюдения, но в практике

политико-правовой повседневности поведение целых социальных групп определяется сложившимися *неправовыми* обычаями и традициями [3].

В-третьих, процесс институционального политико-правового строительства, который по логике вещей должен способствовать формированию гражданского общества, характеризуется широким «импортом лучших образцов» из правотворческого и правоприменительного опыта стран либеральной демократии, тогда как подобный опыт складывался в совершенно ином политико-культурном контексте, следовательно, применим в иных общественных условиях.

Примером тому могут послужить проекты законов о лоббистской деятельности, законов о земле и пр. Беря за образец те или иные юридические нормы стран либеральной демократии, российский законодатель не может в силу различий политико-правового опыта и политико-правовой культуры столь же легко перенести на отечественную почву процессуальные механизмы их исполнения. Более того, в отечественной политико-правовой мысли до сих пор не сложилась более или менее общепризнанная точка зрения по поводу того, как следует понимать механизм исполнения закона в плане общего права и процессуального. Именно здесь закладывается принципиальное понимание того, что следует делать на практике. Между тем это вопрос далеко не праздный: скажем, или механизмы исполнения закона создаются судебной практикой, подобно тому, как это имеет место в системе прецедентного права Великобритании и США, или на основе политико-правовых концепций, правовой экспертизы и правового обычая, как это закрепилось в праве континентальной Европы.

Специфика российского общества заключается в том, что процесс становления силы права, который по логике вещей и опыту демократических государств должен протекать как диахронический, т.е. предполагающий последовательность уровней развития силы права, в отечественных условиях может протекать только как синхронический. Иначе говоря, он предполагает развитие силы права одновременно по трем направлениям, каждому из которых соответствует один из уровней: принуждение, мера, побуждение. При определенных условиях результатом такого синхроничного развития становится появление качественно нового содержания силы права — правового сознания.

При всей кажущейся парадоксальности подобного утверждения, оно все же описывает не умозрительное, а вполне достижимое состояние общества. Суть дела заключается в том, что принуждение, мера и побуждение предполагают конституирование различных субъектов и объектов силы права, тогда как сама развитая сила права, взятая в качестве правового сознания, характеризует состояние всего общества. Думается, что именно это обстоятельство имеет решающее значение, если российское общество действительно нуждается в том, чтобы целенаправленно создавать феномен силы права.

Процесс формирования гражданского общества, процесс построения правового государства могут затягиваться на сколь угодно продолжительный пе-

риод. Развитие рыночных институтов в экономике само по себе едва ли способно ускорить дело, если само общество не поставит задачу последовательного системного «культивирования», «взращивания» силы права, сутью которого является власть права, причем власть всеохватывающая, если так можно выразиться, тотальная власть права.

Создание системы общественных отношений, общественного порядка, основанного на силе права, на наш взгляд, должно стать стратегической целью и ключевой задачей гражданского и государственного строительства. Сама же такая цель предполагает движение в двух направлениях: в первом через призму силы права должно рассматриваться правотворчество, во втором — правоприменение. Причем в обоих случаях силу права следует понимать не только как теоретический конструкт, но и как правовой принцип, основополагающую идею в правовом аспекте, и как основную ценность в аспекте политическом, т.е. установка на формирование силы права должна стать доминантой гражданской культуры. Только в этом случае процесс становления данного феномена в условиях российского общества может быть продуктивным.

При таком подходе первое, правотворческое, направление охватывает три наиболее важных области, в которых феномен силы права рассматривается в качестве правового принципа: публичное, социальное и гражданское право. Нетрудно заметить, что в двух первых областях с необходимостью присутствует государство.

Как отмечалось ранее, специфической характеристикой феномена силы права является то, что в нем имеет место совпадение субъекта и объекта в эмпирическом и их дифференциация в функционально-ролевом содержании.

В этом случае актуальным становится вопрос о том, каковы общие доктринальные контуры силы права применительно к современной России. Параметры такой доктрины могут быть дифференцированы по следующим группам: содержание, направления работы по отраслям и вопросы правоприменительной практики.

Что касается содержания, то здесь принципиально то, что теоретическое осмысление силы права должно быть тесно увязано с доктриной государственного строительства. Иными словами, для того, чтобы процесс становления силы права принял синхронический характер, следует разрабатывать доктрину правового государства с элементами социального.

Ключевой проблемой, которую необходимо разрешить в этом случае, становится преодоление не столько правового нигилизма, сколько правового дуализма в восприятии юридических норм наиболее инициативными и социально активными слоями граждан. Правовой нигилизм характерен прежде всего для маргинальных слоев, т.е. для тех, кто, по сути, меньше всего участвует в созидательной модернизации общества, тогда как правовой нигилизм — явление массовое, он свойственен социальным группам, в наибольшей степени вовлеченным в процессы социальной трансформации. В их установках восприятия

политико-правовых институтов присутствует признание необходимости соблюдать закон, с одной стороны, и убежденность в том, что в практической деятельности законопослушное поведение не позволяет успешно достигать поставленных целей в бизнесе, карьере, в сфере социальной защиты — с другой. Как видим, сутью правового дуализма служит расхождение между должным и сущим [3].

Такое негативное отношение к юридическим нормам в практической деятельности обусловлено двумя доминантными установками обыденного правосознания. Первая связана с твердым убеждением в том, что закон не является «добровольным обязательством» и выражает прежде всего волю государственной власти, причем волю обязательно персонифицированную в чиновниках, представляющих органы и учреждения этой власти, т.е. закон воспринимается в качестве орудия произвола бюрократического аппарата государственного управления. Соответственно, юридические нормы не могут служить императивами социального поведения и действия, они лишь задают некие пределы, выход за которые наказывается санкцией со стороны опять же государственной власти, а не общества.

Вторая установка связана с убежденностью в том, что общество не в состоянии взять государственную власть под контроль, последняя всегда остается доминирующим субъектом и рассматривается обыденным правосознанием как неизбежное зло, бороться с которым бесполезно, можно лишь мириться и по возможности избегать его.

В этой ситуации очень высокой субъективной значимостью обладают неформально-институциональные схемы поведения и действия, основанные на обычаях и традициях. Сегодня они же конституируются и закрепляются политико-правовой практикой [3]. Именно это и позволяет надеяться на позитивные изменения сложившегося положения дел. Однако субъектом, инициирующим формирование правового обычая, должно стать государство.

Следует заметить, что сам правовой обычай может пониматься как в узком, так и в широком смысле. В первом случае под ним понимается следование политико-правовым деонтическим установкам и принципам, не обязательно формализованным в конкретных юридических нормах, но задающим стандарты поведения и действия, согласующиеся с духом права. Во втором правовой обычай понимается как следование не просто формальным юридическим нормам, соблюдение закона представителем власти (это аксиома политической жизни в демократических обществах), но и следование более строгим нормам общественной морали и нравственности.

Примером может послужить существующее в практике многих государств правило, полагающее изначально «презумпцию виновности» власти. Смысл его заключается в том, что в двусмысленных ситуациях, если представитель власти не может привести стопроцентных доказательств своей некоррупционности, честности, доказательств того, что он ни прямо, ни косвенно не ис-

пользовал своего служебного положения, включая и материальные доходы, и уровень потребления, на что в первую очередь обращают внимание рядовые граждане, он должен покинуть свой пост по этическим соображениям. У нас в стране, как известно, ситуация прямо противоположная, обычно правоохранительным органам требуется немало усилий для того, чтобы сформулировать обвинения в адрес чиновников, чья коррумпированность является чуть ли ни очевидной для всего общества.

Итак, формирование правового поведения на основе правового обычая следует инициировать представителям государственной власти. Именно с этого шага начинается преодоление правового нигилизма и дуализма.

Другим шагом в данном направлении может послужить изменение самого содержания правотворчества. Сегодня к законопослушному поведению и действию граждане побуждаются преимущественно негативным путем, т.е. сложилась значимая установка правосознания: «не нарушай закон — не будешь подвергаться санкциям» [3], тогда как в правовом государстве имеет место позитивная мотивация законопослушного поведения и действия, находящая выражение в установке: «соблюдать закон выгоднее, чем нарушать его». Учитывая то обстоятельство, что в мотивации социального поведения и действия «выгода», т.е. успех в достижении поставленных целей, у наиболее инициативных социальных групп, активно участвующих в модернизации общества, является самой значимой (84 % случаев), есть основания полагать, что такой шаг может оказаться эффективным. Тем более что у тех же социальных групп установка на соблюдение закона как должного присутствует в 87 % случаев [3].

Соответственно, становление силы права в этом смысле становится задачей государственного строительства. Коль скоро мы рассматриваем правотворческий аспект проблемы, то следует очертить идеи, имеющие принципиальное значение. Так, в области публичного права становление феномена предполагает последовательное конституирование таких уровней, как принуждение и мера. Здесь речь идет о том, чтобы понять миссию государства в обеспечении силы права в качестве принуждения. В этом случае диалектика субъекта и объекта заключается в том, что государство принуждает граждан подчиняться правовым нормам в широком смысле — не только юридическим нормам, закону — в повседневной жизни, т.е. субъектом силы права является государство, объектом — гражданин. Само по себе это соображение довольно банально, если не дополнить его следующим. Одновременно с этим обществу следует принуждать должностных лиц, представляющих государственную власть, в исполнении их функциональных обязанностей подчиняться правовым принципам, или принципам-нормам, как высшим, наиболее авторитетным регуляторам деятельности в противовес ведомственным. При отправлении должностных обязанностей следует осуществлять некоторое «усечение», ограничение их гражданских прав именно в тех ситуациях, где они власть и представляют. Тогда объектом силы права становится аппарат государственной власти,

а субъектом силы права — все гражданское общество, чьи интересы выражает законодатель.

В свою очередь и сам законодатель принуждается к соблюдению правовых принципов, т.е. становится объектом силы права, на которого воздействуют органы надзора. В то же время и прямое выражение общественного мнения, апеллирующего к морали, мировоззренческим ценностям, к гражданскому долгу и ответственности, должно иметь возможность побуждать представителей любой ветви власти руководствоваться соответствующими регулятивами поведения и действия, в том числе и в своей профессиональной деятельности. То есть регулятивы морали, нравственности, гражданского долга и ответственности, не являющиеся формальными правовыми нормами, в практике правовой жизни должны стать столь же действенными установками, мотивацией принятия решений, что и закон при условии, что они не противоречат последнему.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы подменять закон, а о том, чтобы внеправовые регулятивы, соответствуя духу права, рассматривались субъектом власти в качестве непреложных норм в тех случаях и ситуациях, которые не оговорены формальной юридической нормой — законом. При этом для представителей власти они должны быть не просто предметом свободного выбора: «хочу — следую им; хочу — нет», а служить еще и основанием для применения неформальных санкций. Скажем, публичное выражение недоверия тому или иному политику, их нарушающему, автоматически должно означать его отставку, как это принято в европейских демократических странах.

В этом, на наш взгляд, заключается суть первых шагов в направлении того, чтобы ценностно-деонтические основания силы права превратить в правовой обычай, что позволит распространить силу права на сферу политической повседневности, т.е. именно туда, где правосознание широких слоев граждан формируется как правовое сознание или, наоборот, как неправовое, например, нигилистическое. Именно с этого начинается уважение к праву вообще и юридическим нормам в частности. Формируется правовое чувство. Кроме того, такими мерами и законодатель побуждается к тому, чтобы руководствоваться в нормотворчестве общеправовыми ценностными и деонтическими установками гражданского долга и гражданской ответственности, а не интересами отдельных ведомств или групп влияния, как это нередко имеет место в настоящее время.

К сожалению, сегодня многие исследователи отмечают, что в современной России основным источником права является закон, тогда как правовой обычай, прецедент, доктринальные источники (например, заключения наиболее авторитетных специалистов по данному вопросу) практически игнорируются и не используются в качестве содержательных оснований правовых норм. Однако именно эти источники права в наибольшей степени способны отражать реальные проблемы развития общества, притом они в наименьшей степени от-

делены от обыденного сознания, поскольку не требуют каких-то специальных условий формально-процедурного и процессуального обеспечения.

Эти источники при развитой системе политико-правового просвещения и воспитания наиболее доступны для понимания носителями обыденного сознания, а значит, легко включаются в мотивацию социального поведения и действия наиболее активных социальных групп и слоев граждан. Но следует еще раз подчеркнуть, что система принуждения к соблюдению правовых норм с необходимостью должна коррелировать с системой побуждения: с соответствующими правовыми обычаями, с системой политико-правового воспитания и просвещения, с формированием своеобразной правовой идеологии, доступной для самых широких слоев общества.

Изложенные в абстрактной форме суждения необходимо дополнить пояснениями. Известно, что в правовом государстве, в демократическом обществе юридические нормы (законы) строятся по запрещающему принципу, суть которого сводится к формуле: «разрешено все, что не запрещено законом». Однако, если рассматривать эту формулу с точки зрения силы права, то следует признать, что для лиц, представляющих государственную власть, пределы их компетенции во взаимоотношениях с гражданами нужно очерчивать юридической нормой, построенной по разрешающему принципу: «запрещено все, что не разрешено законом».

В правотворчестве полномочия чиновника именно как должностного лица следует определять, исходя из того, что оговорено текстом федерального, специально для него, представителя государственной или местной власти, созданного закона, и выход за эти пределы, какими бы ведомственными регулятивами или целесообразностью он ни мотивировался, априори должен рассматриваться в качестве превышения полномочий или посягательства на конституционные права граждан, даже если последние не предъявляют судебных исков по этому поводу.

В противном случае ведомственное или региональное нормотворчество, которое на практике сегодня во многих случаях «перекрывает» общегражданские права, прописанные в Конституции РФ, по-прежнему будет служить корпоративным интересам профессиональной бюрократии, представляющей политическую власть на всех ее уровнях. Достаточно вспомнить, сколько сложностей в практической жизни рядового обывателя возникало и возникает при вступлении в наследство, при прописке, при строительстве на загородных и дачных участках и т.д. Во всех без исключения случаях инстанции, требующие массу ненужных справок, заключений, разрешений и иных документов, препятствуя удовлетворению интереса гражданина, ссылаются на ведомственные нормативные акты. При этом оспаривать подобные действия можно только в суде, а непосредственная ссылка на текст федерального закона, даже если последний прямо указывает, на что может претендовать гражданин в конкретных обстоятельствах, как правило, никого не убеждает. Коль скоро далеко не каждый на-

ходит силы, время и средства судиться по конкретному поводу, столь же скоро появляется и укрепляется в широких слоях граждан убеждение в том, что закон существует только на бумаге, что никаким образом интересы обывателя он не затрагивает и что в конце концов лучше принять бюрократические «правила игры», которые по большому счету власть навязывает обществу, чтобы «не вышло себе дороже». О распространенности таких настроений в российском обществе прямо говорят социологические исследования [3].

Как уже отмечалось, спецификой становления силы права в современной России служит то, что общество не может повторять все те последовательно сменяющие друг друга уровни развития явления, которые имели место в истории. Принуждение и мера как уровни и, соответственно, этапы эволюции силы права в целом связаны с развитием законодательной базы, в том числе и по отраслям. В частности, в области публичного права существенное значение имеют те нормы, которые устанавливают формы, способы и пределы вмешательства государства в частную жизнь граждан. В этом смысле сила права присутствует в качестве явления политико-правовой культуры в большей части развитых современных государств, где юридические нормы создают объективные условия существования двух названных уровней.

Однако это еще не определяет содержание силы права во всей его полноте. В условиях строительства современного правового государства принуждение и мера становятся преходящими, исторически отжившими уровнями. Побуждение к правовому поведению и действию, напротив, становится наиболее востребованной, актуальной составляющей силы права не только потому, что представляет собой более высокий уровень развития феномена, предполагающий наличие гражданского общества, но и вследствие того, что именно на его основе конституируется сила права как правовое сознание. Последнее предполагает, что гражданин не может реализовать себя иначе, как правовым способом, поскольку он мыслит, воспринимает социальную действительность только через правовое чувство и правовые категории, в силу чего и действует в соответствии с правовыми принципами и правовыми нормами.

Разумеется, обозначенное положение вещей выглядит очень идеализированным, мало отличающимся от наивных представлений и пожеланий политико-правового романтизма, которым «переболела» в той или иной степени любая страна из числа тех, где сегодня уже создана или конституируется демократическая гражданская культура.

Тем не менее при всей «наивности» подобное состояние общества представляется возможным. Речь ведь идет не о том, что массовое обыденное сознание в одночасье должно усвоить развитый категориальный аппарат, правовые принципы, ценности и юридические нормы в строгом смысле слова. Здесь имеется в виду то обстоятельство, что категории, которыми в теоретическом плане описывается содержание силы права, могут существовать в качестве доминантных смыслообразов культуры, и это действительно имеет место в демократических

обществах. Правовые принципы могут существовать как мировоззренческие ценностные и деонтические установки обыденного сознания, а правовые нормы — как неформально-институциональные стандарты, образцы поведения и действия.

В этом плане побуждение к усвоению, интериоризации подобных смыслообразов, установок и норм культуры становится одной из ключевых задач строительства гражданского общества в современной России. Формирование культурных механизмов такого побуждения должно стать приоритетной задачей, важность и значимость которой осознается наиболее активными социальными слоями и группами, и прежде всего политической элитой.

Одним из негативных и даже драматичных последствий формирования негражданского общества во многих странах Восточной Европы, на наш взгляд, стала дискретность, разорванность и противоречивость общества. В России, как и в большинстве бывших стран социализма, де-факто оформились различные гражданские субкультуры, которые характеризуются самостоятельными, альтернативными и независимыми друг от друга наборами ценностно-деонтических установок мировоззрения и самосознания. Как следствие, в таких субкультурах оформляются типические стандарты социального поведения и действия, которые выступают в роли неформальных социокультурных институтов, плохо сочетающихся между собой. Это обстоятельство не только способствует росту социальной напряженности, но и может обуславливать дивергентный характер развития социальных слоев и групп.

Скажем, такие гражданские права и свободы, как право на судебную защиту, право частной собственности, принцип невмешательства в частную жизнь, принцип равных возможностей и т.п., актуальные и востребованные в тех общественных слоях, которые составляют элиту или хотя бы наиболее активную и образованную часть общества, оказываются актуальными и востребованными в гораздо большей степени, чем в низкостатусных, менее образованных или маргинальных слоях. Для этих социальных групп актуальными будут патерналистские установки, когда власть сама решает за граждан, в чем заключается их благополучие [2].

Если подобную тенденцию, а сегодня в России она становится очевидной, не переломить, то российское общество вполне может оказаться в ситуации, когда в рамках таких субкультур сложатся свои неформальные политико-правовые институты, совместимость которых с формальными, определяемыми конституционным строем окажется под вопросом. Тогда расхождение между должным и сущим станет роковым для общества. Достигнув критического уровня, такое положение дел способно поставить страну на грань социально-политической катастрофы, предотвратить которую можно будет только установлением авторитарного политического режима, силовыми средствами сохраняющего целостность государства.

Возможно, подобный «апокалиптический» сценарий выглядит мрачной утопией, однако практически мгновенный распад СССР, негативные последствия которого сегодня нередко признают даже самые ярые апологеты «суверенитетов» и «самостийностей», показывает, насколько скорыми и неожиданными для общества могут оказаться деструктивные процессы такого рода.

Таким образом, рассматривая процесс становления силы права в современной России, необходимо отметить негативные тенденции, суть которых сводится к возрастающей дискретности политической и правовой культуры, формированию альтернативных субкультур и конституированию негражданского общества. Здесь же следует отметить и недостаточную доктринальную оформленность, а также непредставленность в общественном сознании корпуса общезначимых правовых идей, политико-правовых ценностей, которые могли бы консолидировать общество в целом.

Тем не менее следует признать и наличие позитивных тенденций. Так, сегодня достаточно широко обсуждаются специалистами многие системообразующие идеи — ключевые в разработке теоретического содержания силы права. Показательными примерами в этом отношении служат переосмысление избирательного и налогового законодательства, разработка нормативных актов, обеспечивающих социальную защиту населения на основе приоритетов социального государства, а не правового, дающего только формальное равенство возможностей. При всем несовершенстве конкретных юридических норм проблемы, необходимость разрешения которых и вызвало к жизни нормотворчество в этих областях, так или иначе становятся предметом внимания со стороны общества в целом.

Рассматривая происходящее с точки зрения силы права, нужно отметить, что и здесь существуют определенные доктринальные проблемы. Например, такие ключевые для силы права понятия, как «правовое существо», «идея права», «правовое чувство», «суверенитет личности» и др., до сих пор крайне недостаточно разработаны, а немногочисленные примеры их обсуждения показывают, что осмысление подобных конструктов носит либо узкопрагматический характер, интерес к ним вызван разработкой юридических норм в конкретных отраслях права, либо, наоборот, таким понятиям придается только абстрактный, предельно отвлеченный смысл, когда они остаются только умозрительными конструктами.

Исправить ситуацию, как представляется, способен подход, в котором названные ключевые для силы права понятия приобретают доктринальный смысл, становятся системообразующими идеями философии политики и философии права. В свою очередь, на их основе разрабатываются те положения, которые закладываются в общую теорию права в качестве общепризнанных ценностей и приоритетов.

Другими словами, профессиональному сообществу правоведов необходимо взять на себя задачу доктринального оформления ключевых понятий, с помо-

стью которых опредмечивается теоретическое содержание силы права хотя бы потому, что последняя способна послужить тем основанием, где формируется единая концептуальная платформа для различных отраслей права.

Но существует и другая сторона вопроса. Она связана с необходимостью преодоления «узкоцехового» толкования тех же приведенных ранее понятий. Речь идет о выходе за рамки собственно правовой теории и исследовании того, каким образом теоретическое содержание силы права и выводимые из него следствия соотносятся с пониманием политических ценностей гражданской культуры, с феноменами политической власти, политического интереса, политического участия и т.п. В этом случае встает не только проблема институционального представительства и согласования последних. Она-то в большей или меньшей степени успешно решается в большинстве современных государств. Гораздо более значимым оказывается другой аспект данной проблемы, а именно: как системообразующие идеи, «идея права», «правовое существо», «правовое чувство» и другие становятся смыслообразами культуры, на основе которых в обществе выстраивается общее понимание феноменов политической власти, политического интереса, политического участия. Данный аспект практически не исследован ни в философии права, ни в философии политики, в то время как именно здесь закладывается возможность интериоризации базовых политико-правовых ценностей различными субкультурами, существующими сегодня в российском обществе.

Если же отмеченный пробел в доктринальном осмыслении силы права будет ликвидирован, то появится возможность не просто сформулировать понимание силы права в виде политических и правовых деклараций, но и создать политико-мировоззренческую, политико-идеологическую платформу правосознания в политико-культурных ценностных основаниях, единую для всего общества.

Но необходимость разрешения этой проблемы ставит вопрос о своеобразной правоприменительной модели становления силы права на практике.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что становление силы права в современной России характеризуется наличием ряда специфических проблем. К таким проблемам относится осознание места и роли институтов государственной власти в самом процессе становления силы права. При этом ясно следует отдавать себе отчет в том, что коль скоро Россия претендует на то, чтобы оставаться в рамках цивилизованной части мирового сообщества, то вопрос о том, что собой представляет в политико-правовом институциональном плане сочетание элементов правового и социального государства, становится ключевым. Достаточно сравнить ст. 1 Конституции РФ, признающую российское государство правовым, и ст. 7, утверждающую Российскую Федерацию как государство социальное. Ответ на него позволит на доктринальном уровне прояснить, каким образом может быть преодолена ситуация правового нигилизма и правового дуализма и какова здесь роль государства,

коль скоро именно политические институты государственной власти характеризуются опережающим развитием по сравнению с институтами и самосознанием гражданского общества. Более того, о формировании последнего в нашей стране, говорить можно с большой долей условности. Некоторые исследователи считают, что в России, как и во многих других восточноевропейских государствах, складывается негражданское общество.

В отечественных условиях одним из его признаков служит то, что в правосознании различных социальных слоев сегодня существует вполне очевидный разрыв между должным и сущим в оценке юридических норм. В свою очередь, поскольку в восприятии рядовых граждан сила права на практике обнаруживает себя как власть закона, его эффективность, справедливость и авторитет, постольку существование ряда нерешенных правотворческих проблем оказывает соответствующее деструктивное воздействие на правоприменительную практику. Поэтому становление силы права в современной России предполагает параллельное продвижение в их разрешении как в теоретическом, так и в практическом плане.

Библиографический список

1. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5.
2. Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Pro et Contra. 1999. № 2.
3. Хлопин А. Закон в социальных представлениях «новых русских», или где проходит грань преступления? // Pro et Contra. 2001. № 3.

ПРАВО НА РЕФЕРЕНДУМ В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

.....

М. М. Курячая*

Демократические преобразования современного общества, формирование в России правового государства способствуют развитию народовластия, совершенствованию форм участия населения в управлении государством и решении вопросов местного значения. Конституция Российской Федерации [11] провозглашает носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации ее многонациональный народ. Свою власть он реализует непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Признание многонационального народа Российской Федерации единственным источником власти означает необходимость создания правовых и организационных условий для непосредственного осуществления власти гражданами РФ. Государственная власть и местное самоуправление функционируют устойчиво и эффективно лишь при наличии развитых институтов прямой демократии. В этих условиях особую актуальность приобретают исследования содержания права граждан РФ на референдум в системе основных прав и свобод граждан России.

Права и свободы человека и гражданина образуют систему. С одной стороны, это предполагает «целостность и единство данного явления, а с другой — внутреннюю структурную дифференциацию составляющих его частей, т.е. их известную обособленность по отношению к целому» [3, с. 162].

Целостность, единство системы основных прав и свобод человека и гражданина состоит в том, что каждый гражданин РФ на ее территории обладает всеми правами и свободами (ст. 6 Конституции РФ), все права и свободы неразрывно взаимосвязаны между собой, утрата одного права часто с неиз-

* Курячая Марина Михайловна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: rap@kubsu.ru.

бежностью влечет потерю других возможностей выбирать меру поведения. Российская модель их юридического закрепления такова, что для изменения хотя бы одной правовой нормы главы «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ потребуются создание уже иной системы основных прав и свобод.

Основные права и свободы граждан в системном понимании — это высшая ценность; их признание, соблюдение и защита — основная обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). Наконец, все основные права и свободы человека и гражданина имеют во многом схожие механизмы защиты [12, с. 9].

В вопросе о соотношении понятий «право личности» и «свобода личности» мы исходим из того, что «по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны. Они очерчивают обеспечиваемые государством социальные возможности человека в различных сферах... Разграничение между правами и свободами провести трудно, поскольку зачастую всю сферу политических прав с четко определенными правомочиями также именуют «свободами». Различие в терминологии является скорее традиционным, сложившимся еще в XVIII-XIX вв.» [23, с. 133]. Так, Конституцией РФ каждому гарантируется свобода совести (ст. 28) и мысли (ч. 1 ст. 29), а в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [9] «каждый имеет право на свободу мысли, совести» (п. 1 ст. 9). Обладая правом на участие в референдуме, гражданин одновременно имеет свободу его реализации: согласно ч. 5 ст. 2 Федерального конституционного закона «О референдуме РФ» 2004 г. [20] участие в референдуме РФ является свободным и добровольным, никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью принудить его к участию или неучастию в референдуме, в выдвижении инициативы проведения референдума, в подготовке и проведении референдума, а также препятствовать его свободному волеизъявлению.

Классификация прав и свобод личности производится по различным основаниям, в основе которых находятся воззрения на личность, ее предназначение в обществе и государстве. Самый распространенный критерий — содержание прав и свобод, т.е. сфера жизнедеятельности человека и гражданина, в которой эти права и свободы реализуются. В соответствии с данными сферами основные права и свободы человека и гражданина С.А. Авакьян дифференцирует по четырем группам:

1) *личные* (в области личной жизни и индивидуальной свободы) — право на жизнь; достоинство личности; право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность

жилища; право на определение своей национальной принадлежности; право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться в РФ; свобода совести и свобода вероисповедания;

2) *публично-политические* (в публично-политической сфере) — свобода мысли и слова, право на информацию, право на объединение, свобода собраний, митингов и демонстрации, шествий и пикетирования, право участвовать в управлении делами государства, избирательное право, право обращения в государственные органы и органы местного самоуправления;

3) *социально-экономические* (в социально-экономической сфере) — право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности, право частной собственности, право на свободный труд, право на отдых, право на защиту материнства, детства, семьи, право заботиться о детях и их воспитании, право на социальное обеспечение, право на жилище, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на образование, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям;

4) *права по защите других прав и свобод* — сочетание государственной защиты прав и свобод с возможностью лично защищать себя, судебная защита прав и свобод, право на компетентное правосудие, право на получение квалифицированной юридической помощи, презумпция невиновности, право на гуманизм правосудия, право на защиту интересов пострадавших от нарушения закона, право на применение действующего закона, отказ от обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, невозможность ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, применение нового закона, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена [10, с. 407-408].

Приведенное, а равно всякое иное отнесение основных прав и свобод к той или иной группе очень условно, ибо отдельные права и свободы в зависимости от сферы реализации могут быть отнесены к разным группам. Так, свобода массовой информации в одних случаях выступает как личное право, а в других, будучи одним из способов взаимодействия гражданского общества и органов власти, находится в сфере политики. В частности, политической следует считать свободу деятельности организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, по информированию избирателей, участников референдума, закрепленную п. 4 ст. 45 Федерального закона «Об

основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»* [21].

Помимо предметного критерия существуют и другие, также в некоторой степени условные, основания классификации конституционных прав и свобод.

Так, по субъекту различают права и свободы человека, принадлежащие любому индивиду и реализуемые им вне зависимости от его правовой связи с соответствующим государством, и права и свободы гражданина, осуществляемые только гражданами соответствующего государства. По форме осуществления права и свободы делятся на индивидуальные и коллективные. Существуют права и свободы, возникающие у индивида с момента рождения (в частности, право на охрану достоинства личности), и права, свободы, момент возникновения которых специально оговорен в действующем законодательстве (избирательные права).

Уровень закрепления в нормативных актах является классификационным критерием для выделения основных и производных прав и свобод.

Основные права индивида и есть конституционные права. Такая трактовка вытекает, например, из сопоставления ст. 17 и ст. 55 Конституции РФ, отмечающей, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем в п. 2 ст. 17 речь идет только об основных правах человека, что позволяет подчеркнуть их особые свойства — неотчуждаемость и принадлежность каждому от рождения.

В современном мире, когда проблема защиты прав человека вышла далеко за пределы отдельного государства, возникла необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов, которые также являются основными правами человека. Эти основные права отражены в ряде важнейших международно-правовых актов, установивших общечеловеческие стандарты прав и интересов личности, определивших ту планку, ниже которой государство не может опускаться. Это означает, что права и свободы человека перестали быть объектом только внутренней компетенции государства, а стали делом всего международного сообщества. Сегодня объем прав и свобод личности определяется не только конкретными особенностями того или иного общества, но и развитием общечеловеческих ценностей и культуры, уровнем и степенью интегрированности международного сообщества.

Всеобщая декларация прав человека, международные пакты о правах человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод определили тот универсальный набор основных прав и свобод, который в единстве призван обеспечить нормальную жизнедеятельность индивида. Этот блок прав возник не на пустом месте, он формировался на основе многовекового опыта борьбы за свободу и социальный прогресс.

* Далее – Федеральный закон «Об основных гарантиях...».

Поэтому в современных условиях под основными правами человека следует понимать права, содержащиеся в конституции государства и международно-правовых документах по правам человека. Любое основное право человека должно быть признано каждым государством независимо от его конституционного закрепления. Приоритет международного права по отношению к внутригосударственному в области прав человека становится общепризнанным принципом международного сообщества (ст. 15 Конституции РФ).

Основные права и свободы составляют стержень правового статуса индивида, в них коренятся возможности возникновения других многочисленных прав, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека. Эти права очень важны для индивида, его взаимодействия с другими людьми, с обществом и государством. От основного права может отпочковаться значительное количество других прав.

Например, ст. 21 Всеобщей декларации прав человека [4, с. 14-20] предусматривает, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно либо через свободно избранных представителей. Это основное право порождает иные права: на участие в самоуправлении, право выдвигать своего кандидата во время избирательной кампании, право требовать отчета у избранного депутата о выполнении им своих обязанностей и т.д.

Поэтому *основные, фундаментальные права*, зафиксированные в конституции государства, важнейших международно-правовых актах по правам человека, являются *правовой базой для производных, но не менее важных его прав* [23, с. 133-135].

Весьма интересным и значимым представляется разделение прав и свобод на естественные и позитивные. Критерием здесь выступает их происхождение, характер формирования, уровень связи с деятельностью органов государственной власти. М. В. Баглай и В. А. Туманов к естественным правам относят «права и свободы, которыми каждый человек наделен по праву рождения и которые тем самым первичны к действующему праву и должны гарантироваться им» [2, с. 136]. Следовательно, позитивные права есть результат правотворчества государства, зависящий во многом от его политического режима, имеющихся ресурсов, уровня развития гражданского общества.

Современный подход к данной проблематике изложен в работах В. Е. Чиркина. В частности, он пишет: «Идеологема естественных, неотчуждаемых прав человека была величайшим завоеванием демократической мысли в борьбе против абсолютизма. Однако при переводе на язык права она подверглась коррективам. Ни одно из прав, относимых к естественным, не оказалось неотчуждаемым.

В международных пактах о правах человека также закреплен новый подход. Если ранее сторонники индивидуалистической концепции естественных прав считали, что свобода одного ограничивается только там, где начинается свобо-

да другого (и с абстрактных позиций это звучит неплохо), то в международных пактах на первый план выдвигаются общественные, коллективистские мотивы: ограничение свободы возможно в целях обеспечения общественного порядка, публичной морали, здоровья населения и т.д. В современных условиях утрачены многие различия между естественными правами, принадлежащими человеку как индивиду, и позитивными правами, принадлежащими гражданину как члену политического, государственного сообщества. Дело не только в том, что само это различие с позиций правового регулирования искусственно, поскольку позитивные права также принадлежат человеку (например, право на труд принадлежит и иностранцам, равно как и свобода слова), но и в том, что естественные права с определенными гарантиями и ограничениями теперь закреплены в конституциях. Они стали позитивными правами, хотя в силу своих особенностей нуждаются в разработке особых юридических приемов и средств защиты» [26, с. 100-101].

Право на референдум относится к группе публично-политических прав и свобод. Они существуют и реализуются в сфере политики, т.е. в сфере человеческой деятельности, связанной с отношениями между классами, нациями, социальными группами, с решением проблем обладания и реализации государственной власти, с участием в делах государства, определением форм, задач, содержания его деятельности. Нельзя, однако, не признать, что в рамках референдума конкретизируются и некоторые личные, социально-экономические права. При этом они обременяются набором ограничений, присущих сугубо политическим правам: наличие гражданства, достижение совершеннолетия и др.

Согласно ст. 5 Закона «О референдуме» 2004 г. гражданин РФ, достигший возраста 18 лет, имеет право голосовать на референдуме, участвовать в выдвижении инициативы проведения референдума, а также в иных законных действиях по подготовке и проведению референдума. Не имеет права участвовать в референдуме гражданин РФ, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях...» гражданин РФ, достигший возраста 18 лет, имеет право голосовать на референдуме РФ, субъекта РФ, местном референдуме. Гражданин РФ, который достигнет на день голосования возраста 18 лет, вправе участвовать в предусмотренных законом и проводимых законными методами других действиях по подготовке и проведению референдума. Гражданин РФ имеет право участвовать в референдуме независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Не имеют права избирать, быть избранными, участвовать в референдуме граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Согласно п. 10 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях...» на основании международных договоров РФ и в порядке, установленном законом, иностранные граждане, постоянно проживающие на территории соответствующего муниципального образования, имеют право участвовать в местном референдуме на тех же условиях, что и граждане РФ. В России обладание правом на участие в местном референдуме для иностранных граждан обусловлено наличием международного договора между РФ и соответствующим иностранным государством и закона субъекта Федерации, а также постоянным проживанием иностранного гражданина на территории соответствующего муниципального образования.

Данная норма представляется не соответствующей Конституции РФ и международно-правовым актам. В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. Согласно ч. 2 ст. 130 Конституции местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Правом участвовать в референдуме ч. 2 ст. 32 Конституции наделяет только граждан РФ. Таким образом, по буквальному смыслу Конституции (ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 130) иностранные граждане не могут быть наделены правом на участие в местном референдуме наравне с гражданами РФ*.

Эта позиция соответствует и международно-правовой практике. Как указывается в ст. 16 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепление в международно-правовых актах важнейших политических прав и свобод «не может рассматриваться как препятствие для Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев».

Еще сложнее однозначно определить уровень юридического закрепления права на референдум в системе нормативных правовых актов.

Конституция РФ (ст. 32, 130) непосредственно закрепляет только право граждан России участвовать в референдуме, конкретизирующее более общие конституционные права граждан непосредственно участвовать в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления.

* М.С. Матейкович предложил следующий вариант решения данной проблемы: «Учитывая общемировые тенденции, геополитические интересы России, конституционно (в специальной главе, посвященной избирательной системе, либо среди положений о местном самоуправлении) закрепить право участия в муниципальных выборах иностранных граждан, постоянно проживающих на законном основании на территории муниципального образования не менее 3 лет, в случаях, предусмотренных международным договором. Полагаем, что данный вопрос должен быть решен исключительно на федеральном уровне, региональное законодательное регулирование по данному вопросу является неправомерным» [12, с. 17].

Е. И. Колюшин, характеризуя систему конституционных политических прав, пишет: «Конституционные политические права в зависимости от существа осуществляемой власти народа можно разделить на две группы:

а) конституционные политические права, дающие возможность участия в осуществлении государственной власти (право участвовать в управлении делами государства и связанные с ним право избирать и быть избранным, право участвовать в отправлении правосудия, право на равный доступ к государственной службе);

б) конституционные политические права, дающие возможность участия в осуществлении негосударственной власти народа (право на объединение, право собраний)» [8, с. 138].

При этом он отмечает, что «конституционное право избирать и быть избранными, включая право участия в референдуме, конституционное право на равный доступ к государственной службе, конституционное право участвовать в отправлении правосудия есть, с одной стороны, проявления конституционного права участвовать в управлении делами государства, а с другой — самостоятельные конституционные права граждан России» [8, с. 142].

Анализируя непосредственное участие граждан в управлении делами государства и местного самоуправления, С. А. Авакьян приходит к выводу, что оно «выражается в следующих возможностях граждан РФ:

— в праве участвовать в принятии государственных решений (законы и др.) на референдуме РФ, а также субъекта РФ и местном референдуме;

— в праве постановки вопросов перед государственными органами и органами местного самоуправления в порядке народной инициативы (сбор подписей за проведение референдума, подготовка и принятие законопроекта и т.п.)» [10, с. 461].

Фактически право граждан требовать регистрации инициативной группы по проведению референдума избирательной комиссией субъекта РФ (при выдвижении инициативы проведения референдума РФ либо субъекта Федерации) или муниципального образования* (при выдвижении инициативы проведения местного референдума) является реализацией предусмотренного ст. 33 Конституции РФ права направлять коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Таким образом, конституционное право граждан РФ непосредственно участвовать в управлении делами государства реализуется через предусмотренное Законом «О референдуме» 2004 г., Федеральным законом «Об основных гарантиях...» и законами субъектов РФ право граждан на выдвижение инициативы проведения референдума и конституционное право на участие в референдуме РФ, субъекта РФ.

* Законодательством субъектов РФ может быть предусмотрен иной орган, на который возложены обязанности по регистрации инициативной группы по проведению референдума.

Конституционное право граждан РФ непосредственно участвовать в осуществлении местного самоуправления реализуется через предусмотренное Федеральным законом «Об основных гарантиях...» и законами субъектов РФ право граждан на выдвижение инициативы проведения местного референдума и конституционное право на участие в местном референдуме.

В свою очередь, конституционное право на участие в референдуме реализуется через предусмотренные законодательством РФ, субъектов Федерации права на участие в формировании и деятельности комиссий референдума, права граждан в сфере информационного обеспечения референдума, права граждан в сфере финансирования референдума, право граждан на голосование на референдуме.

Определяя место права на референдум в общей системе прав и свобод личности, прежде всего следует отметить, что данный термин не известен действующему законодательству. Так, ч. 2 ст. 32 Конституции РФ устанавливает, что граждане РФ имеют право участвовать в референдуме. Закон «О референдуме» 2004 г. дефиниции права на референдум либо права на участие в референдуме не содержит.

Право граждан РФ на участие в референдуме п. 51 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях...» определяется как конституционное право граждан РФ голосовать по вопросам референдума, а также участвовать в других действиях по подготовке и проведению референдума.

В законодательстве субъектов РФ либо содержится аналогичная формулировка (Магаданская область [17, ст. 4, п. 26], Нижегородская область [14, ст. 2, п. 24], Краснодарский край [16, ст. 3, абз. 29] и др.), либо такая норма отсутствует (Алтайский край [7, с. 31]), Республика Башкортостан [19], Омская область [18] и др.).

Более конкретизировано содержание права на участие в местном референдуме в законодательстве Якутии, которое утверждает конституционное право на участие в местном референдуме, в том числе право голосовать по проектам нормативных правовых актов, действующим нормативным правовым актам, другим вопросам местного значения, находящимся в ведении муниципального образования [15, ст. 2, п. «л»].

Принципиальное значение в плане обеспечения свободы политического волеизъявления граждан имеет определение места права на референдум в системе индивидуальных и коллективных прав личности. Рассматривая вопрос о конституционности отдельных положений избирательного законодательства, Конституционный Суд РФ отметил важную особенность избирательных прав: «Будучи индивидуальными, эти права реализуются в процессе выборов, предполагающих выявление общей воли избирателей, принявших участие в голосовании» [22].

Думается, что это в полной мере касается и права на участие в референдуме, поэтому нельзя однозначно говорить об индивидуальном характере всех без исключения прав граждан, связанных с участием в референдуме.

В юридической литературе основным критерием разграничения прав и свобод на индивидуальные и коллективные является форма их осуществления. Если индивидуальные права и свободы могут быть реализованы личностью самостоятельно, без участия других субъектов, то коллективные осуществляются только совместно с другими индивидами [1, с. 208].

В этой связи большинство производных прав — собирать подписи в поддержку инициативы проведения референдума, агитировать, голосовать, наблюдать за голосованием, участвовать в работе комиссии референдума — можно рассматривать как индивидуальные. Они отражают ход референдума и заканчиваются на стадии голосования, т.е. определения каждым избирателем в отдельности своих предпочтений по отношению к предмету референдума.

Однако реализацию права на референдум нельзя рассматривать лишь как набор действий, осуществленных в ходе его подготовки и проведения. В современной науке сформировалось вполне справедливое представление о реализации права не только как о процессе использования предоставленных возможностей. Реализация права предполагает какой-то конечный результат этого процесса, достижение соответствия между предпринятыми действиями и их целью [24, с. 374]. Применительно к субъективным правам реализация без результата вообще немыслима.

Так, реализация права на выдвижение инициативы проведения референдума означает не просто легитимацию воли инициативной группы по проведению референдума соответствующей избирательной комиссией путем выдачи ей регистрационного свидетельства, а именно выраженную в установленном порядке в ходе сбора подписей участников референдума определенным количеством граждан РФ поддержку инициативы по проведению референдума, назначение и проведение референдума. А реализация права на участие в референдуме предполагает не просто голосование по предложенному вопросу, а именно принятие определенного решения.

Конституционное право граждан на референдум может быть реализовано только коллективно, посредством выражения общей воли участников референдума, определяемой на основе волеизъявления большинства. Следовательно, исходя из принятого критерия классификации, данное право можно признать коллективным.

В науке продолжается дискуссия относительно разграничения прав, свобод, реализуемых вне правоотношения, и прав, свобод, реализуемых посредством участия лица в каком-либо правоотношении. Причем к первым относят главным образом конституционные права [25, с. 36-37]. В частности, Н. И. Матузов считает подобное разграничение искусственным, поскольку все конституционные права существуют в рамках правоотношений, «только особых, общерегу-

лятивных, возникающих из норм Конституции и носящих первичный, базовый характер» [13, с. 261-262]. Иной позиции придерживается Ю. И. Гревцов, замечая, что «в практике судов, административных органов не было ни одного случая обращения к абсолютным или общим правовым отношениям с целью доказывания реальности их существования и наступления каких-то последствий их реализации» [5, с. 279].

Однако следует признать, что во многом именно практика защиты избирательных прав граждан дала науке достаточно яркие примеры споров, вытекающих из правоотношений общего вида. В частности, конституционное правоотношение, складывающееся в связи с реализацией ст. 32 Конституции, по мнению С. Д. Князева, «не только предполагает императивную необходимость надлежащего организационного, материального, финансового, законодательного и иного обеспечения избирательных прав российских граждан, но и непосредственно выступает в качестве социально-правовой основы всех избирательных правоотношений» [6, с. 171].

Содержанием анализируемого общего правоотношения является конституционное право граждан РФ на участие в управлении делами государства, конституционное право граждан РФ на осуществление местного самоуправления, которому корреспондирует обязанность государства по признанию, соблюдению и защите данного права, обеспечению свободы волеизъявления граждан.

Таким образом, право граждан на референдум имеет субъективный характер, реализуется исключительно через правоотношения:

1) конституционное право граждан РФ на участие в управлении делами государства, конституционное право граждан РФ на осуществление местного самоуправления — через правоотношение общего вида;

2) иные (производные) права, связанные с выдвижением инициативы проведения референдума и участие в референдуме — через конкретные правоотношения.

Подводя итоги, можно предложить следующее понятие права граждан на референдум: *право граждан Российской Федерации на референдум — это закрепленная на основе общепризнанных норм международного права система принадлежащих совершеннолетним гражданам Российской Федерации конституционных и производных от конституционных юридических возможностей посредством свободного коллективного волеизъявления непосредственно участвовать в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления.*

Библиографический список

1. Алебастрова И. А., Кашкин С. Ю. Коллективные права, свободы и обязанности / Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Юрист, 2001.
2. Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998.

3. Воеводин А.Д. Юридический статус личности в России. М.: ИНФРА-М-Норма, 1997.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948//Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М.: Юридическая литература, 1990.
5. Гревцов Ю.И. Правовые отношения//Общая теория государства и права. М.: Зерцало, 1998. Т. 2.
6. Князев С.Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток: ДВГУ, 1999.
7. Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц: Закон Алтайского края от 08.07.2003 № 35-ЗС с изм. и доп., внесенными законами Алтайского края от 01.12.2003 № 60-ЗС, от 02.12.2003 № 68-ЗС, от 25.12.2003 № 75-ЗС//Сборник законодательства Алтайского края. 2003. № 87. Ч.1.
8. Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М.: МГУ, 1999.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04.11.1950//Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
10. Конституционное право: Энциклопедический словарь/Отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Норма, 2001.
11. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., внесенными Указами Президента РФ от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841//Российская газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 152; 2001. № 24. Ст. 2421; 2003. № 30. Ст. 3051.
12. Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. М.: МГУ, 2003.
13. Матузов Н.И. Право и личность//Теория государства и права: Курс лекций/Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юрист, 1999.
14. О местном референдуме в Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 02.06.2003 № 42-З//Правовая среда. 2003. 18 июня, 25 июня, 23 июля, 30 июля.
15. О местном референдуме: Закон Республики Саха (Якутия) от 25.04.2000 № 179-П//Якутские ведомости. 2000. 20 июня.
16. О референдумах в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 23.07.2003 № 606-КЗ//Кубанские новости. 2003. 9 авг.
17. О референдуме Магаданской области: Закон Магаданской области от 07.07.2003 № 371-ОЗ с изм. и доп., внесенными Законом Магаданской области от 31.12.2003 № 403-ОЗ//Магаданская правда. 2003. 16 июля; 2004. 13 янв.
18. О референдуме Омской области и местном референдуме: Закон Омской области от 30.06.2003 № 454-ОЗ//Ведомости Законодательного Собрания Омской области. 2003. № 2 (35). Ст. 1953.
19. О референдуме Республики Башкортостан: Закон Республики Башкортостан от 20.06.1991 № ВС-6/21 с изм. и доп., внесенными Законами Республики Башкортостан от 12.12.1995 № 15-з, от 04.03.1997 № 82-з, от 12.03.2001 № 207-з, от 12.01.2004 № 61-з//Республика Башкортостан. 2004. 20 янв.
20. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ//Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

21. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ с изм. и доп., внесенными Федеральными законами от 27.09.2002 № 119-ФЗ, 23.06.2003 № 83-ФЗ, 04.07.2003 № 97-ФЗ, № 102-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; № 39. Ст. 3642; 2003. № 26. Ст. 2572; № 27 (ч. 2). Ст. 2711; № 27 (ч. 2). Ст. 2716; Российская газета. 2004. 14 авг.
22. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях...» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П//Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 6. Ст. 626.
23. Права человека: Учебник для вузов/Отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
24. Теория права и государства: Курс лекций/Под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа: УВШ МВД РФ, 1994.
25. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974.
26. *Чиркин В.Е.* Конституция: российская модель. М.: Юристъ, 2002.

ДЕНЕЖНЫЕ ТРАТЫ НА ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В 2003/04 УЧЕБНОМ ГОДУ

.....

О. А. Оберемко*

Дошкольное образование и воспитание ребенка может осуществляться с использованием ресурсов семьи и ресурсов, предоставляемых обществом на возмездной или безвозмездной основе. Чтобы охарактеризовать ресурсы, которыми располагает семья, необходимо, имея представление об актуальном состоянии социальной структуры общества, найти место этой семьи в иерархии социальных статусов. При разметке социо-структурного пространства предполагается, что всякому месту в этой иерархии соответствует определенный набор ресурсов, которые семья в состоянии предложить для обмена ради получения от общества желаемых ресурсов. В статье рассматриваются шансы на пользование детскими дошкольными учреждениями, которыми различные категории семей располагали в 2003/04 учебном году, и дается характеристика произведенных семьями денежных трат.

За последние 15 лет сократилось число государственных и ведомственных дошкольных учреждений; некоторые из них закрывались или перепрофилировались, некоторые передавались на баланс муниципальных бюджетов. Одновременно росло число частных (коммерческих) дошкольных учреждений, миссия которых — предоставление качественных образовательно-воспитательных услуг. Появились агентства, предоставляющие квалифицированных нянь, гувернеров, воспитателей, преподавателей и т.п. Кроме того, произошла рест-

* Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: oober@yandex.ru.

Статья написана по данным третьей волны «Мониторинга экономики образования» — многолетнего проекта, реализуемого Министерством образования и науки РФ, ГУ — Высшая школа экономики и Фондом «Общественное мнение». В течение первой недели октября 2004 г. по репрезентативной выборке было опрошено 4500 жителей столицы и 9000 жителей регионов. Для настоящего анализа были выделены подвыборки домохозяйств, производивших в 2003/04 учебном году траты на образование детей дошкольного возраста (старше 4 лет на момент опроса): региональная подвыборка 771 чел., столичная подвыборка — 284 чел.

руктуризация рынка дополнительных образовательных услуг, предоставляемых кружками, секциями и т.п.

В целом можно выделить четыре основные стратегии дошкольного воспитания и образования:

- 1) пользование услугами государственного (муниципального) или ведомственного детского дошкольного учреждения (ДДУ);
- 2) пользование услугами частного/коммерческого ДДУ;
- 3) отказ от ДДУ в пользу воспитания силами семьи;
- 4) отказ от ДДУ в пользу частного воспитания — индивидуального найма профессиональных нянь, гувернеров, преподавателей и т.п.

Пользование услугами учреждений *дополнительного* образования (УДО) по определению возможно в комбинации с перечисленными четырьмя стратегиями.

В старшем дошкольном возрасте в воспитательных стратегиях появляется новый компонент, связанный с переходом ребенка в новую категорию школьного возраста.

1. Удовлетворенный и неудовлетворенный спрос на ДДУ

Наибольшее распространение по-прежнему имеет первая стратегия: по данным обоих опросов (табл. 1), три четверти детей дошкольного возраста посещали в 2003/04 учебном году государственные (муниципальные*) и ведомственные детские сады. Услугами частных (коммерческих) ДДУ пользовались лишь 2,2 % семей в регионах и 4,6 % в столице.

В Москве наблюдался несколько больший охват детей дошкольного возраста ДДУ: сад не посещали 13 %, тогда как в общероссийской выборке этот показатель приближался к 20 %. Кроме того, в столице получила распространение стратегия частного воспитания, но не в чистом виде. Чаще всего, по данным опроса, к частным услугам прибегают в тех семьях, в которых дети посещают государственные ДДУ. Умозрительно в такой стратегии можно обнаружить как минимум два преимущества. Во-первых, ребенок получает опыт социализации в разных воспитательных средах: домашней и детсадовской. Во-вторых, у родителей всегда есть выбор: можно оставить ребенка дома, если это по каким-то причинам предпочтительно. Если ребенка дома лучше не оставлять и он готов (например, здоров) для посещения сада, то именно государственным ДДУ отдается предпочтение.

В общероссийской выборке только 5 респондентов сообщили о систематическом найме нянь и гувернеров.

Ответы, полученные на открытый вопрос о причинах непосещения ребенком детского сада, мы разделили на четыре категории. Ситуацию устройства ребенка в ДДУ мы представили в виде дистанции для бега с 4 барьерами, которую нужно преодолеть семье, мобилизуя каждый раз различные ресурсы. Перед преодолением

* Несмотря на академическую важность различения государственной и муниципальной собственности, респонденты разницу улавливали с трудом.

Таблица 1

Посещение ДДУ в 2000/04 учебном году

Дошкольники	Вся Россия		Москва	
	N	%	N	%
Не посещали детсад	161	20,9	37	13,0
Посещали государственный детсад	546	70,8	216	76,1
Посещали ведомственный детсад	42	5,4	16	5,6
Посещали частный детсад	17	2,2	13	4,6
Затрудняюсь ответить, какой сад посещал ребенок	5	0,6	2	0,7
Всего	771	100,0	284	100,0
В том числе учились в учреждениях дополнительного образования	65	8,5	37	13,0

очередного барьера семья делает выбор: преодолевать препятствие или сойти с дистанции. Ближе к финишу влияние принудительных факторов, выходящих за пределы компетенции членов семьи, снижается и расширяются возможности для позитивного выбора. Если в начале дистанции выбор диктуется главным образом дефицитом ресурсов и для выбора характерно в большей степени избегание потерь, то к концу доминирует позитивный выбор из альтернативных возможностей — стремление к приобретению выгод.

Количественный анализ данных московского опроса интереса не представляет ввиду малого числа респондентов, указавших на непосещение детьми ДДУ. Почти половина из 37 респондентов не преодолела третий барьер, что является, по-видимому, следствием лучшей обеспеченности столицы ДДУ. Невозможность устроить ребенка в столичный детсад носит, судя по ответам, в основном временный характер и объясняется ожиданием в очереди и недавней сменой места жительства (переездом в столицу).

По данным российского опроса для жителей регионов преодоление первого барьера представляет хроническую проблему.

Первый барьер. На этом рубеже почти половина семей из общероссийской выборки не смогла преодолеть 2 препятствия: отсутствие ДДУ и средств на его посещение.

1. «Отсутствие детсада» было представлено в следующих вариантах:

а) физическое отсутствие ДДУ в населенном пункте (в сельских и в малых городских поселениях);

б) отдаленность доступного детского сада; в этих случаях под «отсутствием» понималось отсутствие удобного транспорта или члена семьи, который мог бы регулярно водить ребенка в сад;

в) сад по месту жительства физически есть, но он переполнен; на очередь либо не ставят, либо нет смысла в ней стоять, потому что она движется медленно;

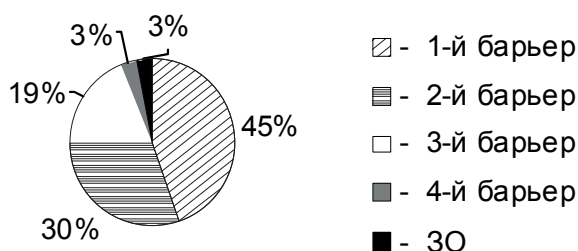

Рис. 1. Причины непосещения детского сада (общероссийская выборка), N=160

г) сад есть, но загружен не полностью из-за недоукомплектованности штата педагогов;

д) мобильность семьи также может быть препятствием для устройства ребенка в детсад, в частности при переезде из села в город;

е) в опросе встретились семьи, которые временно отправляют ребенка на воспитание к бабушке в деревню, где нет сада, или она не может его туда регулярно водить.

Чаще на отсутствие возможности устроить ребенка в детский сад ссылались жители села и семьи со среднедушевым доходом менее 500 р.

2. Наличие детского сада по месту проживания — недостаточное условие для того, чтобы удовлетворить спрос на дошкольное образование и воспитание. Препятствием в ряде случаев является финансовое положение семьи. Некоторые респонденты отмечали, что водили ребенка в детсад (преодолевали один из барьеров), но им пришлось отказаться от его услуг из-за роста оплаты или из-за того, что им не удалось перевестись в бюджетную группу (так и остались в контрактной).

В ряде зафиксированных ответов можно заметить, что респонденты представляли отказ от услуг ДДУ как результат рационального выбора, соотнесения выгод и издержек; последние оказались для семьи слишком велики. Выбор в пользу экономии на детсаде облегчается наличием в семье представителя третьего возраста, безработного или домохозяйина-родителя, а иногда еще и желанием родителей, чтобы ребенок занимался в платных учреждениях дополнительного образования вместо детсада. Подобные случаи мы квалифицировали как выбор, продиктованный прежде всего дефицитом ресурсов, а не большей привлекательностью избираемого варианта. Если бы семья обладала большими финансовыми ресурсами, ребенок, по-видимому, ходил бы в детсад.

Особенно эта ситуация характерна для городских поселений. Вариант ответа «нет сада» среди горожан скорее означает отсутствие ДДУ на доступных для семьи условиях.

К ситуации непреодоления первого барьера мы также отнесли случаи, когда старший дошкольник не ходил в сад, потому что сам присматривал за младшими детьми и дедом-инвалидом.

Употребляя рыночные термины, назовем первый барьер своего рода пропускным пунктом для потенциальных потребителей на рынок услуг. Завышенные требования на входе ограничивают размеры рынка и перспективы его роста.

Только так можно объяснить рассогласование между данными опроса и данными государственной статистики. Согласно официальным данным, начиная с 1992 г., количество мест в ДДУ никогда не превышало количество детей дошкольного возраста; разница неуклонно увеличивалась вплоть до 1998 г., когда на 100 мест приходилось 78 детей. Потом число свободных мест в ДДУ стало сокращаться: в 2002 г. на 100 мест приходилось уже 86 детей. Причем в сельской местности (согласно тем же официальным данным) ДДУ загружены всего лишь на две трети*. Разумеется, неохваченность детей дошкольными учреждениями отчасти объясняется неадекватным их размещением; однако имеется и влияние высокой «входной платы».

Второй барьер. В качестве необходимого для преодоления второго барьера ресурса можно рассматривать *понимание* того, что профессиональные педагоги и детский коллектив будут более полезны для развития ребенка. Обладание этим ресурсом связано с информированностью, социализированностью самих родителей и, конечно же, с доверием к ДДУ как к социальному институту. Отказ от услуг ДДУ облегчается обладанием альтернативного ресурса — наличием члена семьи, с которым можно оставить ребенка дома.

Чаще всего в качестве такого члена семьи называлась бабушка, чуть реже мать — домохозяйка, безработная или находящаяся в декретном отпуске по уходу за ребенком еще более младшего возраста. При этом, как формулировали респонденты, бабушка чаще с ребенком «сидит», а мама «занимается воспитанием». В единичных случаях в качестве «сидельцев» и «воспитателей» назывались дедушки и отцы. Некоторые респонденты не уточняли, с кем именно из взрослых ребенок остается дома.

Во многих ответах, отнесенных к этой категории, респонденты не конкретизировали причину выбора домашнего воспитания, а просто указывали, например, «есть бабушка», которая и олицетворяла собой альтернативный ресурс.

В целом респонденты этой категории, по-видимому, видели в устройстве ребенка в ДДУ лишь вариант на случай необходимости, т.е. не рассматривали ДДУ как место, куда нужно стремиться устроить ребенка. Если *необходимости нет*, ребенок остается дома.

Участие в рынке образовательных и воспитательных услуг представляется непривлекательным из-за наличия альтернативных способов удовлетворения потребности, позволяющих снизить издержки: «за ребенком следят бабушки, это — дешевле и надежнее». Речь не идет об оптимизации выгод для ребенка.

Третий барьер связан с качеством предоставляемых услуг в ДДУ. Очевидно, что само суждение о качестве предполагает некоторую готовность (достаточную для преодоления второго барьера) воспользоваться предлагаемыми услугами.

* До 1991 г. включительно мест в детсадах официально не хватало; см. [5, с. 210].

1. Ряд респондентов ссылались на состояние здоровья ребенка: на общую болезненность ребенка, на то, что дети именно из сада «приносили» ветрянку, краснуху и просто чаще болели, когда ходили в сад, где «нет должного присмотра». Эти случаи мы также проинтерпретировали в терминах дефицита ресурсов; в качестве ресурса здесь выступает здоровье ребенка, позволяющее выдержать «испытание детсадом».

Предельным случаем является инвалидность ребенка: обычный детсад совершенно не приспособлен для приема этой категории маленьких граждан. Такие ситуации можно приравнять к отсутствию ДДУ или его недоступности по финансовым параметрам, т.е. к непреодолению первого барьера.

Правда, чтобы отказаться от посещения ДДУ ребенком, который является «болезненным» по медицинским показателям или кажется таковым своим родителям, семья должна обладать альтернативным ресурсом: дома должен быть кто-то, кто может обеспечивать «должный присмотр»; иначе ребенок может заболеть и дома.

2. Возраст ребенка тоже можно рассматривать как ресурс, отсутствие которого является препятствием для посещения ДДУ. Ссылки на «малый возраст» встретились только в тех случаях, когда на момент опроса ребенку исполнилось 4 года; поскольку вопрос задавался о посещении ребенком ДДУ в прошлом (2003/04 учебном году), речь шла о 3-летних детях.

Следовательно, в сознании родителей 4 года — это тот возраст ребенка, в котором он безусловно готов для «отрыва» от семьи и посещения ДДУ.

3. Встретились также ссылки на плохое отношение к детям в ДДУ, на то, что ребенка в саду обижали, что ребенку там не понравилось. Очевидно, что учитывать нежелание самого ребенка ходить в сад могут далеко не все семьи. Кроме того, за нежелание ребенка посещать сад ответственность могут нести не только ДДУ, но и родители, давшие неадекватное — «неколлективистское» — воспитание.

Отнесенные к данной категории ответы показывают, что сфера дошкольного воспитания представляет собой конкурентную среду, предъявляющую на входе определенные требования, которые для некоторых детей и родителей оказываются слишком высокими.

Если посмотреть на завышенность требований глазами родителей, то мы будем вынуждены проинтерпретировать ее в терминах неудовлетворенности качеством предоставляемых услуг: «мы его [ребенка] любим, и условия сада для нас неприемлемы». Однако и при такой интерпретации следует признать, что отказ от услуг ДДУ делается родителями вынужденно; ведущим мотивом является избежание издержек, а не выбор наилучшего из возможных хороших вариантов, что выразилось, например, в следующей формулировке: «плохой сад, легче сидеть с ребенком».

Наконец, при преодолении *четвертого барьера* появляется аргументация максимизации выгод. В ответах этой категории респондентов отказ от услуг ДДУ трактуется не как вынужденная мера или «меньшее зло», а как позитивный вы-

Таблица 2

Непреодоление барьеров при устройстве детей в ДДУ семьями
доходных групп (общероссийская выборка)

Барьеры	Доля и количество семей со среднедушевым месячным доходом, %	
	до 2000 р.	выше 2000 р.
1-й	61,7	32,1
2-й	22,2	46,4
3-й	16,0	21,4
N	81	56

Примечание. Различия распределений по преодолению барьеров среди доходных групп значимы по χ^2 при $p < 0,01$.

бор в интересах ребенка. В ответах респондентов этой категории подчеркивается роль членов семьи в воспитании, развитии и целенаправленной подготовке ребенка к школе. Ясно, что для возможности такого выбора (и аргументации максимизации выгод) семья должна обладать определенными ресурсами. В общероссийской выборке таких семей оказалось 3 %.

Четвертый барьер, возникающий вследствие неудовлетворительного качества услуг, предоставляемых ДДУ, вытесняет с рынка наиболее перспективных клиентов.

Есть основания предполагать, что возможности преодоления первого, второго и третьего барьеров связаны с ростом доходов (табл. 2), иными словами, материальная состоятельность повышает шансы семьи на менее принудительный выбор.

Как мы покажем далее, государственные ДДУ предъявляют в среднем наиболее демократичные требования к своим клиентам, поэтому минимальные различия между участниками и неучастниками рынка услуг дошкольного образования (если они есть) будут заметны при сопоставлении материального положения семей — клиентов государственных ДДУ и семей, предпочитающих домашнее воспитание.

Данные табл. 3 показывают, что в сложившейся ситуации для посещения ребенком детского сада семья должна располагать определенными финансовыми ресурсами. По данным общероссийского опроса, для семей определенных категорий именно нехватка финансовых средств, попросту говоря, бедность, может быть определяющим фактором при отказе от услуг ДДУ.

Самый низкий уровень посещения детей ДДУ отмечен у семей со среднедушевым доходом менее 1000 р. в месяц. Далее уровень непосещения неуклонно снижается по мере возрастания доходов до 2000–2999 р., а потом опять начинает расти. Примечательно, что именно до этого уровня доходов параллельно растет доля посещения государственных садов.

Таблица 3

Стратегии дошкольного воспитания семей с разным доходом (общероссийская выборка)

Дошкольники	Доля и количество семей со среднедушевым месячным доходом, %				Всего
	до 1000 р.	1000–1999 р.	2000–2999 р.	свыше 3000 р.	
Не посещали ДДУ	38,2	26,6	12,0	20,0	23,2
Посещали государственное ДДУ	61,8	73,4	88,0	80,0	76,8
N	110	158	133	220	621

Примечание. Различия между первой и второй категориями доходов значимы по χ^2 при $p < 0,05$, между второй и третьей — при $p < 0,01$, между третьей и четвертой — близки к значимым ($p = 0,053$).

В четвертой доходной группе вновь растет доля детей «домашнего воспитания», а доля семей, пользующихся услугами государственных учреждений, падает.

Можно предположить, что среднедушевой месячный доход от 2000 до 2999 р. дает тот уровень финансовой обеспеченности, при котором субъективная полезность государственного детсада являлась в 2003/04 учебном году максимальной.

Имея в виду малую распространенность пользования индивидуальными услугами частного дошкольного воспитания (см. далее), можно предположить, что в семьях со среднедушевым доходом 3000 р. в месяц и выше воспитанием детей, не посещающих ДДУ, специально занимался (а не просто «сидел с ребенком дома») неработающий член семьи.

Самая высокая доля не посещающих ДДУ детей (41,1 %) наблюдается среди семей, в которых «кормильцы» (имеющие, судя по ответам на специальный вопрос, максимальные доходы в семье) являются безработными, пенсионерами, домохозяйками.

Треть сельских дошкольников не посещают ДДУ. Именно там выше доля населения с низкими доходами и ниже обеспеченность дошкольными учреждениями (табл. 4).

В данных московского опроса стратегия экономии на посещении ДДУ не зафиксирована. Проявилась лишь тенденция к увеличению непосещения ДДУ с ростом доходов семьи, однако эти различия статистически незначимы (табл. 5).

Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в выборку могли не попасть бедные и очень бедные семьи, что, однако, представляется маловероятным, поскольку в массовых опросах обычно оказываются недопредставленными представители слоев с высокими доходами. Во-вторых, что более вероятно, конъюнктура рынка услуг дошкольного воспитания (а также рынка труда) в столи-

Таблица 4

Доля не посещавших ДДУ в разных типах населенных пунктов

Показатели	Крупные города	Малые города и поселки	Села	Всего
%	18,8	18,3	35,8	22,8
N	185	289	173	707

Примечание. Различия между селом и остальными типами поселений значимы по χ^2 при $p < 0,000$.

Таблица 5

Посещение дошкольниками дду в семьях разных доходных групп, %

Дошкольники	До 3000 р.	3001–5000 р.	Свыше 5001 р.
Не посещали ДДУ	17,1	14,7	7,3
Посещали: государственное ДДУ	72,9	74,7	80,0
ведомственное	8,6	4,0	5,5
частное	1,4	5,3	7,3
N	70	75	55

це такова, что даже при необходимых затратах на ДДУ устройство ребенка в сад остается привлекательным с экономической точки зрения.

2. Траты на дошкольное воспитание

При рассмотрении семейных трат на дошкольное воспитание целесообразно выделять следующие виды расходов:

- траты на детей, посещающих разные типы детских садов (государственные, ведомственные, частные/коммерческие) и не посещающих ДДУ;
- траты на дополнительное образование всех детей.

При анализе все учитываемые в опросе виды трат на дошкольника делились на следующие категории:

- 1) формальные (официальные) траты — официальный вступительный взнос в детский сад, официальная плата за посещение детсада;
- 2) полуформальные траты — взносы на ремонт, охрану, покупку оборудования и инвентаря, на праздники и коллективные подарки, за дополнительные занятия в ДДУ;
- 3) неформальные траты — плата и подарки за прием в ДДУ и особое отношение к ребенку;
- 4) дополнительные траты на оплату частных услуг и учреждений дополнительного образования (УДО) — фирме, предоставляющей услуги прогулочных групп, няни, гувернера и т.п., частным лицам за посещение прогулочных групп, за услуги няни, гувернера, преподавателя иностранного языка, музыки и т.п.

Таблица 6

Структура и объем трат на дошкольное воспитание, %

Виды трат	Вся Россия				Москва	
	2003 г. *		2004 г.		2004 г.	
	Доля по видам	Доля по объемам	Доля по видам	Доля по объемам	Доля по видам	Доля по объемам
Формальные	24	47	34,8	68,8	43,1	34,7
Полуформальные	40	9	50,9	14,6	19,1	26,6
Неформальные			8,2	4,1	18,8	7,3
Дополнительные: в УДО	20	5	3,5	6,2	10,1	11,7
на частные услуги	16	29	1,6	5,8	5,6	19,1
неформальные траты в УДО			0,9	0,5	2,6	0,6
Всего	100	100	100,0	100,0	100,0	100,0

Дополнительные траты от других видов помимо прочего отличаются тем, что они не связаны с учреждением основного дошкольного воспитания. К полуформальным были отнесены «добровольно-принудительные» траты, взимание которых легитимизируется, как правило, коллективным решением и обеспечивается с использованием коллективного контроля, а инициатором в явной или (реже) неявной форме выступает администрация ДДУ**.

Общая структура видов и объемов трат

По сравнению с данными общероссийского опроса 2003 г. в структуре видов и объемов трат на дошкольное воспитание произошли некоторые изменения (табл. 6).

В структуре видов затрат на 10% выросли затраты на оплату посещения ДДУ и полуформальные расходы, одновременно почти в 6 раз снизилась доля расходов на оплату учреждений дополнительного образования и почти в 4 раза — на частные услуги дополнительного образования.

Около 10% семей прибегали к индивидуальным дарам персоналу ДДУ (главным образом государственных, но не ведомственных) и УДО.

Таким образом, семьи в большинстве своем отказались от услуг учреждений дополнительного образования и сосредоточились на том, чтобы обеспечить возможность своим чадам посещать детские сады.

* Данные приведены по [4, с. 6] («белые» затраты).

** В концептуальной схеме, предложенной С.Ю. Барсуковой, эти виды трат занимают промежуточное положение между формальной экономикой и реципрокной экономикой дара [1, с. 37–38]. Особенность «дара» заключается в том, что он производится в сфере, предполагающей по идее формальный обмен.

По сравнению с 2003 г. объемы официальной оплаты посещения ДДУ выросли примерно на 20 % и превысили две трети всех расходов на воспитание дошкольников. Объемы трат по этой статье выросли за счет введения оплаты в одних ДДУ и повышения оплаты в других. 2,6 % респондентов, сделавших максимальные траты, заплатили в течение учебного года от 10000 до 48000 р., из них одна часть оплачивала посещение ребенком частных детских садов (от 28000 до 48000 р.), другая — государственных (до 22000 р.).

По сравнению с 2003 г. более чем на 5 % возросли и объемы полуформальных расходов, которые в 2004 г. составили без малого 15 %.

При снижении удовлетворенного спроса на услуги учреждений дополнительного образования объем официальных расходов на них незначительно вырос. Поскольку объем оплаты частных услуг за год сократился с 8 до 5,8 %, а удовлетворенный спрос упал с 6 до 1,6 %, можно говорить о сокращении этого сегмента на рынке услуг. Согласно опросным данным, неформальные расходы на подарки и оплату составляли не более 5 %.

Как показал московский опрос, в 2003/04 учебном году в структуре видов и объемов затрат на дошкольное воспитание также преобладала оплата посещения ДДУ, включая вступительный (спонсорский) взнос (табл. 7). На эту статью расходов пришлось треть затраченных средств, и доля этой статьи в структуре превысила долю в объеме затрат примерно на 8 %; следовательно, это не самая тяжелая для семейного бюджета статья расходов.

В столице активно, как и в регионах, но в других пропорциях, практиковалось взимание (добровольно-принудительных) взносов на охрану, ремонт и т.п. Об этом свидетельствует превышение доли этой статьи в объемах затрат над долей в структуре затрат: четверть средств, потраченных семьями на дошкольное воспитание, пошло на полуформальные расходы.

Если верить данным опроса, то индивидуальное стимулирование «особого» отношения к ребенку вроде бы не носит угрожающего характера: стоимость «знаков внимания» относительно невелика, учитывая относительную распространенность этого явления. В этих двух показателях отражается сложное взаимодействие характера сложившейся в ДДУ профессиональной культуры (допустимость принятия частных даров), уровня оплаты труда персонала и представлений родителей о достойной оплате воспитательных услуг. Однако по объему полуформальные и неформальные затраты вполне сопоставимы с формальными: 33,9 и 34,7 % соответственно.

Менее «демократичными» представляются размеры официальной оплаты в УДО, поскольку доля в объеме затрат по этой статье превышает долю в структуре затрат. Менее распространены и скромны по стоимости частные подарки персоналу учреждений дополнительного образования.

Самыми дорогими являются услуги частного дошкольного образования и воспитания: на 5,6 % клиентов этих услуг приходится более 19 % затрат по всему сегменту.

Распространенность видов трат на посещение детьми ДДУ

В 2003/04 учебном году, согласно данным опроса, для 90 % семей из регионов и трех четвертей москвичей посещение детского сада стало официально платным. Помимо ежемесячной платы становится привычным понятие вступительного (спонсорского) взноса, взимание которого распространено прежде всего в коммерческих садах и в меньшей степени в государственных и ведомственных (табл. 7)*. Спонсорский взнос, как правило, производится в связи с ограниченным на определенной территории предложением услуг ДДУ вообще или услуг требуемого потребителями качества. В столице размеры взноса варьировали от 300 до 30000 р., а две третьих сумм уложилось в диапазон от 1000 до 3000 р., в регионах суммы были скромнее.

Помимо официальной помесечной оплаты с двух третей семей регулярно взималась дополнительная оплата на ремонт, охрану, коммунальные услуги и приобретение оборудования, инвентаря, а также на коллективные подарки персоналу ДДУ. В меньшей степени эта практика распространена в частных (коммерческих) ДДУ**.

Можно предположить, что частные детские сады имеют более широкие финансовые возможности как для удовлетворения хозяйственных потребностей, так и для материального стимулирования персонала. Однако от 30 до 40 % частных ДДУ взимают дополнительную плату.

В среднем около 15 % клиентов всех ДДУ практиковали индивидуальные подношения, стимулирующие особое отношение к ребенку, и около 10 % клиентов государственных и частных ДДУ — за прием ребенка в детсад. По-видимому, принадлежность к ведомству гарантирует семью от индивидуальных подарков за прием ребенка в ведомственный детсад.

В столице по распространенности с оплатой за посещение ДДУ конкурируют «добровольно-принудительные» сборы на подарки персоналу к праздникам; в этом участвовали почти 72 % респондентов. Кроме того, с двух третей семей регулярно дополнительно взимались деньги на ремонт, охрану, коммунальные услуги и приобретение оборудования, инвентаря, а также на коллективные подарки персоналу ДДУ.

Более 25 % клиентов ДДУ практиковали индивидуальные подношения, стимулирующие особое отношение к ребенку, и 13 % — за прием в ребенка в детсад.

Собранные в ходе опросов данные не позволяют однозначно говорить о том, что коллективные дары исключают индивидуальные и наоборот; некоторыми родителями культура даров поддерживается разносторонне. Треть родителей производит затраты на дополнительные занятия в ДДУ.

* Различия в распространенности спонсорского взноса между частными и ведомственными, частными и государственными ДДУ значимы по χ^2 при $p < 0,001$.

** Различия в распространенности первого вида сборов между частными и ведомственными, частными и государственными ДДУ значимы по χ^2 при $p < 0,01$, по второму виду сборов — при $p < 0,05$.

Таблица 7

Основные статьи трат на посещение детьми разных типов ДДУ, %

Статьи трат	Вся Россия				Москва в сред- нем
	Тип посещаемого ДДУ			В сред- нем	
	Государственный	Ведомственный	Частный		
За посещение ДДУ	88,7	92,9	94,1	89,1	76,8
Вступительный взнос	15,3	11,9	52,9	16,1	16,2
Оплата ремонта, охраны, книг, материалов, оборудования, коммунальных услуг ДДУ	67,7	73,8	29,4	67,1	59,2
Сбор денег на праздники, коллективные подарки воспитателям и т.д.	66,6	69,0	41,2	66,1	71,8
Дополнительные занятия в ДДУ	16,1	11,9	17,6	15,8	31,0
Подарки или плата за особое отношение к ребенку				11,6	27,5
Подарки или плата за прием в сад				8,2	13,0
Затрат не было				0,5	3,9
N	548	42	17	607	284

Распространенность и размеры неформальных трат

В общероссийской выборке о случаях неофициальной оплаты директору или воспитателям за особое отношение к ребенку в саду слышали около 28 % родителей детей дошкольного возраста, среди москвичей осведомленность выше почти в 2 раза — 52,5 %.

На вопрос «Как Вы думаете, о какой примерно сумме в рублях за весь год может идти речь?» (о предполагаемой стоимости неофициальных даров) респонденты российского опроса указали диапазон сумм от 100 до 50000 р., при этом максимальный разброс значений наблюдается в последнем дециле — от 2000 до 50000 р. У москвичей диапазон варьировал от 500 до 100000 р., при этом максимальный разброс значений наблюдается в четвертом квартиле — от 10000 до 100000 р.

К сожалению, мы не можем делать обоснованных утверждений, в какой степени суммы последнего дециля в российской и последнего квартиля в московской выборках являются родительскими фантазиями (или даже фобиями). Сопоставление полученных данных о предполагаемых и фактических тратах на дары (ответы на вопрос «Сколько примерно рублей составили траты на инди-

Таблица 8

Стоимость предполагаемых и фактических неофициальных даров
за особое отношение к ребенку, %

Траты, р.	Вся Россия		Москва	
	Предполагаемая стоимость	Фактическая стоимость	Предполагаемая стоимость	Фактическая стоимость
Менее 1000	18,0	83,8	1,3	55,2
1000 – менее 3000	25,2	12,5	15,0	32,7
3000 – менее 6000	31,5	2,5	36,5	10,4
6000 – менее 10000	8,1	1,2	21,2	—
Свыше 10000	17,1	0,0	25,0	1,7
Всего респондентов	111	80	80	58

видуальные подарки...?») выявляет довольно любопытную картину: «фантазийные» траты существенно превышают реальные (табл. 8).

В частности, в московской выборке стоимость самого крупного дара — 30000 р., второе место занимает «знак внимания», оцененный в 5000 р.; предполагаемая же стоимость дара в десятом дециле варьирует от 20000 до 100000 р.

Можно, конечно, предположить, что на прямой вопрос о стоимости сделанных неофициальных затрат респонденты, сделавшие «значительные» дары, просто не пожелали отвечать. Косвенно это подтверждает логическая несогласованность ответов: из 89 респондентов российского опроса, заявивших о собственных неофициальных дарах (при ответе на один вопрос), только 39 сказали, что слышали о подобной практике (при ответе на другой вопрос); в московском опросе соотношение 36 из 56. Из 20 москвичей, которые якобы не слышали о практике неофициальных даров, 19 сделали подарки стоимостью до 1000 р. Возможно, в дарах такой стоимости респонденты не видели ничего криминального и, отвечая на вопрос с намеком на взятку, сослались на «глухоту» — ответили, что о такой практике не слышали.

Можно также предположить, что респонденты намеренно занижали размеры ценностей, перераспределяемых по неформальным каналам между участниками рынка услуг дошкольного воспитания. Однако есть основания полагать, что причина несоответствия «фантазий» и «фактов» заключается не только в этом. В российской выборке оказалось 22 респондента (26 — в московской), не постеснявшихся ответить на оба вопроса: о размерах своих реальных затрат на дары и о предполагаемой стоимости приличных ситуации даров. 18 (22) из них в своих оценках «должного» превысили стоимость собственных фактических затрат. Наибольшее превышение в российском опросе наблюдалось у тех, кто указал наименьшие фактические затраты на подарки.

У москвичей среднее значение фактических затрат равнялось 1600 р. (не забудем, что «чемпион» заплатил 30000 тыс., а чтобы стать вторым «данайцем» хватило 5000 р.), тогда как средняя стоимость «должного» дара оказалась

равной 9150 р., т.е., превысила среднюю стоимость фактических даров более чем в 5 раз.

Таким образом, можно говорить, что в ситуации массового опроса на количественную оценку стоимости «должного» дара, по-видимому, влияет субъективная значимость, которую родители придают персоналу ДДУ в воспитании ребенка, и представления о должном уровне вознаграждения (или действенного стимулирования) дошкольных педагогов к должному исполнению своих профессиональных обязанностей.

Отсюда следует, что рассчитывать размеры «черных» финансовых потоков по ответам на вопрос «Как Вы думаете, о какой примерно сумме в рублях за весь год может идти речь?» [3], по меньшей мере, легкомысленно.

Вместе с тем лишь 18,8 % (в Москве 30 %) родителей дошкольников выразили разную степень готовности стимулировать особое отношение к своему ребенку со стороны персонала ДДУ, прямо заявили об отказе — 64,3 % (53 %). Из 89 респондентов, признавших в неофициальных подаяниях, только 31 выразил готовность добровольно поддерживать эту практику; в Москве — 19 из 58. Поэтому можно сделать вывод о том, что значительная доля даров делается под прямым или структурным принуждением, однако опросные данные о размерах «благодарности» представляются крайне ненадежной базой для оценок объемов теневых потоков.

Размеры трат разных видов в ДДУ разных типов (российская выборка)

Наибольшая вариация в размерах и принудительности трат наблюдалась в государственных ДДУ (табл. 9). В госсекторе, по-видимому, сложилась дифференцированная система учреждений, ориентированных на категории потребителей с существенно отличающимися потребностями и ресурсами, как финансовыми, так и социальными. По максимальным по выборке тратам за посещение, дополнительные занятия и на дары за прием государственные учреждения не только не отставали, но даже обгоняли ведомственные и частные ДДУ.

В то же время именно клиенты государственных учреждений называли минимальные суммы затрат по большинству позиций. Годовые общие расходы 20 % клиентов, сделавших минимальные траты, варьировали от 20 до 1360 р.; для этой группы клиентов месячные расходы на ДДУ едва превышали 100 р., что позволяет говорить о том, что эти семьи пользуются услугами *социального учреждения*.

Наименьшая дифференциация в расходах наблюдалась у клиентов ведомственных учреждений. Некоторые из этих учреждений тоже можно считать *социальными*; годовые расходы четвертой части клиентов, сделавших минимальные траты, варьировали от 100 до 1400 р. Следующую категорию клиентов (примерно треть) можно назвать «срединным» классом: их траты колеблются от 2500 до 4500 р. в год. Аналогично по распределению трат можно выделить и два «средних» класса. Между названными классами наблюдался значительные различия в объемах трат.

Таблица 9

Размеры трат на посещение детьми разных типов ДДУ

Типы ДДУ		Официальные		Полуофициальные			Неофициальные		По типам ДДУ в целом
		Плата за посещение ДДУ	Вступительный взнос	Ремонт и т.п.	Коллективные дары	Доп. занятия	Дары за отношение	Дары за прием	
Государственные	Средняя, р.	3074	1126	430	319	1366	423	1279	3836
	Максимум, р.	48000	7000	5000	5000	18000	3000	9000	48000
	N	460	75	342	320	77	69	49	507
Ведомственные	Средняя, р.	3969	437	540	332	752	442		4606
	Максимум, р.	15000	1500	3600	2000	2500	2000		15000
	N	37	4	29	27	5	6		39
Частные	Средняя, р.	14857	7906	1428	1537	3017	2240	2625	20922
	Максимум, р.	40000	25000	5000	7000	5000	9000	5000	45000
	N	15	8	5	7	3	5	4	16

Высокая средняя затрат за частные ДДУ складывается за счет того, что половина их клиентов затратили более 25000 р. в год.

Размеры трат на ДДУ и доходы семьи (московская выборка)

Собранные данные не позволяют использовать более дробную шкалу доходов, однако, по-видимому, в столице семьям с разными доходами легче найти свою ценовую нишу, чем в регионах (табл. 10).

Средние затраты по многим статьям расходов во второй группе доходов в 1,7–2,1 раза превышают средние затраты первой группы. Исключение составляют размеры вступительного (спонсорского) взноса (превышение в 4,6 раза) и взносы на оплату ремонта, охрану и т.п. (в 2,7 раза). В каждом сегменте рынка услуг есть заметные примеры превышения средних затрат по различным статьям, что, по-видимому, свидетельствует о распространенной практике «индивидуального» подхода к клиенту в учете его потребности в услуге и платежеспособности.

Структура видов и объемов трат на дополнительное и частное дошкольное образование и воспитание

Российская выборка. Ввиду ничтожной численности клиентов, пользующихся услугами учреждений дополнительного образования, а также частных лиц и фирм, в табл. 11 приведены абсолютные цифры. Их можно было бы не приводить вооб-

Таблица 10

Размеры трат на посещение ДДУ семей с разными среднедушевыми доходами в месяц, р.

Виды трат	Доходы					
	до 4000 р.			свыше 4000 р.		
	Средняя	Максимум	N	Средняя	Максимум	N
Формальные траты: за посещение ДДУ	2534	13000	66	4834	60000	68
вступительный взнос	1382	3000	11	6350	30000	14
Полуформальные траты: на оплату ремонта, охраны и т.п.	1282	4200	46	3483	90000	47
на праздники, коллективные подарки персоналу ДДУ	836	3000	59	1701	15000	58
за дополнительные занятия в ДДУ	3202	10000	21	5578	30000	25
Неформальные траты: за особое отношение в ДДУ	1053	5000	18	2172	30000	30
за прием в сад	1939	6000	14	4067	15000	12

ще, однако они получены в репрезентативном опросе, поэтому их едва ли можно считать «сингулярностями, которые молчат» [2, с. 65]. Кроме того, они показывают распространенность альтернативных стратегий дошкольного воспитания и позволяют сформулировать ряд тезисов.

1. Рынок дополнительных образовательных услуг стал элитным, т.е. непривлекательным для подавляющего большинства семей. По своим объемам он, возможно, и расширился, однако массовый опрос, данные которого мы анализируем, этого не показывает. Не исключено, что нечувствительность опроса объясняется тем, что интересующие нас в данном параграфе клиенты перешли в категорию малодоступных респондентов; известно, что для западных полстеров проблема — заполучить в респонденты представителей наиболее депривированных слоев населения. В России дело обстоит прямо противоположным образом.

Эту гипотезу можно проверить, внимательно изучив статистику хозяйственной деятельности учреждений различных форм собственности, предоставляющих услуги дополнительного образования. Полагаем, что следов массового закрытия и банкротства подобных учреждений мы не обнаружим.

2. Для подавляющего большинства детей, не посещающих ДДУ, альтернативные стратегии дошкольного развития оказываются недоступными. Тем более это касается детей из бедных и очень бедных семей, большинство из которых, решая дилемму устраивать или не устраивать ребенка в сад, выбирают наиболее экономный вариант для семейного бюджета. Этот вариант, по-видимому, далек от оптимального, как с точки зрения стратегических интересов ребенка, так

и с точки зрения общества, которое терпит упущенную выгоду от ненакопленного социального капитала из-за расширяющей свои границы культуры бедности. Единственная клетка во всей таблице, заслуживающая выражения в процентной доле, содержит абсолютную цифру «93». Согласно самоотчетам респондентов, 93 из 159 семей, чьи дети не посещают ДДУ, на протяжении 2003/04 учебного года *не понесли вообще никаких трат* на воспитание ребенка.

3. Лишь для ничтожно малой доли семей отказ от устройства ребенка в сад восполняется домашним воспитанием с посещением учреждений дополнительного образования.

4. В свете этих рассуждений представляется заманчивым проверить предположение о том, что питомцы (46 детей) государственных ДДУ, посещающие учреждения дополнительного образования, являются выходцами из экономически состоятельных семей. Предположение подтвердилось: их родители в среднем за год затратили на сад 4812 р., что на 1 тыс. р. больше, чем средние затраты для всех семей на посещение государственных ДДУ; по этому показателю эти 46 семей более чем на 200 р. превысили среднюю годовую оплату, вносимую клиентами в ведомственные дошкольные учреждения.

В объемах затрат максимальная дифференциация характерна для оплаты услуг частных нянь и педагогов, нанимаемых для детей, не посещающих ДДУ: от 250 до 50000 р.

В среднем респонденты, давшие ответы на соответствующие вопросы, за год тратили на частное приглашение нянь и преподавателей 8123 р., на официальную оплату услуг учреждений дополнительного образования — 2898 р. и на дары педагогам — 923 р.

Московская выборка. Судя по данным анализируемых опросов, столичный рынок дополнительных образовательных услуг для дошкольников более развит и сильнее сегментирован. Услуги УДО не стали элитарными и сохраняют свою привлекательность для части семей с умеренными доходами. Несмотря на почти 10-процентную разницу между семьями с месячным доходом до 4000 р. и семьями с более высокими доходами, эти различия статистически незначимы (табл. 12). Средний показатель годовой платы за посещение УДО для первой группы семей составил 4430 р. (случай максимальной оплаты — 12000 р.), для второй группы — 5650 р. (24000 р.).

К элитным услугам можно отнести частные услуги няни, гувернера и педагога-предметника, однако и здесь столичный рынок предоставляет определенные возможности для семей с умеренными доходами. Средний показатель годовой оплаты по этой статье для семей первой группы составил 6825 р. (при максимуме в 11000 р.), для семей второй группы примерно в 3,5 раза больше — 24425 р. (при максимуме в 100000 р.).

Найм частных гувернеров, нянь и педагогов через фирму в 2003/04 учебном году не имел большого распространения даже в столице.

Таблица 11

Типы произведенных трат на дополнительное дошкольное образование

Услуги дополнительного образования/воспитания	Не посещали ДДУ	Посещали ДДУ			Всего по строкам
		государственные	ведомственные	частные	
Плата за посещение прогулочных групп		7			7
Плата фирме, предоставляющей услуги няни, гувернера, преподавателя иностранных языков, музыки, танцев и т.д.	1	3			4
Плата за частные услуги няни, гувернера, преподавателя иностранных языков, музыки, танцев и т.д.	5	13		1	19
Официальная плата учреждениям дополнительного образования (кружки, студии, музыкальная, художественная, спортивная школа и т.д.)	12	46	3	4	65
Индивидуальные подарки или плата за особое отношение в учреждениях дополнительного образования	1	13	1	1	16
Затрат не было	93	3			96
Всего дошкольников	159	548	42	17	766

Основную часть клиентов учреждений дополнительного образования и частных услуг составляют семьи, чьи дети посещают государственные ДДУ. Поэтому можно сделать вывод о том, что альтернативное детсадовскому домашнее воспитание, по-видимому, не получило широкого распространения. Лишь для ничтожно малой доли семей отказ от устройства ребенка в сад восполняется домашним воспитанием с посещением учреждений дополнительного образования.

Суммарные траты на воспитание дошкольника

Примем одно «сильное» допущение: предположим, что указанный респондентами месячный доход за одного члена семьи за предшествующий опросу месяц семья получает равномерно в течение года. Имея данные о доходе и годовых затратах на дошкольное воспитание, мы можем получить расчетный показатель о том, сколько месячных доходов семьи потратили на воспитание и образование одного дошкольника в течение 2003/04 учебного года (за исключением других трат). В табл. 13 сгруппированы данные по этому показателю. Размерность шкал доходов в обеих выборках примерно отражает выборочное терцильное распределение*.

Если построенную таблицу рассматривать как отражение сложившихся в обществе представлений о «необходимых» тратах на воспитание дошкольника, то придется признать, что примерно для трех четвертей относительно обеспе-

Таблица 12

Распространенность видов трат на дополнительное образование
среди семей с разным уровнем доходов, %

Виды затрат	Доходы			Всего
	до 4000 р.	свыше 4000 р.	нет от- вета	
Официальная плата учреждениям ДО	15,0	24,7	27,7	21,9
Частные услуги няни, гувернера, педагога	3,7*	15,1*	8,4	8,8
Индивидуальные подарки или плата за особое отношение к ребенку	5,6	6,5	4,8	5,7
Плата фирме, предоставляющей услуги няни, гувернера, педагога	2,8	3,2	2,4	2,8
N	107	93	83	283

Примечание. Под звездочкой даны значимые различия по χ^2 при $p < 0,01$.

ченных семей (с месячным доходом не ниже 1500 р. на человека в российской выборке и не ниже 3000 р. — в московской) «необходимые» траты составляли не более двух среднедушевых месячных доходов.

Чем больший в семье среднедушевой доход (в российской выборке), тем меньшая его доля тратится на дошкольное образование и воспитание. Отсутствие в московской выборке статистически значимых различий между семьями двух обеспеченных категорий позволяет предположить, что зафиксированная структура затрат складывалась произвольно, т.е. без прямого воздействия грубых принудительных факторов.

Очевидно, что траты первой доходной категории (в российской выборке — до 1500 р., в московской — до 3000 р.) имеют наиболее вынужденный характер. Такие семьи при определении структуры затрат на дошкольное воспитание испытывают более сильное давление родительского долга, с одной стороны, и финансовых ограничений — с другой.

Более 40% семей с самыми низкими доходами в российской выборке и 30% семей в московской выборке потратили на дошкольное воспитание суммы, превышающие среднедушевой доход семьи за один квартал. Напомним, что в ходе опросов родителей спрашивали *только о тратах на образование*; здесь не учитывались траты на питание, одежду и т.п.

Нужно иметь в виду, что приведенные общероссийские данные носят усредненный характер, не учитывают региональной специфики: прожиточный минимум, уровень оплаты труда, других доходов и т.п. Очевидно, что для определения перспектив увеличения платности образования при одновременном сохранении

* Неравное количество респондентов по столбцам объясняется выпадением из таблицы сопряженности респондентов, не ответивших на вопрос о сумме затрат на ДДУ. Непропорционально большое количество респондентов во втором столбце с общероссийскими данными объясняется большой популярностью трехтысячных доходов; именно на эту сумму пришлось граница между первым и вторым терцилем.

Таблица 13

Траты на дошкольное образование и воспитание в течение года
в среднедушевых месячных доходах семьи, %

Вся Россия					
Кол-во затраченных среднедушевых месяч- ных доходов семьи	Всего, %	Среднедушевой месячный доход семьи, р.			Максимум трат, р.
		до 1500	1500-3000	свыше 3000	
Менее 1	30,6	13,9	30,7	52,7	20000
От 1 до 2	31,5	24,9	39,5	27,1	13600
От 2 до 3	17,2	19,1	19,1	11,6	17240
От 3 до 4	6,2	11,6	4,7	1,6	38500
Более 4	14,5	30,6	6,0	7,0	51450
N	517	173	215	129	
Москва					
Кол-во затраченных среднедушевых месяч- ных доходов семьи	Всего, %	Среднедушевой месячный доход семьи, р.			Максимум трат, р.
		до 3000	3001-6000	свыше 6000	
Менее 1	43,1	25,8	50,6	54,8	45000
От 1 до 2	24,9	27,4	24,7	21,4	45000
От 2 до 3	8,8	16,1	3,9	7,1	15000
От 3 до 4	9,9	9,7	13,0	4,8	15000
Более 4	13,3	21,0	7,8	11,9	15000
N	181	62	77	42	

показателей уровня человеческого развития (человеческого капитала) приведенных данных и сделанных на их основе расчетов недостаточно. Помимо учета региональной специфики необходима разработка моделей экономического поведения в сфере образования с учетом разных типов семей.

Библиографический список

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: Экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
3. Коррупция в системе образования//Информационный бюллетень ГУ-ВШЭ. 2004. № 4 (6).
4. Образовательные стратегии российских семей: Препринт/ФОМ. М., 2003.
5. Российский статистический ежегодник. 2003/Госкомстат РФ. М., 2003.

ГЕНДЕРИЗОВАННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ

.....

М. Киммель*

Весной 1990 г. попечительский совет Миллз-колледжа, небольшого частного женского учебного заведения свободных искусств в Окленде, штат Калифорния, из соображений финансовой стабильности проголосовал за то, чтобы допустить обучение юношей в его стенах. Студентки и выпускницы колледжа посчитали себя оскорбленными и выступили с протестами. Снимки плачущих девушек на первых полосах газет демонстрировали их отношение к перспективе совместного обучения. Попечительский совет поспешил отменить свое решение, и феминистки встретили это с восторгом.

Той же весной отдел гражданских прав Министерства юстиции подал иск против Военного института штата Виржиния, государственного учебного заведения в Лексингтоне. В иске содержалось указание на то, что политика приема на учебу только мужчин нарушает четырнадцатую поправку Конституции США, и требование допустить к учебе женщин.

Три года спустя молодая женщина по имени Шэннон Фолкнер бросила вызов принципу исключения женщин из «Цитадели», государственного мужского военного института в Южной Каролине. Поскольку оба дела имели сходный характер и слушались в одном окружном суде, их объединили.

В 1996 г. после длительного разбирательства Верховный суд США вынес определение, что политика гендерного исключения в военных учебных заведениях и осуществление параллельных программ подготовки женщин противоречат Конституции США. Военным вузам предписывалось или открыть двери женщинам, или стать частными учебными заведениями. Женские организации по всей стране приветствовали эту новость. Дискриминация женщин в использовании возможностей наравне с мужчинами была объявлена незаконной. Рухнул еще один барьер на пути к равенству женщин.

* Майкл Киммель (Michael Kimmel) – профессор социологического факультета Нью-йоркского университета в Стоуни Брук (США). Почтовый адрес: Professor Michael Kimmel. Dept. of Sociology, SUNY, Stony Brook, NY 11794.

В первом случае феминистки выступили за раздельное образование, во втором — против. Демонстрирует ли этот случай лицемерие феминисток, поступающих по принципу, что позволено гусыне, не позволено гусю? Или есть какое-то различие между заведениями только для женщин и только для мужчин? (Может, разница в том, что Миллз — это частный колледж, а Военный институт и «Цитадель» — государственные учебные заведения, т.е. в юридических основаниях, и нет здесь никакого идеологического или политического подтекста?)

Можно, конечно, думать, что мужчины и женщины происходят с разных планет, говорят на разных языках, придерживаются разных моральных норм и на все вещи смотрят неодинаково. Однако при этом учимся в одних классах и группах, читаем одни и те же книги, слушаем одних тех же преподавателей и, по идее, получаем оценки по одним и тем же критериям.

Но разве мы переживаем одинаково все то, что происходит в учебном классе? Не совсем. Входя в класс, мы узнаем не только про азбуку, орфографию, математику, физику и литературу. Мы учимся и учим друг друга, что значит быть мужчиной и женщиной. И мы видим это во всем, что окружает нас в школе: в том, кто нас учит, чему и как нас учат, в том, как организована школа как социальный институт. Школы похожи на фабрики по производству гендеризованных индивидов. Наш гендер формируется официально принятым учебным планом и параллельно «скрытым учебным планом» межличностных взаимодействий с учителями и другими учениками. Процесс гендеризации усиливается еще и «учебным планом» СМИ. И содержание, и форма образования учат тому, что женщины и мужчины не похожи и не равны между собой, что неравенство происходит из различий и ими оправдано. Но если посмотреть с другой стороны, то, может быть, различия, которые мы наблюдаем, суть результат, а не причина гендерного неравенства? Профессор права Дебора Роуд пишет, что «школьное образование обучает неравенству и закрепляет его на всю жизнь» [18, р. 56].

Гендеризованная классная комната

Официальный процесс гендеризации начинается в тот момент, когда мы входим в образовательное учреждение, и затем длится все время, пока мы получаем образование. В детских садах мы видим кубики, грузовики, самолеты и плотницкие инструменты в одном месте, а кукол и предметы домашнего хозяйства — в другом. Формально игрушки «доступны» каждому, но пространства отделены невидимыми, но реальными границами гендерного различия детей. Уже в дошкольном возрасте девочки и мальчики после сада играют в разные игры, придерживаются разных правил поведения и по-разному ведут себя на детской площадке.

Детский сад, где я работал в конце 1970-х гг., делился на три зоны. В большой комнате было место для тихих игр, где стояли книжные полки и распола-

галась маленькая песочница с чашками и блюдами; кроме того, была еще тихая комната с мольбертами для живописи. Рядом со зданием располагался ближний дворик с двумя песочницами побольше и отдельной площадкой для игр типа «классики». В дальнем дворике были гимнастические снаряды, большая неогороженная песочница и прочие приспособления для развития моторных навыков.

Утром трехлетние девчушки спокойно входили внутрь, аккуратно вешали свои пальтишки в шкафчики, неторопливо, как будто стесняясь, проходили в большую комнату, где они разговаривали или играли во внутренней песочнице, готовясь к новому дню. А вот мальчишки с шумом вбегали, бросали куртки в шкафчики (у половины они вываливались назад), выбегали вон, хватали грузовички, неслись к дальнему дворику и при этом все время орали.

Все мальчишки, кроме Брэда. Брэд был тихим и задумчивым трехлетним мальчуганом, добрым и внимательным. Он был одним из самых блестящих моих воспитанников за всю мою педагогическую карьеру! Каждое утро Брэд входил и направлялся прямо к мольбертам и там целый день с удовольствием рисовал. Иногда рисование его захватывало, и тогда рисунок выходил за рисунком, а иногда, немного порисовав, он мечтательно смотрел из окна на деревья.

При первой же встрече его родители стали убеждать меня, нового преподавателя-мужчину: «Вы должны заставить Брэда выходить в дальний дворик!». Они умоляли меня, и их глаза были полны ужаса: «Пожалуйста, — снова и снова повторяла мать Брэда. — Пожалуйста».

Не нужно иметь никаких ученых степеней в области дошкольного воспитания, чтобы понять, что родителей Брэда пугал призрак гомосексуальности. Брэд вел себя не так, как другие мальчишки, и в его несоответствии гендерным образцам видели знак будущей сексуальной ориентации. Я пробовал заверить его родителей, что Брэд выглядит во время рисования совершенно счастливым, что это занятие ему только на пользу, но родители не успокоились, пока я не пообещал, что буду поощрять Брэда играть с машинками. Они хотели быть уверенными, что детский сад воспитает их сына как настоящего, гетеросексуального мужчину. Брэд, как я думаю, хотел, чтобы его оставили в покое и позволили стать художником. Что касается меня, я иногда подходил к его мольберту и спрашивал, не хочет ли он пойти со мной в дальний дворик. Он всегда широко улыбался, отказывался и снова принимался рисовать.

То же самое воспроизводится каждый день во всех учебных классах. Мальчишки и девочки учат и учатся друг у друга поведению, приличному для мальчиков и девочек, и доказывают друг другу, что каждый действует по плану. Исподволь учителя и учебные планы усиливают не только гендерные различия, но и гендерное неравенство, которое, в свою очередь, усиливает гендерные различия.

Обстановка классной комнаты воспроизводит гендерное неравенство. «Начиная с детского сада и кончая высшим образованием, девочки получают меньше помощи, времени и внимания со стороны преподавателя», — пишут профессора педагогики Майра и Дэвид Садкеры. Многие преподаватели видят мальчиков активными, раздражительными, заносчивыми, мстительными, а девочек нежными, послушными, отзывчивыми и терпеливыми. Когда мальчики подавляют девочек, преподаватель (обычно женщина) часто ограничивается замечаниями, но ничего не делает, чтобы изменить их поведение, тем самым поощряя в них чувство собственного превосходства. Многие преподаватели думают, что девочки больше любят читать и не любят математику и естественные предметы, и ожидают от мальчиков прямо противоположного* [19, p. 14].

Преподаватели обращаются к мальчикам чаще и тратят на них больше времени. Они чаще задают мальчикам вопросы на сообразительность и дольше ждут от них ответа. Они поощряют мальчиков к старанию, постоянно говоря, что у них «все получится». Отчасти это объясняется тем, что мальчики требуют больше внимания, но также и тем, что преподаватели относятся к мальчикам и девочкам по-разному [10; 9, p. 68]. Когда Садкеры спрашивали преподавателей, почему они уделяют мальчикам больше внимания, им обычно говорили, что «мальчикам и нужно больше внимания», что «мальчикам труднее читать, писать, решать задачи. Они даже сидеть спокойно не могут» [19, p. 5].

Визуальные образы

Одно из объяснений, почему мальчиков меньше волнует, правильно они ведут себя или нет, заключается в том, что они постоянно видят себя на картинках учебников. Они знают, что им можно совершать ошибки, потому что в учебниках им все равно отводятся главные роли. Когда дети учатся читать, они открывают новый источник влияния. Точно так же они знакомятся с содержанием других СМИ: телевидения, кино, мультимедиа. Противостоят ли СМИ распространению гендерных стереотипов? Исследования до самого последнего времени показывали, что детские книги и антологии формируют традиционные гендерные различия и предрассудки в пользу мужчин и против женщин. Женщины значительно реже представлены (если вообще представлены) на картинках, в заголовках, среди главных героев. А представленные женские персонажи играют незначительные, второстепенные роли. Их действия ограничены любовью, наблюдением или помощью, в то время как мужчины решают проблемы и с ними случаются приключения. Женщин не показывают на работе; материнство — их основная работа

* Эти стереотипы иногда разрушаются при наложении на другие, в частности, на расовые; например, считают, что американки азиатского происхождения любят математику и естественные предметы больше, чем белые девушки.

в течение всей жизни. Сын дома носит брюки, а дочь — юбку; он активен, она пассивна. В биографиях женщин часто изображают зависимыми. Например, Мари Кюри выступает в роли помощницы мужа в науке, а не в качестве блестящего ученого и лауреата Нобелевской премии, каковой она была.

В книгах для детей дошкольного возраста мы постоянно встречаем гендерный акцент. Леонора Вейцман с коллегами исследовала работы победителей премии Кэлдикот за лучшую детскую книгу за 1967-1971 гг. Было обнаружено, что, хотя образы женщин в детских книгах стали появляться чаще, гендерные предубеждения не исчезли. Женщин неизменно изображали пассивными, покорными существами на фоне активных и независимых мужчин:

«Каких-либо карьерных устремлений лишена не только Джейн, но и все остальные женские персонажи. Во всех 20 книгах только у одного женского персонажа есть занятие вне дома, и она работает в столовой. Можем ли мы ожидать от Дика, что он не постыдится выразить нежность, если во всей коллекции книг только две взрослые особи мужского пола выражают нечто похожее на нежность, и одна из этих особей — мышь [27].

В 1975 г. по заказу Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения США было исследовано 134 книги 16 различных издательств; изучались рисунки, сюжеты и язык книг, в которых описывались мужские и женские персонажи. Число сюжетов с «мальчиком в центре» превзошло число сюжетов с «девочкой в центре» в два с половиной раза, персонажей взрослых мужчин было в три раза больше, чем взрослых женщин; в шесть раз больше было опубликовано биографий мужчин и в четыре раза больше сказок с мужским главным героем, чем с женским. Вспоминая уроки по истории США, одна исследовательница назвала ее эволюционной аномалией, поскольку в школе преподавали «историю нации, где были только отцы-основатели» [18, р. 56].

Конечно, за последние 25 лет произошли некоторые изменения. В современных детских книгах девочки и женщины уже не такие пассивные, у них есть амбиции, некоторые делают карьеру, но все равно их больше интересует семейная жизнь. Главное изменение состоит в том, что женщина уже не представлена в образе беспомощного, домашнего существа.

А вот в характере описаний мужчин и мальчиков в детских книгах особых изменений не произошло: мужчины не стали более нежными и заботливыми. Как и в реальной жизни, женщины в художественной литературе оставили дом и вышли на работу, а мужчины, вернувшись домой, по-прежнему чувствуют себя крайне неудобно....

Гендерный разрыв в юности

Скрытый учебный план, гендерные стереотипы в СМИ, часто невидимая дискриминация в учебном классе — все это вместе приводит к разрыву между девочками и мальчиками в пору переходного возраста. Хотя в начальной школе девочкам свойственна более высокая самооценка и они лучше успева-

ют, чем мальчики, с переходом в среднюю школу их самооценка резко падает. Средние показатели коэффициента интеллекта у девочек падают примерно на тринадцать баллов, а у мальчиков — примерно на три балла [21]. Девочки узнают, что их больше ценят за внешность, а не за таланты. Так, Эшли Рейтер, которая победила в одном из конкурсов по математическому моделированию, вспоминала, что в день, когда она выиграла свою первую олимпиаду по математике, она впервые надела контактные линзы. Она так описывала тот день, когда появилась в школе гордая своей победой: «Все только и говорили, как мне идет без очков, и никто ни слова не сказал о моей победе». Одна женщина вспоминала о своей школьной поре: «Все удивлялись, когда узнавали, что я очень хорошо училась и была финалистом национального конкурса по качеству учебы. Во мне все видели „ту блондиночку, которая дружит со Скоттом, и никто не мог понять, что во мне есть что-то еще“». Стоит ли удивляться, что девушки, отвечая на вопросы о своих талантах, примерно в два раза реже, чем юноши, выбирали вариант «то, что больше всего мне нравится в себе» и в два раза чаще, чем мальчики, указывали на какую-нибудь черту своей внешности [19, р. 55, 134]. Как заметила феминистка и литературный критик Кэролайн Хейлбран, девочки «приносят в жертву истину на алтарь красоты» (цит. по [16, р. 37]).

В результате девочки переживают последние школьные годы совершенно иначе, чем юноши. Пищевые нарушения, типа анорексии и булимии, — довольно распространенное явление среди старшеклассниц и студенток колледжей, и статистика подобных случаев растет и молодеет. Ежегодно каждая десятая девушка моложе двадцати лет беременеет, и большинство отцов этих младенцев старше двадцати одного года. Эти юноши становятся отцами во время учебы, чаще всего продолжают свое образование, тогда как молодые мамы учебу прекращают.

Классная комната несет девочкам угрозу и сексуального плана. В последние годы в Америке сексуальное преследование стало важной проблемой не только на работе, но и в школе. В 1980 г. первое национальное обследование в школах, организованное Департаментом образования штата Массачусетс, выявило широкое распространение сексуального преследования девочек. В 1986 г. опрос учеников средних и старших классов профессионально-технических школ Миннесоты, среди которых преобладали белые подростки, выходцы из среднего класса, показал, что до трех пятых девочек в этих школах испытали сексуальное преследование.

Последовали судебные процессы, и проблема получила заслуженное внимание. В 1991 г. школьный округ Дулут, штат Миннесота, был вынужден по суду выплатить 15000 долларов девятнадцатилетней Кэти Лайл из-за того, что руководство школы, где она училась, после неоднократных обращений ее родителей не смогло предотвратить регулярное появление порочащих девушку надписей на стенах туалетов для мальчиков. В следующем году Тоунья Броди получила 20000 долларов от средней школы в Петаламе, штат

Калифорния, учителя которой не предпринимали никаких действий, чтобы остановить мальчиков от непристойных звуков и жестов по поводу ее груди. (Девочка рано достигла половой зрелости, и у нее быстро сформировалась грудь. Поведение мальчиков сделало ее жизнь кошмаром: она не могла есть, спать, работать на занятиях в классе.) В том же году Верховный Суд поддержал иск Кристины Фрэнклин против попечительского совета школ графства Гвинет, штат Джорджия, и ей выплатили 6 миллионов долларов.

К весне 1993 г. почти половина дел по сексуальному преследованию в отделе гражданских прав Департамента образования США касалась начальных и средних школ. Но проблема далека от разрешения. Сравнительно недавно в Верховном Суде (Дэвис против Министерства просвещения графства Монро, 1999 г.) мать предъявила иск руководству школы из-за того, что ее десятилетняя дочь постоянно подвергалась «сексуальному преследованию» со стороны одноклассника, в то время как преподаватели и школьные должностные лица это игнорировали. Суд удовлетворил иск, и школа понесла ответственность за невнимание к возмутительному преследованию. Согласно исследованию, проведенному по заказу Американской ассоциации университетских женщин, почти четыре пятых девочек (78 %) и более двух третей мальчиков (68 %) подвергались сексуальному преследованию. Как правило, виновниками почти неизменно оказывались другие мальчики. Как писала Бернис Садлер, «сексуальное преследование начинается в очень раннем возрасте. В некоторых начальных школах есть день «задирания юбок»; в других девочки отказываются носить юбки на резинке, потому что мальчики стягивают их вниз. Мальчики постарше приклеивают зеркальную пленку на ботинки, чтобы заглядывать под платья девочкам. В некоторых средних школах мальчики садятся за столы поближе к стойке буфета, и всякий раз, когда мимо идет девочка, они поднимают карточки с цифрами: например, единица для непривлекательной девочки и десять для суперзвезды. В некоторых школах объявляют „лучшую попку недели» или распространяют списки „20 шлюх школы“» (цит. по [19, р. 111]).

Позорный случай произошел с так называемым «Отрядом шпоры» в Южной Калифорнии, куда входили юноши из небедных семей. В 1993 г. большое число девушек и девочек (самой младшей было 10 лет!) стали говорить о том, что члены отряда нападали на них и насиловали. Мальчики явно соревновались друг с другом, кто одержит больше «побед», а для сообщения о количестве своих сексуальных «подвигов» они использовали имена спортсменов. Само название «Отряд шпоры» было выбрано в честь любимой ими баскетбольной команды «Сан-Антонио Спэрз» — «Шпоры Сан-Антонио». Таким образом, «Шон Эллиотт» означал 32 (по номеру на майке), а «Дэвид Робинсон» — 50 сексуальных побед. Юноши открыто соревновались между собой, а девушки не понимали, что являются «снарядом» в гомосоциальном соревновании.

Когда несколько жертв предъявили обвинение в изнасилованиях, многие жители этого богатого пригорода были просто шокированы. Матери мальчиков испугались, узнав, что их 15-летние сыновья имели половые контакты с тридцатью двумя или пятьюдесятью девушками. А вот некоторых отцов, казалось, распирало от гордости. «В меня пошел», — хором объявили отцы. «Мой мальчик делал то, что бы сделал в его возрасте любой другой здоровый американский мальчик», — злорадствовал один отец. «Мой отец часто хвастался мною перед своими друзьями», — признался один член «Отряда шпор» на телевизионном ток-шоу. А мы удивляемся, откуда у детей это берется? (см. [20, p. 41; 7, p. A1])

Можно было бы подумать, что систематическое оскорбление чувства достоинства у девочек, клевета на их способности и снижение их статуса идут на пользу мальчикам, которые получают всестороннее развитие. Но происходит не это. В начальных классах каждый четвертый мальчик направляется к детскому психологу, и ему, скорее всего, поставят диагноз дислексии или расстройства внимания. Уже в младших классах, мальчики хуже успевают и чаще остаются на второй год. Им в девять раз чаще ставят диагноз гиперактивности. В специальных классах для умственно отсталых мальчики составляют 58%, в классах с задержкой в развитии — 71%; 80% мальчиков показывают эмоциональную нестабильность. Почти три четверти всех неуспевающих школьников составляют мальчики. Их чаще выгоняют из школы за неуспеваемость и плохое поведение на уроках. Кроме того, в юности резко падает их самооценка, хотя и не так сильно, как у девочек.

Эти данные часто приводят в качестве доказательства того, что именно мальчики, а не девочки, стали жертвами гендерной дискриминации в школах. В конце концов, что их заставляют делать в школе? Сидеть спокойно, носить носовые платки, поднимать руку, быть послушными — все это является чудовищным насилием над их «естественной», питаемой тестостероном активностью и непоседливостью. «В школах правят женщины в интересах девочек. Можно ли ожидать от полного сил, энергичного мальчика второго или третьего класса, чтобы он вел себя как девочка?» — комментирует Кристина Хофф Соммерс, автор книги «Кто украл феминизм?» (цит. по [23]). Образование приводит к «патологизации мальчуковости». «В среднем мальчики чисто физиологически более непоседливы и импульсивны, чем девочки», — комментирует школьный консультант Майкл Томпсон. «Мы должны признать физиологические потребности мальчиков и удовлетворять их» (цит. по [4]). Женщины теперь составляют большинство студентов университетов, 58% степеней бакалавра в американских колледжах получают женщины. Один репортер (плохо учивший статистику) предсказывает страшные последствия: если существующие тенденции сохраняются, то в 2068 г. среди выпускников университетов будут одни женщины. В социальных и поведенческих науках соотношение числа женщин и мужчин составляет 3 : 1. Женщины вторглись в такие традиционно мужские сферы, как инженерное дело (где они теперь

составляют 20 %), биология и бизнес (примерно 50 %). Все внимание мы отдали девочкам, развитию их самооценки, предоставлению им возможностей в науке и математике и совершенно забросили мальчиков. Как же быть с мальчиками? — вопрошает хор*.

Не надо заблуждаться, ведь потребности мальчиков действительно заслуживают нашего серьезного внимания. Но едва ли можно согласиться с критиками, которые сегодня, как и сто лет назад, говорят, что классная комната оказывает феминизирующее воздействие. На мои лекции студентки приходят во фланелевых рубашках, синих джинсах и футболках, кожанках и спортивных кроссовках. Они используют обращение «ребята» («guys»), даже если группа полностью состоит из девушек. Классная комната, как и работа, является общественным местом, и когда женщины входят в общественную сферу, они зачастую одеваются и ведут себя «по-мужски», чтобы к ним отнеслись серьезно как к компетентным и способным людям...

В одной из предыдущих глав мы показали, что агрессия мальчиков не имеет биологических оснований. Отсюда ясно, что их агрессивность в значительной степени оказывается побочным продуктом раздутого распространенного в обществе культа непоседливости и задиристости. Сами мальчики начинают думать, что их поведение помогает ладить с другими мальчиками, и в результате их поступки иногда даже превосходят ожидания со стороны самих сверстников. Вместо того чтобы не критически праздновать «мальчишескую культуру», нам следует подумать о том, что чувствует мальчик, когда он перестает быть самим собой и начинает демонстрировать свою маскулинность под оценивающими взглядами других мальчиков.

Здесь мы могли бы найти психологический «разрыв», эквивалентный тому, который выявила у девочек Кэрл Гиллиган. Гиллиган с коллегой описали, как гордые, уверенные в себе девочки на пороге юности «теряют голос». В этот период они впервые сталкиваются с всеобъемлющим гендерным неравенством [1]. Мальчики, наоборот, становятся более уверенными в себе независимо от своих способностей. Гендерное неравенство проявляется в том, что когда девочки начинают говорить тихо, мальчики набирают голос, но это ложный голос бравады, постоянной позы, глупого риска и беспричинного насилия. По словам психолога Уильяма Поллака, мальчики в это время начинают понимать, что от них ожидают главенства, и они начинают себя вести соответствующим образом: «Хотя голоса девочек теряют силу, а голос мальчика звучит резко и полон бравады, он не передает подлинных чувств» (цит. по [23]). Таким образом, модель воспитания мальчика заставляет его надевать «маску мужественности». Он, «задираясь, хочет выглядеть мужчиной, скрывая робкое сердце», — писал поэт Уильям Батлер Йейтс (см. также [17]).

Девочки «говорят тише», потому что недооценивают свои способности, особенно в традиционно «мужских» предметах (математике и естественных

* Подробнее об этой аргументации см. [8]. Несогласие с этой точкой зрения см. [5; 11; 12].

науках) и традиционно мужских профессиях (медицине, военном деле, архитектуре). Только самые способные и уверенные в себе женщины выбирают эти предметы и профессии. Их мало, но они отлично успевают. А мальчики часто себя переоценивают и (нередко под давлением семьи, которая ждет, что сын выберет «настоящее мужское занятие») продолжают обучение по тем программам, для освоения которых у них нет ни нужной подготовки, ни требуемых способностей.

Именно это различие, а не мнимая дискриминация мальчиков, является причиной того, что сегодня средние экзаменационные отметки девочек и мальчиков по математике и естественным предметам почти сравнялись. Слишком много мальчиков переоценивает свои способности и обучается математике и естественным наукам дольше, чем им следует. Они-то и занижают средний балл. И наоборот, те немногие девочки, чьи способности и самооценка позволили им «перейти границу» мужской сферы, повышают средний балл.

То же самое касается гуманитарных и обществоведческих дисциплин. Девочки лучше успевают по английскому и иностранным языкам. Но это — результат не «обратной дискриминации», а результат тирании норм мужественности. Мальчики считают английский язык «женским» предметом. Новаторское исследование австралийского ученого Уэйна Мартино с коллегами показало, что мальчики не интересуются английским языком, потому что в этом предмете нельзя проявить себя «настоящим парнем». «Чтение — глупое занятие, сидишь и, как дурак, смотришь, что там написано», — утверждает один из мальчиков. «Парни, которые любят английский язык, — просто гомики», — заявил другой [24-26]. Подростки убеждены, что традиционный учебный план свободных искусств оказывает феминизирующее воздействие. Как недавно саркастически заметила Кэтрин Стипсон, «настоящий мужчина не станет говорить по-французски» (цит. по [13]).

Мальчики с презрением относятся к английскому и иностранным языкам по тем же самым основаниям, по которым девочки их любят. Они говорят, что на уроках английского языка нет никаких жестких правил, которые надо быстро выучить, а скорее требуется выражение собственного мнения по теме, и мнение каждого одинаково ценно. «Ответы могут быть разными, и ты никогда не будешь полностью неправ, — подытожил один мальчик. — В математике и естественных предметах все по-другому. Здесь есть готовые ответы на все вопросы». Другой мальчик заметил: «Мне трудно дается английский язык. Ведь нет никаких определенных правил, чтобы читать тексты... В математике есть правила, как все делать, и есть правильные и неправильные ответы. По-английски тебе надо писать о своих чувствах, и именно это я не люблю».

А вот комментарий одной девочки: «Я люблю английский потому, что... в английском ты свободна — не так, как в математике и естественных предме-

тах, и твоя собственная точка зрения не обязательно неправильна. Нет точно правильных и неправильных ответов, и ты свободна высказать то, что считаешь правильным, и твое мнение не будет отвергнуто как неправильное» [25, р. 133-134].

Поэтому дело не в том, что школа «феминизирует» мальчиков, а в том, что идеология традиционной мужественности не позволяет им стремиться к успеху. «Все, что мы делаем в школе, — это для девочек», — сказал один мальчик исследователю. «Это — не настоящая работа», — добавил другой. «Я не хочу, чтобы меня мальчишки в классе называли паинькой». Эти комментарии перекликаются с данными разных социологов, начиная с новаторского исследования (1961) Джеймса Коулмана, согласно которым атлетичные красавцы оценивались сверстниками выше, чем примерные студенты [3; 14, р. 59; 6, р. 63].

«Борьба полов» — это не игра с нулевой суммой, где бы она ни происходила, в учебной аудитории, на работе или в спальне. Женщины и мужчины, девочки и мальчики извлекают выгоду от реального гендерного равенства в школах.

Школа как гендеризированное рабочее место

Исторически женщин и девочек не пускали учиться в школе. Женщин еще отлучали от педагогических профессий. Помните Икебода Крейна в «Легенде о сонной лощине» Вашингтона Ирвинга? В XVIII и XIX вв. учительство считалось уважаемым занятием для мужчины. Но к концу XIX столетия гендерная идеология «разделения сфер» привела к вытеснению женщин из других сфер рынка труда, и они скоро начали видеть в начальном образовании путь профессиональной карьеры, которую можно совмещать с материнскими функциями в семье.

Этот процесс совпал с расширением образования в общественных школах, сопровождаемым возрастной сегрегацией учащихся. (В XVI-XVIII столетиях образовательная норма предписывала одну классную комнату, в которой обучались вместе дети всех возрастов.) При делении учащихся на возрастные категории женщинам-учительницам доставались младшие классы, и школьная администрация могла платить учительнице гораздо меньше, чем учителю. В результате начальное образование «феминизировалось». Престиж профессии и размер жалованья упал, и мужчины перестали стремиться в школу, что сделало ее еще более «женской». Учительство стало «женской работой», но, разумеется, не управление школой, которое в значительной степени осталась за мужчинами. Таким образом, школа уподобилась остальным социальным институтам американского общества.

Ужасные последствия такого положения бурно обсуждались на рубеже веков. Некоторые предупреждали о «засилье» учительниц. Одного из основателей американской психологии Дж. Кеттела очень беспокоило появление «несметной орды учительниц», в чьи руки попали мальчики (цит. по [15, р. 81]).

«Обучение мальчиков женщиной, — утверждал один адмирал, — это насилие над природой», которое приведет к тому, что «мужчины станут женственными, эмоциональными, нелогичными, невоинственными» ([2, р. 47] цит. по [19, р. 214]). Другой автор беспокоился, что «американский мальчик воспитывался не для того, чтобы поколотить другого мальчика и надлежащим образом выдержать удары противника».

В начале XXI столетия женщины по-прежнему составляют большинство в учреждениях начального образования, а в яслях и учреждениях специального образования работают, как правило, только женщины. В 1994 г. 72,5 % учителей общественных и частных школ составляли женщины, из них 60 % преподавали в начальных классах. Чем выше ступень образования, тем меньше женщин среди педагогов. Больше половины мужчин преподают в средней школе и старше, тогда как больше половины женщин сосредоточено в начальной школе [22].

Гендерный состав занятых связан с уровнем оплаты. Аксиомой является то, что чем больше женщины представлены в определенной профессии, тем ниже в ней средняя заработная плата. В образовании женщины по-прежнему зарабатывают меньше, чем мужчины, выполняя ту же самую работу. В 1980 г. женщина-педагог в яслях получала в среднем 8390 дол., в то время как ее коллега мужчина — 14912 дол. С тех пор это соотношение не изменилось. 97 % воспитателей яслей — женщины. Неравенство в оплате труда становится более явным по мере карьерного роста педагога отчасти потому, что жалование повышается в зависимости от стажа работы, а у женщин стаж прерывается в связи с рождением и воспитанием детей.

Наиболее очевидные изменения произошли в высшем образовании. Если в 1975 г. четыре из пяти университетских преподавателей были мужчины, то к 1989 г. доля женщин достигла трети. Однако это не обязательно свидетельствует о движении к гендерному равенству. Так, женщины составляли менее 10 % преподавателей в престижных учебных заведениях и 25 % — в заведениях местного значения. Более двух третей женщин-преподавателей было сосредоточено в колледжах с программами 2-4-летнего обучения, и гораздо меньше их было в исследовательских университетах. Мужчины по-прежнему доминируют в дисциплинах, где меньше преподавательская нагрузка, но больше исследовательской работы и число преподающих ассистентов; женщины доминируют в социальной работе, дошкольном воспитании, педагогике и в дисциплинах с большой аудиторной нагрузкой, например, в обучении языкам.

И это еще не все. От небольшого роста в зарплате преподавателей больше выиграли мужчины. За 1970-1980 гг. жалование у женщин выросло на 66 %, у мужчин — на 70 %. В 1970 г. оплата труда женщины составляла 84 % от оплаты труда мужчин, в 1980 г. — только 70 %. Сегодня женщины во всех ступенях

образования получают более низкую оплату, чем их коллеги-мужчины, работающие в той же должности и даже в том же самом подразделении.

Женщины доминируют и в самой «густонаселенной» группе преподавателей колледжа — почасовиках. Почасовики стали жертвами пресыщения рынка образования и скрытой гендерной дискриминации. Сегодня они выполняют половину учебной нагрузки колледжей. Они получают плату за чтение курса, но их не нанимают по контракту даже на один год, чтобы исключить вопросы, связанные с охраной здоровья, пенсионным обеспечением и повышением оплаты труда. Более половины почасовиков — женщины. Мужчины преобладают в верхних эшелонах образовательной пирамиды. В 1972 г. среди администраторов высшего уровня женщины составляли менее 3 %, причем, чем больше в руководстве университетом женщин, тем ниже его престиж. Только к концу 1990-х гг. женщины стали президентами университета Дьюка, штат Пенсильвания, Государственного университета Нью-Йорка в Стоунбруке и сохранили президентство в исторически женских колледжах. Поэтому можно сказать, что кое-что сдвинулось с места.

Библиографический список

1. *Brown L. M., Gilligan C.* Meeting at the Crossroads. N. Y.: Ballantine, 1992.
2. *Chadwick F. E.* The Woman Peril // Educational Review. 1914. February.
3. *Coleman J.* The Adolescent Society. N. Y.: Harper and Row, 1961.
4. *Combs M.* What about the Boys? // Boston Globe. 1998. July 26.
5. *Connell R. W.* Teaching the Boys // Teachers College Record. 1996. Vol. 98. № 2.
6. *Gillborne D.* Race, Ethnicity and Education. L.: Unwin Hyman, 1990.
7. *Gross J.* Where «Boys Will Be Boys» and Adults Are Bewildered // The New York Times. 1993. March 29.
8. *Gurian M.* The Wonder of Boys. N. Y.: Jeremy Tarcher; Putnam, 1997.
9. *Karp D., Yoels W. C.* How Schools Shortchange Girls: A Study of Major Findings on Girls and Education. Washington, D. C.: Am. Association of University Women, 1992.
10. *Karp D., Yoels W. C.* The College Classroom: Some Observations on the Meanings of Student Participation // Sociology and Social Research. 1976. Vol. 60. № 4.
11. *Kimmel M.* Boys to Men // San Francisco Chronicle. 1997. 12 January.
12. *Kimmel M.* What about the Boys // Ms. 1999. October.
13. *Lewin T.* American Colleges Begin to Ask, Where Have All the Men Gone? // The New York Times, 1998. 6 December.
14. *Mac an Ghaill M.* The Making of Men: Masculinities, Sexualities and Schooling. Buckinghamshire, England: Open University Press, 1994.
15. *O'Neil W.* Divorce in the Progressive Era. New Haven: Yale University Press, 1967.
16. *Orenstein P.* Schoolgirls. New York: Doubleday, 1994.
17. *Pollack W.* Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood. New York: Random House, 1998.
18. *Rhode D.* Speaking of Sex. Cambridge: Harvard University Press, 1997.
19. *Sadker M., Sadker D.* Failing at Fairness: How Schools Shortchange Girls. New York: Simon and Schuster, 1994.

20. *Smolowe J.* Sex with a Scorecard//Time. 1993. April 5.
21. *Terman L., Oden M.* The Promise of Youth//Genetic Studies of Genius/L. Terman, ed. Stanford: Stanford University Press, 1935.
22. United States Department of Education. Washington, D. C., 1996.
23. *Viadero D.* Behind the Mask of Masculinity//Education Week. 1998. May 13.
24. *Wayne M.* Boys and Literacy: Exploring the Construction of Hegemonic Masculinities and the Formation of Literate Capacities for Boys in the English Classroom//English in Australia. 1995. Vol. 112.
25. *Wayne M.* Gendered Learning Experiences: Exploring the Costs of Hegemonic Masculinity for Girls and Boys in Schools//Gender Equity: A Framework for Australian Schools. Canberra: Publications and Public Communications, Department of Urban Services, ACT Government, 1997.
26. *Wayne M.* Masculinity and Learning: Exploring Boys» Underachievement and Underrepresentation in Subject English//Interpretation. 1994. Vol. 27. № 2.
27. *Weitzman L. et al.* Sex Role Socialization in Picture Books for Preschool Children//American Journal of Sociology. 1972. Vol. 77. № 6.

Перевод с англ. под ред. О. А. Оберемко и И. Н. Тартаковской

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

.....

А. В. Еленский*

Под экспертизой в самом общем виде в научном сообществе принято понимать опрос компетентных профессионалов (экспертов) с целью получения от них объективной, всесторонней информации об исследуемом объекте. Политическая экспертиза имеет своим объектом сложившуюся политическую ситуацию (в целом или в отдельных ее аспектах и проблемных составляющих). Соответственно основной функцией политической экспертизы является по возможности наиболее полное обеспечение деятельности руководящих органов аналитической информацией и практическими рекомендациями, позволяющими максимально учесть и снизить возможные риски в процессе реализации политического курса.

В структуре современной политической экспертизы можно выделить два основных компонента: внутренний (экспертизу, осуществляемую профессионалами на службе у государства) и внешний (аналитико-консультационная деятельность независимого экспертного сообщества). Становление их относится к разному времени. При этом исторические сроки и динамика удельного соотношения зависели от конкретных особенностей развития того или иного государства, специфики его политической эволюции. В российском варианте первой возникла и начала институционально закрепляться внутренняя экспертиза.

Становление Российского государства в XV–начале XVI в. сопровождалось формированием его административно-управленческого аппарата. Однако в структуре последнего в то время еще не существовало специального ведомства напрямую специализируемого на области внешнеполитических сношений России. В отсутствие такого учреждения эту функцию в той или иной степени отправляли Боярская дума, а также Казенный двор и Большой дворец. В условиях, когда внешняя политика государства определялась деятельностью

* Еленский Александр Владимирович – аспирант кафедры политической теории МГИМО(У) МИД РФ. Электронная почта: elenski@alpinamos.ru.

множества столь разноплановых государственных структур, прямые обязанности которых лежали в других сферах управленческой деятельности, профессиональная подготовка принимаемых политических решений как таковая отсутствовала.

Положение начинает меняться с образованием Посольского приказа – специализированного государственного учреждения, ответственного за комплексное обеспечение сферы международных контактов России. Процесс его конституирования шел несколько десятилетий – с конца XV в. до середины XVI в. С этого времени и можно вести отсчет развития в системе российской государственности института внутренней политической аналитики, по крайней мере, простейших ее форм, связанных со сбором, определенной обработкой и аккумуляцией в пределах одного учреждения специализированной справочной информации, касающейся широкого круга вопросов и проблем международной жизни.

Уже с первых шагов формирования Посольского приказа российские послы получали инструкции («памяти»), в которых нередко содержался вопросник с перечнем тем, информация по которым интересуется приказ. «Отписки», составленные послами, поступали в архив и составляли базу данных, которая затем использовалась в текущей работе приказа. К середине XVI в. отписки, сохраняя свое значение в качестве источника оперативной информации, уступают место основного отчетного документа статейному списку – более детальному и развернутому отчету. Статейные списки играли значительную роль в определении внешнеполитического курса государства, но сами при этом составляли только информационную основу вырабатываемого политического решения.

Как отмечает Н.М. Рогожин, «отличительной чертой донесений русских послов, как правило, являлась их фактографичность: они были лишь перечнем фактов (событий), без анализа. Такой характер „вестей“ определялся их исключительно информативным назначением, отсутствием у русской дипломатии традиций отношений с иностранными государствами и профессиональных навыков у послов» [6, с. 365]. Следовательно, перед сотрудниками Посольского приказа стояла задача сведения в один описательный документ всех источников информации, касающихся определенной страны или международной проблемы. В дальнейшем такой документ становился основой для анализа и выработки определенного мнения у руководителя приказа – думного посольского дьяка. Именно он был основным политическим консультантом царя и Боярской думы в сфере международных отношений. Среди качеств, которыми должен обладать политический эксперт-консультант, Н.А. Косолапов выделяет компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер [1, с. 92]. Несомненно, всеми этими качествами руководители Посольского приказа (среди которых прежде всего выделяют таких выдающихся деятелей XVI–XVII вв., как И.М. Висковатый, братья А.Я. и В.Я. Щелкаловы, И.Т. Грамотин, А.Л. Ордин-Нащокин, А.С. Матвеев) обладали в полной мере, что и позволяет их считать «внутренними» политическими экспертами государственной власти.

Причем экспертами достаточно влиятельными. Известно, что уже с середины XVI в. думные посольские дьяки принимали участие в совещаниях государя с боярами по важнейшим вопросам жизнедеятельности Российского государства, а при обсуждении внешнеполитических проблем могли высказывать и отстаивать свою точку зрения.

Очевидно, что в составе Посольского приказа имелись и другие специалисты, способные не только к простой обработке поступающей к ним информации, но и к определенному ее аналитическому осмыслению (другое дело, что количество профессионалов такого уровня могло быть весьма ограниченным). Развитию аналитической функции Посольского приказа способствовала и его структурная специализация. По мере расширения сферы международных контактов Российского государства в составе приказа появились подразделения («повытья»), ведавшие сношениями с отдельными группами стран (в XVII в. таковых было уже пять: три специализировались на странах Западной Европы, две – на азиатских государствах) [6, с. 350].

Петровское время, связанное с трансформацией системы государственных институтов, изменило структуру и внешнеполитического ведомства. Коллегия иностранных дел (КИД), сменившая Посольский приказ, располагалась в Петербурге. Как следует из названия, это был коллективный орган (8 человек), хотя у него имелся президент и вице-президент. Благодаря формированию сети постоянных дипломатических представительств, которая уже в петровский период охватывала основные европейские государства, информационное обеспечение деятельности КИД существенно превосходило аналогичные возможности Посольского приказа, носило не только стабильный, но и комплексный характер. К тому же поступающая информация отличалась уже определенной аналитической проработкой (это было связано с достаточно высоким уровнем подготовки русских дипломатов XVIII в.).

Ко второй половине столетия во внешнеполитическом ведомстве складывается костяк квалифицированных сотрудников, чему в значительной степени способствовала целенаправленная кадровая политика руководителей Коллегии, среди которых следует отметить Н.И. Панина, возглавлявшего КИД в 1763–1781 гг. При этом, однако, политический анализ оставался прерогативой узкого круга высокопоставленных членов Коллегии, и прежде всего руководителя ведомства – основного политического консультанта Екатерины II по вопросам международной политики. Не ограничиваясь анализом и «диагнозом» ситуации, он при необходимости предлагал в развернутой форме программу практических действий («рецептуру»). Просмотрев данный материал, императрица принимала решение, на основании которого КИД составляла соответствующие документы.

Как правило, свои «экспертно-консультационные» доклады Н.И. Панин готовил самостоятельно, используя аналитические наработки своего аппарата, но два-три раза в год императрица требовала мнения и остальных членов

коллегии, что указывает и на их спорадическое функционирование в качестве политических аналитиков высшей государственной власти. Очевидно, что, в целом доверяя руководителю внешнеполитического ведомства, Екатерина II хотела слышать не одну неизбежно субъективную результирующую оценку той или иной проблемы, но целый спектр дополнявших друг друга позиций, представленных всеми ведущими специалистами КИД. Такая коллективная «экспертиза» позволяла составлять более полное представление о предмете.

Таким образом, институт внутренней (государственной) экспертизы во второй половине XVIII в. укрепил все свои компоненты: значительно выросло и диверсифицировалось его информационное обеспечение; укрепились кадры профессионалов; наконец, возросла потребность высшей власти в компетентном политическом консультировании по основным вопросам международной жизни.

На протяжении XIX в. рост и укрепление института экспертизы в системе государственного управления шли в том же направлении, так как Российская империя не должна была отставать от других европейских государств, которые с момента вступления в стадию промышленной революции существенно расширили аналитико-экспертное сопровождение государственной политики. К началу XX в. аналитические разработки осуществлялись уже во многих российских министерствах, а достаточно развитая сеть высших учебных заведений была в состоянии обеспечить их аналитические отделы квалифицированными профессионалами.

Насколько развит был уже в это время институт внутренней экспертизы, свидетельствуют, например, взаимоотношения военного и дипломатических ведомств в предвоенный период (1912–1913 гг.), когда, по замечанию В.А. Емеца, «военные и дипломаты порой занимались несвойственными им делами: первые формулировали для МИД „неотложные“ задачи внешнеполитической подготовки к войне, а вторые предлагали военным конкретные меры по усилению армии артиллерией и другими военно-техническими средствами и даже рекомендовали наиболее удобные военно-оперативные решения по захвату проливов» [3, с. 298]. Таким образом, экспертного потенциала данных ведомств хватало не только для аналитического обеспечения собственной сферы деятельности, но и в известной мере для кооперативной поддержки работы сопредельных государственных структур.

Итак, к концу царского периода институт внутренней политической экспертизы в России в основном сформировался: в различных органах государственной власти существовали специализированные отделы, ответственные за сбор, анализ и экспертную оценку поступающей к ним информации; сложились профессиональные кадры аналитиков; устоялась традиция использования верховной властью данных политической экспертизы при выработке внешнеполитического курса страны.

Однако пореформенное время было связано и с появлением «внешней» по отношению к государственным органам политической аналитики, определенным образом влиявшей на действия власти. Относительно периода формирования независимого экспертного сообщества большинство специалистов сходится на том, что в первой половине – середине XX в. в Европе и Северной Америке происходила постепенная профессионализация и институализация сферы негосударственного политического анализа. При этом, на наш взгляд, упускается из виду аналитико-экспертная функция публицистики XIX в., которая в западных странах выступала основным выразителем общественного мнения (позиций тех или иных влиятельных его социальных групп и слоев), оказывая воздействие на политику своих государственных органов, в том числе и в области определения внешнеполитического курса.

В России данная функция публицистики все более явственно проступает с начала общественно-политических и экономических реформ 1861 г. Унизительное поражение в Крымской войне и все более ошутимая социально-экономическая стагнация страны активизировали общество в поисках выхода из сложившегося положения. В различных социальных слоях «возникали общественно-политические платформы и концепции, которые по мере развития событий и формирования политических течений из первых общих проектов превращались в программы, выдвигаемые отдельными идеологами и политическими деятелями» [9, с. 302].

Именно публицистика способствовала оформлению данных направлений в качестве своеобразных аналитико-экспертных структур. Наличие периодических изданий позволяло развернуто комментировать внутреннюю и внешнюю политику Российского государства по основным вопросам его развития. Но публицистика, не ограничиваясь комментариями, зачастую превращалась в комплексную аналитическую оценку, содержащую программу практических действий. Иными словами, такие издания не только популяризировали свои идеи среди образованного слоя российского общества, но и консолидировали своих потенциальных союзников. В составе последних зачастую оказывались влиятельные государственные деятели, связи с которыми позволяли идеологам оказывать непосредственное воздействие на выработку решений по тем или иным вопросам внешней и внутренней политики.

Среди таких влиятельных изданий, содержащих серьезные аналитические разделы, выделим аксаковскую газету «Русь», а также катковские «Московские ведомости» и «Русский вестник». Как замечает В.М. Хевролина, «выступления Каткова по вопросам внутренней и внешней политики приобрели всероссийскую известность. Его газета „Московские ведомости“ была весьма информированным и влиятельным органом, пользовалась широкой популярностью в обществе. Газету внимательно читали во дворце. Катков не только выражал мнение буржуазно-помещичьих кругов, но и в определенной степени и формировал его, подготавливая те или иные правительственные меры (курсив наш. – А.Е.)». [9, с. 311].

Сравнивая функции отечественной политической публицистики второй половины XIX – начала XX в. и современного независимого экспертного сообщества, а также способы их воздействия на государственные органы, формирующие внешнюю политику, мы обнаруживаем немало системно сходных черт. Как и экспертное сообщество, публицистика представляла собой «место для публичных научных дебатов, посредством которых в значительной степени стимулируется общественный интерес к внешнеполитическим проблемам и повышается уровень компетентности при предложении вариантов их разрешения» [4, с. 49]. С одной стороны, публицистика снабжала политических лидеров новыми идеями, а с другой – в определенной мере использовалась властью для выявления недостатков и недоработок в принимаемых решениях. В целом схожими были и многие формы воздействия на властные структуры (среди них установление непосредственных связей с высокопоставленными чиновниками; наличие среди своих сторонников представителей высшего слоя общества; способность через издательскую деятельность доносить свои идеи до самых высших инстанций).

Показательно, как высоко оценивал свою роль в государственной политике России тот же Катков, писавший в письме Александру II: «Я поднял знамя государственного единства России и русской национальной политики... Министры советовались со мною, генерал-губернаторы на важных постах поверяли мне свои предположения и затруднения, иностранные политики принуждены были считаться со мною. Мое имя стало равносильно политической программе» [9, с. 316].

Но между отечественной публицистикой второй половины XIX в. и современным экспертным сообществом имеются и существенные различия. Одно из основных заключается в «любительском» характере публицистической аналитики. Известный советский историк С.Д. Сказкин, анализируя выступление И.С. Аксакова, возражавшего против решений Берлинского конгресса 1878 г., отмечал: «Попробовав единственный раз спуститься с заоблачных высот идеальных построений в гущу практической политики, славянофильство в лице его наилучшего из поздних представителей расписалось в своей полной несостоятельности» [7, с. 367].

В столь жесткой констатации есть немалая доля правды. Идеологический характер публицистической аналитики определял ее содержательное движение от общей теоретической концепции к анализу конкретной политической ситуации (проблемы) с последующей ее оценкой и прогнозом. Профессиональная экспертиза строится противоположным образом, исходя в первую очередь из конкретного анализа существующего положения, на основе которого выстраивается система оценочных суждений и практических рецептов.

Исследователь американского экспертного сообщества А.С. Макарычев указывает, что одной из центральных функций, выполняемых мозговыми центрами, является создание «противовеса импульсивным и непродуманным

действиям правительства, желающего простых решений и простых ответов» [4, с. 49]. Соотношение российского внешнеполитического ведомства и отечественной публицистики было прямо обратным. Именно «любительский» радикализм многих политических рецептов, предлагаемых российскими публицистами-идеологами, заставлял относиться к ним настороженно представителей власти, ответственных за принимаемые решения.

Заканчивая сравнительный анализ роли и места отечественной публицистики и экспертного сообщества в системе государственного политического планирования, мы можем констатировать наличие между ними множества сходных черт, которые позволяют в самом общем плане рассматривать первую в качестве системной «предтечи» второго. Оговорим, что функцию «любительской» экспертизы выполняло почти исключительно консервативное крыло отечественной публицистики. Конечно, политическая аналитика была в полной мере представлена и в изданиях либерального, либерально-народнического и революционно-демократического направления. Однако основное качество экспертизы – ее востребованность властью, наличие коммуникационного канала между политической аналитикой и лицами, принимающими решения. Существование такой коммуникации не означает неукоснительного учета руководящими органами полученных экспертных рекомендаций. Но важно, что сами эти рекомендации до них доходят.

В этом отношении именно русский консерватизм являлся максимально влиятельным общественно-политическим течением. Выполняемая в его русле политическая аналитика не была заказной со стороны власти, но последняя внимательно отслеживала ее и, как уже отмечалось, в известной мере использовала в своей деятельности. Это обстоятельство и позволяет относить данную аналитику к своего рода независимой экспертизе. Ничего подобного нельзя сказать о либеральной и тем более революционно-демократической публицистике, анализ и политическая рецептура которых были построены на идеологической основе, в значительной степени противоречащей системе существовавшей власти (скорее даже отрицавшей ее в случае с революционными демократами).

По мере хода реформ и трансформации российского общества элементы либеральной публицистики могли включаться в круг аналитических источников российской власти. Однако произошло это уже в начале XX в., когда публицистика вследствие быстрого развития политических партий быстро утрачивала свои «экспертные» функции. Хотя аналитические отделы, выполнявшие внутреннюю экспертизу, в это время существовали в ряде министерств и государственных структур, в качестве политических консультантов исполнительной власти, очевидно, могли выступать и некоторые думские деятели. Известно, например, о достаточно активных контактах в 1912–1913 гг. министра иностранных дел С.Д. Сазонова с лидером кадетской партии П.Н. Милюковым, авторитетным историком и специалистом по широкому кругу внешнеполитических вопросов. В отдельных случаях практиковалось и привлечение к обсуждению

тех или иных проблем представителей научных обществ (еще один системный «росток» независимой экспертизы).

Однако естественное формирование независимого экспертного сообщества было прервано Октябрьской революцией. Жесткий авторитаризм советской политической системы и строгая иерархичность органов государственной власти обусловили становление мощного разветвленного института государственной экспертизы, которая включила в себя и академические структуры, потерявшие тем самым способность выступать в качестве внешней экспертизы.

Впрочем, советская экспертно-аналитическая система в законченном своем виде сложилась в послевоенный период. А в первые послереволюционные годы новая власть оказалась в достаточно сложном положении – воспользоваться экспертно-консультационным потенциалом МИДа и других российских государственных структур большевики могли в незначительной степени, поскольку самым кардинальным образом менялась идеологическая платформа, определявшая внутренний и внешнеполитический курс страны. Профессионалы старой выучки не соответствовали новым политическим задачам, не говоря о том, что многие из них отрицательно относились к советской власти и не шли с ней на сотрудничество.

Таким образом, большевики были объективно поставлены в условия ограниченного экспертно-аналитического обеспечения своей деятельности. Их партийный аналитический потенциал (до 1917 г. выступавший узким сегментом в составе российской многопартийной аналитики) автоматически занял место внутренней экспертизы всего государства. Потребовалось несколько лет, прежде чем были преодолены недостатки его «внешнего» происхождения – кадровый дефицит, ограниченность аналитико-информационной базы и методологическо-технологического обеспечения, неприемлемый для государственного уровня узкопартийный радикализм предлагаемых политических решений.

За эти годы произошла известная организационная и содержательная конвергенция партийного и бывшего государственного аппарата, что в конечном счете и позволило советской власти стать исторической правопреемницей императорской России. Были реанимированы эффективные экспертно-аналитические наработки дореволюционного периода, вернулись профессионалы, способные (и согласные) встроиться в организационно-управленческие структуры новой власти. Началось формирование мощной системы внутренней государственной экспертизы, активно использовавшей в качестве своего рабочего элемента ранее слабо задействованный потенциал научного комплекса.

Строгая регуляция всех форм общественной инициативы сдерживала создание самостоятельных аналитико-консультационных организаций, которые в странах западного сообщества, и прежде всего США, составляли начиная с середины XX в. основу системы негосударственной политической экспертизы. Однако рост политического могущества Советского Союза, превращение его в

геополитическую сверхдержаву, как и сама стремительно возмраставшая сложность всех основных сфер жизнедеятельности мирового сообщества, требовали значительного укрепления экспертно-аналитического обоснования принимаемых властных решений во внешней и внутренней политике государства. Выход, как уже отмечалось, был найден в целенаправленном развитии и расширении института внутренней экспертизы.

Существенно увеличив свой потенциал, отечественное экспертное сообщество советского периода оказалось практически полностью инкорпорированным в состав государственной власти. Безусловно, подобное системное ограничение определенным образом сказывалось и на содержательных характеристиках выполняемой политической экспертизы. Однако едва ли корректно говорить исключительно о недостатках сложившейся таким образом экспертной системы. Бесспорно, недостатки (и весьма ощутимые) у нее были, в том числе и по причине отсутствия института внешней экспертизы.

Но сама разветвленность внутреннего экспертного сообщества в СССР, задействованность многих аналитических центров при выработке рекомендаций по тому или иному политическому вопросу позволяли создать ту «стереоскопичность» видения предмета, которая возникает при участии экспертных структур разного происхождения. Иными словами, советское экспертное сообщество умело компенсировать известный дефицит своего системного разнообразия. И если в качестве внутренней экспертизы использовались разработки собственных аналитических и научно-исследовательских структур органов власти (МИДа, международного отдела ЦК КПСС, министерства обороны, КГБ, ГРУ), то роль внешней «независимой» экспертизы в той или иной степени могли играть многочисленные академические институты, задействованные в политической аналитике.

Впрочем, данная экспертная система имела и ряд недостатков, подчас весьма существенных. Но связаны они были скорее не с ее «зависимым» характером, а с общей бюрократичностью и иерархической многоступенчатостью. Прежде чем лечь на стол лиц, непосредственно принимающих решения, экспертные материалы проходили 5–6 инстанций, на каждой из которых в них могли быть внесены большие или меньшие изменения. Такой же громоздкостью отличалась и «независимая» академическая экспертиза.

Другим существенным недостатком данного централизованного механизма экспертного обеспечения властных структур являлось его односторонняя коммуникация. Нижестоящие инстанции, которые выполняли основной объем работы по составлению нужных документов, не знали о последующей судьбе последних (на «выходе» в сферу реальных политических решений сделанные рекомендации, как правило, менялись самым существенным образом). Отсутствие обратной связи усложняло деятельность экспертов, не позволяя им скорректировать свою последующую работу в соответствии с предъявляемыми требованиями и пожеланиями властных заказчиков.

Впрочем, как замечает А.В. Юревич, данный недостаток в известной мере компенсировался самими качеством «кумулятивности» подобного централизованного способа политической экспертизы. «Практически любой ученый-обществовед участвовал в разработке направляемых к власти документов» [10, с. 93]. К тому же, повторим, речь шла о множестве «восходящих» к партийной верхушке экспертных каналов, параллельных и равноположенных друг к другу («мидовский», «аппаратный», «академический», «ведомственный ниинровский» и т.п.). И если в пределах каждого из них происходило обобщение и нивелировка базового экспертного материала (что в известной мере снижало его эвристическую ценность), то все вместе они в состоянии были предоставить политическому руководству достаточно объемную и разнообразную по используемым подходам трактовку той или иной проблемной ситуации.

Необходимо учесть и еще одно обстоятельство. Отсутствие институционально оформленной независимой экспертизы в Советском Союзе не исключало наличия определенных ее системных паллиативов, которые начинают заявлять о себе после завершения наиболее авторитарного сталинского периода советской эпохи. По мере определенной демократизации политической жизни в обществе появляются инициативные группы, разрабатывающие альтернативные официальному варианты решения некоторых государственно значимых проблем.

«Часть таких групп достаточно жестко преследовалось государством (диссиденты и правозащитники), а часть продолжала существовать и даже иногда добивалась успехов. В качестве примера такого успеха можно привести остановку уже одобренного съездом КПСС решения о переброске воды северных рек в Среднюю Азию, которое было достигнуто благодаря объединению нескольких подлинно общественных инициатив и научного потенциала экологов» [5, с. 10]. В данном случае можно в полной мере говорить об успешном использовании в решении проблемы государственной важности независимой профессиональной экспертизы. Последняя постепенно прокладывала себе дорогу в область государственного управления.

Вместе с тем, помимо подобных общественных ячеек, деятельность которых содержала элементы независимой экспертизы, с конца 1960-х гг. в пределах научного сообщества Советского Союза начинают возникать небольшие научные коллективы единомышленников, занятые разработкой междисциплинарных проблем. Полностью избежать институализации (привязки к существующим государственным структурам) в то время было практически невозможно, и такие группы, как правило, были инкорпорированы в НИИ и другие организации в качестве экспериментальных лабораторий, секторов и т.п.

Число подобных групп в 1970-е–первой половине 1980-х гг. постепенно возрастает. В перестроечное время к ним присоединяется множество политических и дискуссионных клубов, «в которых не только обсуждались актуальные проблемы прошлого и настоящего, но и разрабатывались конкретные техноло-

гии углубления реформаторского процесса. Примером могут служить московский и особенно ленинградский межпрофессиональные клубы „Перестройка“» [5, с. 12].

Стремительно формируются структуры, обладающие определенным экспертно-аналитическим потенциалом, которые выходят на «поверхность» общественно-политической жизни и активно участвуют в демократических процессах, набирающих силу в стране. В качестве примера таких организаций можно назвать Центр экономико-политических исследований (ЭПИцентр), возглавляемый Г. Явлинским, Гуманитарный и политологический центр «Стратегия» под руководством Г. Бурбулиса, Международный фонд политико-правовых исследований «Интерлигал» (президент – Н. Беляева) и т.п. Экспертно-аналитические разработки этих и других подобных им структур использовались лидерами демократической оппозиции в борьбе с партийной номенклатурой. Такая поддержка для них была тем более актуальна, что они не могли пользоваться государственной экспертной системой, полностью ориентированной на обслуживание официальной власти. Но и официальная власть не полностью игнорировала возникшие аналитические структуры. Достаточно вспомнить работу экспертной группы Г. Явлинского над разработкой масштабного реформационного проекта «500 дней». При этом власть старалась безуспешно совместить новые экспертные центры с уже сложившейся системой государственной экспертизы. Выдаваемые ими рекомендации могли различаться диаметрально, учитывая радикализм и динамичность инновационных аналитических центров и инерционность сложившейся экспертной системы.

Требовалась кардинальная трансформация самой идеолого-политической платформы, на протяжении многих десятилетий определявшей стратегическое направление аналитических разработок. Неудивительно, что структуры внутренней политической экспертизы не поспевали за стремительным темпом перемен и продуцируемые ими аналитические материалы пользовались все меньшей востребованностью политической верхушки (прежде всего самого М.С. Горбачева, инициировавшего реформы в стране).

К моменту прихода демократов к власти в России система государственной экспертизы уже, по сути, находилась в состоянии функционального коллапса, который, впрочем, не был очевиден для внешнего наблюдателя. Многочисленные экспертно-аналитические отделы органов власти сохранялись и производили свою продукцию, но главное – эти подготовленные материалы были уже в самой незначительной степени востребованы высшим партийным руководством. Еще в меньшей степени они были нужны победившим демократам, которые в перестроечные годы, как уже говорилось, обходились экспертным обеспечением новообразованных аналитико-консультационных центров, представлявших аналог западных независимых «фабрик мысли» (центров внешней политической экспертизы). Более того, сложившаяся система внутренней государственной экспертизы воспринималась новой формацией политических лидеров враждебно, как структурная часть управленческо-

организационного механизма, подлежавшего демонтажу или, по крайней мере, кардинальной трансформации.

В такой ситуации российское руководство в первые постсоветские годы сохранило свою преимущественную опору на центры внешней политической экспертизы либерально-демократической ориентации, не встроенные в систему государственных институтов. В свою очередь органы внутренней экспертизы ведущих российских ведомств (в том числе и МИДа) за это время значительно утратили свой кадровый, а с ним организационный и методологический потенциал. Из аналитических отделов ушли наиболее квалифицированные специалисты, и в целом экспертная работа данных структур ограничивалась составлением формальных документов.

Определенные креативные способности и, образно говоря, «волю к жизни» сохранили только академические экспертные структуры, по инерции пытавшиеся работать на власть содержательно. Достаточно сказать, что только за 1993–1997 гг. институты РАН направили высшему руководству страны порядка двух тысяч докладов и аналитических записок. Подавляющая часть этих документов, как констатировалось на одном из общих собраний Академии, легла под сукно [2, с. 227].

Оценивая государственную политику России в первые постсоветские годы (в том числе и ее внешнеполитическую составляющую), можно констатировать, что она в значительной степени являлась общесистемной социополитической и социально-экономической «импровизацией» («самодеятельностью», по выражению профессионалов советской выучки), происходившей без сколько-нибудь серьезного и ответственного экспертного обоснования принимаемых решений.

Справедливости ради надо оговорить, что откровенная импровизационность политического курса в основном определялась новизной решаемых проблем, самой революционностью происходящих общественно-политических процессов, управлять которыми, используя сложившиеся в советское время административные и аналитические наработки, было невозможно. Существовавшая система экспертизы не могла быть сколько-нибудь эффективным консультантом политического руководства, за пределами той политической формации, в которой она сама сложилась (не случайно ее невостребованность отчетливо обозначилась уже в годы поздней перестройки).

В такой ситуации высшее руководство объективно вынуждено было искать экспертное обеспечение «на стороне». Впрочем, в подобном поиске особенной необходимости и не было. Освободившиеся позиции почти автоматически достались аналитическим структурам, сопровождавшим демократическую оппозицию на ее пути к власти. Более того, политические консультанты сами превратились в политических деятелей, составили когорту реформаторов: Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Бурбулис, Г. Сатаров и т.д.

Но такая трансформации советников в саму власть потребовала организации нового «независимого» интеллектуального сопровождения проводимого политического курса. Этому требовала современная форма государственного управления, предполагающая развернутую экспертизу всех значительных решений власти. Выход был найден в организации формально независимых аналитических центров, полностью подконтрольных отдельным политическим деятелям или их партийным структурам. Начинается «лихорадочное основание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций» [8, с. 94].

Параллельно с подобной «независимой» экспертизой формируются аналитико-исследовательские структуры при самой исполнительной власти – Аналитическая служба при Президенте, Аналитический центр госслужбы Российской Федерации и т.п. (А.В. Юревич достаточно точно охарактеризовал их как «придворную» экспертизу). Работа основной массы таких «независимых» и «придворных» аналитико-экспертных структур носила по отношению к власти откровенно обслуживающий характер. Но появлялись и действительно независимые центры. И в целом данный период характеризовался существенным смещением удельного соотношения внутреннего и внешнего экспертного обоснования политического курса в пользу второй составляющей.

Откровенные провалы внешней российской политики первого постсоветского десятилетия в определенной степени есть следствие именно этой тенденции – опоры высшего руководства на формально независимую, но в реальности «карманную» экспертизу, обслуживающую новую политическую формацию России. Впрочем, такие «карманные» политконсультанты только выполняли социальный заказ, по сути давая аналитическое обоснование уже принятых властными деятелями политических решений (т.е. «независимая» экспертиза являлась не столько опорой, сколько прикрытием внешнеполитического курса России, определявшегося идеологической платформой и персональными позициями узкого круга руководителей государства).

Существенным образом ситуация начинает меняться в конце 1990-х гг. С одной стороны, аналитико-экспертными структурами обзаводятся все федеральные властные институты. И некоторые независимые аналитико-консультационные центры встраиваются в эту вновь формируемую систему внутренней экспертной системы. Адаптируются к последней и элементы старой советской системы. В значительной мере способствовало возвращению доминирующей роли государственной экспертизы в процессе принятия внешнеполитических решений правительство Е.М. Примакова и прежде всего сам премьер-министр, обладавший огромным опытом советской административной работы и, что не менее важно, представлявший не только политические, но и академические круги (академик, доктор экономических наук). При нем академические структуры в некоторой степени возвращают свое влияние на власть.

Усилением роли внутренней экспертизы характеризуется и государственная политика России начала XXI в. При этом, в отличие от короткого «примаковского» периода, преимущественное предпочтение было отдано вновь созданным аналитико-экспертным организациям; достаточно указать на влияние созданного во время «премьерства» В.В. Путина Центра стратегических разработок под руководством Г. Грефа.

Впрочем, данные структуры в определенной степени утратили свое «придворно-обслуживающее» качество и приобрели черты, отличавшие аналитико-консультационные органы в системе государственной экспертизы советского образца. Большинство независимых аналитических центров было отодвинуто от официальной власти федерального уровня, и в целом влияние внешней экспертизы на внешнеполитический курс страны со второй половины 1990-х гг. стало неуклонно снижаться.

Пока данный процесс находится в своей динамической стадии, невозможно сказать, в какой пропорции установится их новое устойчивое соотношение, но, как это уже видно, ведущая роль в определении и корректировке государственного внешнеполитического курса, безусловно, будет принадлежать вновь сложившейся системе внутренней государственной экспертизы.

Анализируя историческую динамику института политической экспертизы в России и эволюцию ее соотношения с государственными органами, мы обнаруживаем подавляющее превосходство внутренней экспертной составляющей над внешней практически на всем протяжении развития данного института. Вместе с тем периоды радикальных общественно-политических перемен в российской истории сопровождались существенным ростом значения экспертно-аналитических структур, расположенных вне сложившейся государственной системы.

Так, уже в самом начале своих преобразований (в 1695 г. перед Азовским походом) Петр I создал Посольскую походную канцелярию, представлявшую структуру, параллельную Посольскому приказу и при этом весьма влиятельную (напомним, что именно Посольская походная канцелярия, обосновавшись в Петербурге, дала начало Коллегии иностранных дел). Два века спустя большевики после силового прихода к власти оказались отрезаны от государственного экспертно-аналитического обеспечения и были вынуждены определенный период довольствоваться преимущественно собственным партийным аналитическим потенциалом, который по своему происхождению был внешним относительно аналогичных структур царского государственного аппарата. А общественно-политический кризис конца XX в. и переход от Советского Союза к Российской Федерации были аналогично связаны с ростом влияния внешнеполитических экспертно-консультационных центров.

При этом каждый раз по истечении непродолжительного времени влиятельные внешние экспертные структуры инкорпорировались в существующую систему внутренней экспертизы, по необходимости адаптируя и трансформируя

последнюю к новой внешнеполитической концепции Российского государства, тем самым восстанавливалась доминанта внутренней (государственной) политической экспертизы. Так произошло в петровский период и в первое послереволюционное десятилетие советской власти; аналогичные тенденции наблюдаются и в начале XXI в., хотя в настоящее время процесс реанимации ведущей роли внутренней экспертизы еще не завершен (а учитывая степень сформированности и влияния независимого экспертного сообщества, уровень доминирования внутренней экспертной составляющей может оказаться не столь высоким, как на всех предыдущих этапах развития Российского государства).

Библиографический список

1. Багатуров А.Д. и др. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003.
2. Дневник общего собрания РАН // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 3.
3. Емец В.А. Внешнеполитическое руководство России накануне и во время Первой мировой войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1999. Т. 5.
4. Макарычев А.С. Система внешнеполитического планирования и анализа: опыт США 70–90-х годов // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 12.
5. Римский В., Сунгуров А. «Фабрики мысли», центры демократии и центры публичной политики // «Фабрики мысли» и центры публичной политики: Международный и первый российский опыт. СПб.: Норма, 2002.
6. Рогожин Н.М. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М.: Международные отношения, 1999. Т. 1.
7. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.
8. Филатов В. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
9. Хевролина В.М. Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1997.
10. Юревич А.В. Ученые в политике // Полис. 1999. № 2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ ДЕПУТАТОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЯ: КЕЙС САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

.....

П.В. Романов*

Реформа местного самоуправления делает актуальным анализ политической системы, сложившейся на региональном уровне. Как полагает В. Гельман, изучение институциональных характеристик местных органов власти сейчас особенно важно, учитывая то влияние, которое оказывают реальные процессы в разнообразных ключевых и второстепенных институтах на функционирование современного государства [2]. Безусловно, наиболее привлекательным материалом для анализа формирования местных законодательных органов власти является роль таких традиционных для «старых» демократий и новых для России политических институтов, как партии [4; 8; 10]. Главным предметом этих исследований стало влияние партийных систем на конструирование политических институтов в отдельных субъектах РФ. Например, выявлено, что значение партий, парламентов и законодательства в целом в начале 1990-х гг. было невысоким и сопровождалось усилением неформальных практик административной мобилизации, клиентелизма и коррупции [3].

В последние годы значительный интерес со стороны исследователей вызывают особенности институциональной организации местных legislatures и того социального контекста, который определяет их развитие и особенности функционирования. Исследования этого рода [1; 5] фокусируются на составе законодательных собраний, действии мажоритарной избирательной системы на уровне региона, положении законодательных собраний в институциональной структуре и том, как складывалась динамика влияния местных представительных органов власти на местном уровне, как формируется структура региональных парламентов и способы их формирования. Как полагает Г. Голосов, институциональный дизайн представительных органов субъектов Федерации несет в себе черты их предшественников – Советов народных депутатов, чьи властные

* Романов Павел Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. Электронная почта: p_rom@mail.ru.

полномочия не были жестко определены [5]. В итоге эти ассамблеи, особенно в условиях ничем не ограниченного господства глав администраций, уступали свои полномочия носителям исполнительной власти несмотря на то, что на протяжении длительного времени именно они являлись единственными органами власти, обладавшими на региональном уровне легитимностью в результате общих выборов.

Обсуждение взаимодействия между депутатами разных уровней пока не стало «горячей» темой для исследователей, однако в риторике политиков эта проблема нашла свое отражение. Обсуждение перспектив развития институтов взаимодействия между депутатами разных уровней идет довольно широко в русле дискуссий о реформе государственной власти. Например, Председатель Законодательного Собрания Республики Карелия Н. Левин высказался в 2003 г. о намерении «работать над концепцией деятельности депутатов разных уровней, тем более что уже есть примеры такого активного взаимодействия» [9]. Анализ прессы показывает, что часть этой работы осуществляется в рамках отдельных проектов; один из них был направлен на совершенствование опыта работы депутатов всех уровней с избирателями в Рязани (о региональном проекте «Слово и дело депутата» см. [6]).

В Красноярском крае стали регулярными съезды краевых депутатов всех уровней власти, которые позволяют создать условия для прямого диалога, помогающего «лучше понять взаимные ожидания и требования, предъявляемые различными уровнями власти друг другу» [11]. Институтом, выполняющим аналогичные функции, стало подписание депутатами всех уровней власти, избранными от данного района, специального соглашения в одном из районов Челябинска. В этом соглашении депутаты взяли на себя «совместные обязательства по выполнению наказов избирателей через постоянное взаимодействие и работу по целевым программам», намеченным к реализации в долгосрочном проекте под названием «Депутатская вертикаль» [12].

Мы полагаем, что тенденции к интеграции наблюдаются не только на региональном уровне, но и на уровне межмуниципальных объединений. В частности, Союз российских городов рассматривает деятельность по институционализации диалога между депутатами разных уровней в качестве вклада в развитие местного самоуправления, а взаимодействие депутатов разных уровней предполагается развивать усилиями Конгресса местных властей, созданного в 1995 г. [7]. Заметим, что такая деятельность лежит в русле эволюции аналогичных ассоциаций в Европе, где в качестве структурного подразделения Совета Европы действует Конгресс местных и региональных властей.

В Саратовской области взаимодействие между депутатами разных уровней так же находится в сфере внимания власти. Начиная с 2002 г., в области было сделано немало попыток его улучшения, в частности, создан специальный институт – областной Совет представительных органов муниципальных образований.

В статье предлагаются к обсуждению результаты опроса 189 депутатов (46%) органов местного самоуправления Саратовской области, в ходе которого затрагивались некоторые вопросы взаимодействия законодательных ветвей власти разных уровней. Опрос проводился в июле 2003 г. по телефону. Во время опроса, организация которого вызвала трудности в силу большой занятости депутатов, в том числе и по основному месту работы, всего четыре человека отказались от интервью. Кроме того, было взято шесть фокусированных интервью.

Оценка деятельности органов власти

Общие установки депутатов в отношении местных и центральных органов власти выражаются через мнения, сформулированные в виде оценок деятельности. Респондентам предлагалось оценить деятельность органа представительной власти муниципального образования, Саратовской областной Думы и Государственной Думы, а также Совета представительных органов муниципальных образований Саратовской области при областной Думе по пятибалльной шкале.

Средние оценки представительных органов всех 3 уровней оказались в диапазоне от 3,00 до 3,45 баллов, откуда, по нашему мнению, можно сделать вывод о критичном отношении. Максимальную оценку получила деятельность представителей области в Государственной Думе. На «тройку» (различия в сотых долях) оценили респонденты деятельность депутатов районного, областного уровней, а также Совета представительных органов муниципальных образований области. При этом районные собрания депутатов оценивались более единодушно, в то время как в отношении Совета представительных органов звучало больше полярных точек зрения. Кроме того, депутаты менее охотно характеризовали работу того органа власти, в деятельности которого они сами принимали участие, чем деятельность других представительных органов власти.

Интервью с депутатами делают возможным несколько прояснить их позицию по этому вопросу. В частности, некоторые информанты склонны винить средства массовой информации, влияющие на мнение населения: *«Ну, она нужна, Государственная Дума, и средства массовой информации зря так делают, что принижают роль парламента, и уничижительно иногда, и показывают только негатив, там склоки, драки, дразги. Да и, в принципе, в любой стране парламент нужен. Закон в любом случае нужен, да? Однако, деятельность парламента последнего созыва, с моей точки зрения, она низкая».*

Недовольство работой областной Думы связывалось с ее подчиненностью интересам исполнительной власти: *«Областная Дума выполняет все, что им скажет губернатор»*, или *«Аксененко и Аяцков, как братья-близнецы, как Маркс и Энгельс. Они и руководят областной Думой»*. Встречались и общие негативные высказывания о содержании работы областной Думы и дистанци-

рование от ее деятельности: *«Одна трескотня. Паны дерутся, у холопьев чубы трещат. По такому принципу. Ну, делать, что-то делается, по-видимому, законы принимаются. А вот результаты действия у нас тут непосредственно где-то – они еще мало видны».*

Некоторые проявляли слабую заинтересованность и низкую информированность о работе областной Думы: *«Трудно там что-либо оценивать. И как-то я даже не слежу за этим».* В более подробных разговорах о деятельности областной Думы прозвучали также общие оценки относительно ее состава и особенностей работы. Наиболее радикально по этому вопросу высказывались представители коммунистов: *«Мы, коммунисты, говорим, и это сознательно. Это карманная Дума. Это – как Аяцков сказал, так и сделал, фактически. Он, правда, там ошибся несколько раз. Он говорит: «Ни одного коммуниста не будет». Но мы Алимову избрали, там еще другие есть коммунисты. Вот, она там свежую струю вносит. А в основном-то там «Единая Россия» преобладает. Как штампуют, что губернатор сказал. Нет разногласий, вернее, как сказать? Нет спектра такого широкого. Всякая монополия, она ведет к загниванию. Это же известный факт. Поэтому я считаю, низкая эффективность из-за этого еще. Споры должны быть. В парламенте должны быть споры. Пусть, конечно, не кулаки, как у нас, показывают иногда в Государственной Думе, да? Но там споры. Единственное место, как кто-то сказал из депутатов, где ты сидишь с людьми, которых ты ненавидишь, но вынужден с ними работать и принимать какие-то решения, согласованные большинством. В этом смысле. А в областной Думе тишь да гладь да божья благодать. Я считаю, из-за этого тоже».*

Звучали и оценки областной Думы, вызванные негативным опытом взаимодействия в законодательном поле: *«Мы выходили неоднократно с инициативами о проведении коренных изменений в бюджетной политике, в принятии изменений бюджетного кодекса, в формировании бюджета муниципального образования. Мы выходили с законодательными инициативами на уровень областной, но решение так и не принято. Степень внимания высших законодательных органов власти к проблемам представительной муниципальной власти очень низка».*

Около половины депутатов, принявших участие в опросе, отказались оценивать деятельность Совета представительных органов муниципальных образований. Многие ничего не слышали о Совете, а если и слышали, то ничего не знали о его работе. Один из респондентов на этот вопрос ответил: *«Я вчера целый день был в вашей Думе, стучался в каждую дверь и не нашел, где вообще находится этот Совет».*

Были также высказывания о том, что работа в Совете шла намного активнее и лучше, когда его возглавлял Н.Я. Семенец, хотя с личностью председателя перемены связывают не все: *«Скажу, что прошлый совет работал лучше в прошлый созыв, именно с Советом представительных органов. Я не хочу сказать,*

что это связано со сменой руководства этим советом. Тогда был Семенец, сейчас Мальцев стал, видимо, другие какие-то причины есть. Хотя Мальцев достаточно часто собирает, проводит там конференции, дискуссии, вопросы, создает новые советы, общественные советы. Но эффективность была на тот момент, мне кажется, выше. Тогда удалось больше вопросов решить, чем сейчас. Может быть, это потому, что еще та Дума уже была на своей финишной прямой и ей надо было, отдельным депутатам зарабатывать дивиденды, или базу, или рейтинг, как хотите, можете сказать, для выборов, которые восьмого сентября прошли. А сейчас вроде все изобразились, думают, пять лет впереди – это не так и мало». Некоторые из наших собеседников довольно тесно взаимодействуют с Советом, высоко оценивают его работу и даже высказываются за расширение такой формы взаимодействия: «Мало, мало слишком вот совместных заседаний. Мы все практически работаем, в собственном соку варимся, друг о друге практически ничего не знаем. Мало знаем. Недостаточно нас собирают. Побольше, мне кажется, надо».

В оценках органов власти проявляется как общая недостаточная информированность о деятельности представительных органов более высокого уровня, так и определенная осторожность в оценках. Среди интервьюируемых преобладали те, кто дал работе этих институтов власти среднюю оценку, а тех, кто высоко оценивал их деятельность, оказалось меньшинство. Можно предположить, что в рядах депутатского корпуса наблюдается общая неудовлетворенность системой представительной власти на уровне региона, хотя динамика этих процессов – увеличивается ли такая неудовлетворенность или сокращается – пока не ясна и требует более длительного изучения.

Оценка работы депутатов, избравшихся от местных избирательных округов

Для оценки деятельности депутатов Государственной и областной Думы, представлявших избирательные округа, в которых работали наши респонденты, задавались два вопроса: сначала о знакомстве с соответствующим депутатом, а затем об оценке его работы. Более четверти респондентов ничего или почти ничего не знали о деятельности «своего» депутата (рис. 1).

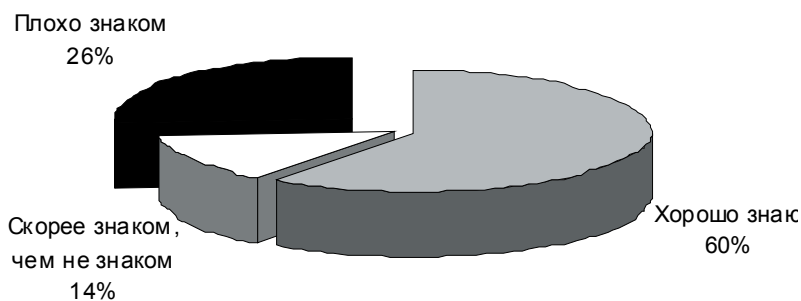

Рис. 1. Степень информированности о деятельности депутата Государственной Думы

Наибольшую осведомленность проявили депутаты из районов области (75–80 %), а наименьшую – депутаты из областного центра (около 50 %).

Информированность о деятельности депутата связана с более высокой ее оценкой. Среди тех, кто плохо знаком с работой депутата Государственной Думы, доля оценок «плохо» и «очень плохо» достигала 72 %, а среди тех, кто хорошо знаком, – всего лишь 9 %. Более высоко оценивали работу депутата Государственной Думы респонденты с более длительным стажем (более 10 лет), депутаты, довольные своей работой, и женщины-депутаты.

Наиболее критичную оценку деятельности депутатов Госдумы дали представители областного центра – в среднем 2,6 балла.

Позитивные оценки депутатов Государственной Думы в основном связаны с решением ими каких-то конкретных проблем избирательного округа: *«Приезжал и у нас на предприятии был, общались. Чувствуется, что человек активный. Ну, оцениваться, так оценку мне, конечно, тяжело давать, потому что роль личности в целом в деятельности этой Думы, наверное, тяжело оценивать. То есть оценить можно, допустим, действия того человека, уровень которого, ну, на уровне председателя, зам. председателя комитета. Ну, вот он сейчас там просто рядовой депутат, хотя является заместителем руководителя какого-то партийного движения. Я сейчас, честно говоря, даже и не знаю. Но по крайней мере, реально, допустим, для нашего района он реальную помощь оказал... Ну, у нас вот... началось строительство школы. С его помощью решался вопрос финансирования, по его участию, так скажем».*

Отрицательные оценки высказывались осторожно и связывались с низкой интенсивностью общения депутата с избирателями: *«Но встреч таких мало он проводил. Он приезжал сюда мало, ограничивался только поздравлениями в газетах, особенно в районной газете. Ну, я знаю в других районах тоже там с праздниками и так далее. А таких конкретных дел, таких частых встреч, чтобы понять, правильно голосуем или нет. Хотя бы два с половиной года поработал, приехал, спросил: «Правильно я голосую или нет?» с точки зрения большинства. Этого не было, к сожалению».*

Другим критерием оценки стало участие в голосовании по принципиально важным вопросам: *«И самое главное, я оцениваю деятельность депутата по голосованию. Тридцать основополагающих законов, которые мы взяли и анализ сделали по ним. В 14 случаях <имя, отчество депутата> не голосовал. Он просто спрятался в кусты и не обозначил позицию, поэтому, я считаю, ему просто нужно зарплату вернуть назад. Бесполезно. Нужно «за» голосовать, или «против», ну, в крайнем случае «воздержаться», а он вообще не голосует. Это тоже позиция, правда, она мне не нравится. Я думаю, избиратель оценит».*

В одном из муниципальных образований мы услышали нелестные оценки в отношении депутата-коммуниста, для которого митинговые страсти оказались важнее практической деятельности: *«К сожалению, к нашему муниципальному*

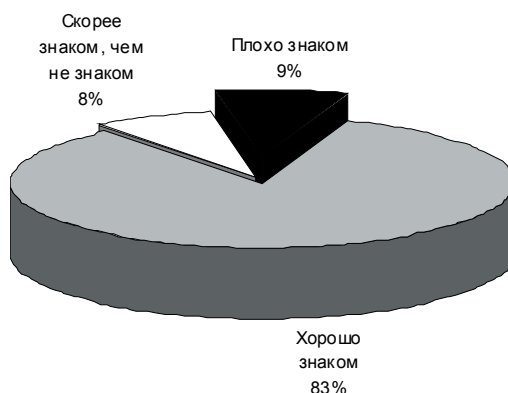

Рис. 2. Степень информированности о деятельности депутата, представляющего интересы района в Саратовской областной Думе

образованию ныне действующий депутат <фамилия>, депутат КПРФ, по одномандатному округу победивший у нас здесь в 1999 году, не принес ничего. Даже письменных ответов не было. Так, придет, на митингах здесь выступит, скажет, что все плохо, и все. И больше ничего».

Объясняя причины неудачного взаимодействия с депутатом, некоторые указывали на недостаточный опыт работы некоторых народных избранников: *«А эти молодые депутаты до конца еще не поняли своего предназначения, плохо разобрались еще, мне кажется, в тех своих функциях, в тех задачах, которые они сегодня должны».*

Более высоким оказался уровень информированности о деятельности депутатов областной Думы (рис. 2). Как и в предыдущем случае, депутаты из г. Саратова демонстрируют наиболее низкий уровень знакомства с деятельностью депутата от своего избирательного округа (78 %), в отличие от своих коллег из области (93–94 %).

Количество респондентов, оценивших деятельность своих коллег на «хорошо» и «отлично», достигает 73 %, что значительно выше аналогичного показателя депутата Государственной Думы. Средняя оценка деятельности депутата приближается к 4 баллам, что является наиболее максимальным значением. Ниже среднего дали оценки респонденты, не довольные своей работой депутата в целом (3,7) и представители г. Саратова (3,2).

В оценке работы областного депутата, как и депутата Государственной Думы, исходили из конкретных дел: *«В принципе и сам обращался к нему. Насколько я знаю, он там работает, по-моему, в бюджетном комитете. В общем, так-то человек знающий, опытный. Но опять же невозможно все проблемы решить, которые стоят перед нами».* Можно видеть, что в своих оценках респонденты отделяют решение частных проблем от способности депутатов участвовать в системных изменениях на общественном уровне: *«Вот здесь опять же заказы, лоббирование интересов, используя ранг, статус человека. Дело в том, что опять же не его деятельность, там же законотворчество как бы, да? Ну, а у*

нас все еще так пока – используя ранг человека и его статус. Где-то закинут там вопрос, для того чтобы пролоббировать свои интересы. От этого пока мы еще не ушли».

В оценке деятельности областных депутатов большую роль играет позиция по определенным экономическим и политическим вопросам. Например, довольно часто упоминался вопрос о заработной плате областного депутата: *«Был поставлен вопрос, чтобы снизить зарплату депутатам областной Думы. Что такое? Депутат Государственной Думы – 10 тысяч, а эти – 35–40 тысяч. На фоне той зарплаты, которую получает население! Наш <имя и отчество депутата> не поддержал. Там пять человек только поддержало. И потом он в газете объяснялся, что это не решит никакие проблемы, это вот зарплата, ее вроде и трогать не надо. Вот позиция человека! Я считаю, это – позор просто, позиция такая. Потому, что о своих интересах пекутся они, а не об интересах избирателей».*

Таким образом, уровень осведомленности представителей муниципальных образований о деятельности депутатов областного и федерального уровней от собственных избирательных округов, достаточно высок. Позитивная оценка деятельности депутата связана с информированностью о его деятельности и ее результатами.

Бюджет области и реформа местного самоуправления

Одним из ключевых вопросов деятельности депутатов является участие в формировании бюджетной политики. Степень прозрачность бюджетного процесса как в области его планирования, так и сфере отчетности, открытость дискуссии по направлениям расходования бюджетных средств, дискуссии, в которой активную роль принимают народные избранники – все это характеризует уровень демократии в обществе.

Ответы на вопрос об удовлетворенности подходами к формированию бюджета Саратовской области продемонстрировал определенные проблемы в этой сфере деятельности народных избранников от муниципальных образований *«Ну честно говоря, вот так вот оценивать я наверное не смогу, потому, что я не знаком с этой деятельностью. Как он там формируется? Как он там исполняется? Опять же, если только из средств массовой информации можно услышать то, что там-то отключили одно тепло, то еще что-то случилось. Постоянно денег не хватает. Опять же с точки зрения экономики. Бюджет формируется, исходя не из потребностей, а из тех возможностей, которые имеются».*

По результатам анкетного опроса мнения депутатов по этому вопросу разделились. Большинство опрошенных не склонны поддерживать сложившиеся практики формирования бюджета. В основном это связано с общей проблемой дефицита бюджетных средств, поэтому можно было услышать, например, такие высказывания: *«Если бы действительно бюджетный процесс был разум-*

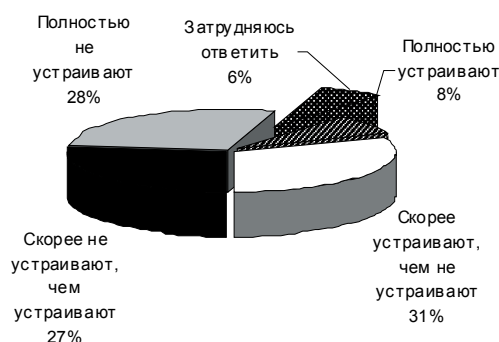

Рис. 3. Удовлетворенность депутатов представительных органов власти подходами к формированию бюджета Саратовской области

ным, а не занимались бы мы самообманом, то тогда бы и в села и в деревни приходили бы деньги и ничто бы не препятствовало».

Всего 55 % респондентов выразили неудовлетворенность этой практикой (рис. 3). Были высказаны некоторые конкретные замечания в отношении принципов формирования бюджета: «Этот остаточный принцип, который сейчас существует. Должен сказать, что мы не удовлетворены ни в коей мере. Это все какие-то такие проблемы, связанные с текущим ремонтом всех 184 учреждений. Вот, представьте, если питание слабо обеспечивается, то какое здоровье будет у бывших школьников, когда они будут подрастать».

Данные позволяют говорить о существенных различиях в подходах к этому вопросу представителей областных органов власти и депутатов г. Саратова. Большинство депутатов из муниципальных образований области довольно подходами к формированию бюджета (число недовольных не превышает 29 %), в то время как саратовские депутаты почти единогласно выразили недовольство – 86 %.

Женщины-депутаты вдвое чаще, чем мужчины, отказывались давать оценку существующей политике в области формирования бюджета, а те, кто ответили, чаще выражали поддержку: 39 % женщин против 29 % мужчин. Те, кто более удовлетворен своей работой на посту депутата, чаще удовлетворены бюджетной политикой. Работающие в представительных органах власти первый и второй сроки менее удовлетворены рассматриваемым вопросом, чем их старшие коллеги.

Интерес представляет отношение депутатов к проекту Закона о местном самоуправлении, поскольку он напрямую касался их деятельности (рис. 4)

Как видим, подавляющее большинство хорошо знакомо с законом, что не удивительно, поскольку он затрагивает сферу их непосредственных интересов. В Саратове оказалось больше, чем где бы то ни было, тех, кто заявил, что впервые слышит о таком законе (9 %).

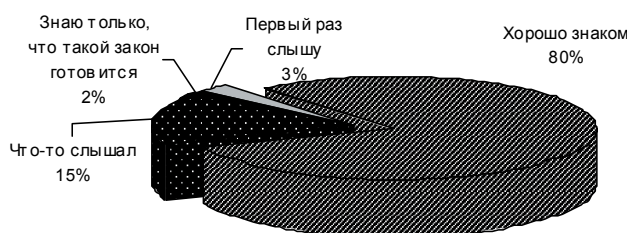

Рис. 4. Степень знакомства с Законом о реформе органов местного самоуправления

В целом проект Закона получил положительную оценку – почти две трети опрошенных его поддерживают (рис. 5), полагая, что он позволит более четко разграничивать полномочия между уровнями власти: *«Правильное направление. Так сказать, инициативу и власть спустить вот сюда вот. Чтобы, ну, вот нельзя управлять из Москвы Саратовом. И из Саратова нельзя управлять <название населенного пункта области>. У власти должна быть власть, реальные рычаги власти. А для этого, конечно, нужна законодательная база, это ее приводные ремни».*

Для ряда депутатов оказалось затруднительным высказать мнение по рассматриваемому вопросу из-за противоречивой политики информирования заинтересованных сторон авторами проектов: *«Нас знакомили с пятью или с шестью, сколько их там было проектов? Толком до конца ясности нет. Вопросы с поселениями с выборами, с дальнейшим обсуждением. Сейчас уже, честно говоря, даже я – информированный человек, не знаю, какой проект читать? И что потом в конце концов будет рассматриваться в Государственной Думе? Не знаю! Настолько все запутано. И разобраться в этом... Уже надоело эти проекты рассматривать, то один, то второй, то третий. Дождемся, когда будут приняты законы в первом, во втором чтении в Государственной Думе, тогда уже будем их смотреть, изучать. А вообще процесс обсуждения очень широко проходил. Везде – и в муниципалитете, и на семинарах – нас, я говорю, нас до того запутали в этих проектах. Мы на одном совещании обсуждали один проект, дали туда свои предложения, замечания и так далее. Собирают*

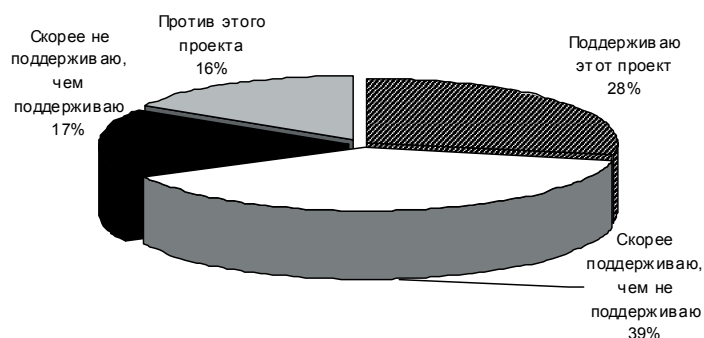

Рис. 5. Поддержка проекта Закона о местном самоуправлении депутатами Саратовской области

нас, нам дают брошюру – вот уже другой проект. И совсем там нет тех замечаний и предложений, которые давались до этого. Что сейчас там на выходе? Я просто перестал судить, мне стало это неинтересно. И многим другим так же». Вероятно, именно обширная информационная кампания обусловила высокую степень осведомленности депутатов о новом законе, однако она же и вызвала противоречивые мнения.

Другие депутаты связывают с новым законом надежды на формирование новой бюджетной политики: *«Понимаете, это формирование бюджета местного уровня. Я считаю, что перезрел этот вопрос, давно надо было избирать депутатов сельского и городского уровня и так далее, потому что депутаты районного совета – это огромный округ, большой все-таки. Это несколько улиц, а у нас было, когда избирался от улицы, например, в селе, вот там проблемы местные решались. И бюджет был маленький, мы его тем не менее делили, и он открытый был, то есть можно было посмотреть, куда деньги идут, и так далее. Этот закон нужно принимать».*

Негативные оценки нового закона связаны с мнением о том, что он нацелен на возврат к старой системе управления: *«На примере нашего района, я скажу, ныне действующий закон успешно работает, нам удается решать проблемы. Мне показалось надо бы совершенствовать данный закон, который есть уже, вводить новые статьи, что-то корректировать, то, что уже поменялось, он в 1996–97 году был принят. И новой реформой мы опять, скажем так, все меняем кардинально, поворачиваемся на 180 градусов, идем в совершенно другую сторону, возвращаемся к прежней системе. Объяснение принятию нового закона только одно, что в села, в деревни придут какие-то финансы. Второй вопрос, на который я тоже не получил нигде ответа, – что же сейчас мешает прийти финансам в эти же села, в деревни? Тоже никто не ответил мне».*

Наиболее радикальные критики проекта Закона высказывались достаточно резко: *«Это будет удар по местному самоуправлению. Если сравнивать у нас, посмотрите наши материалы, можете посмотреть, они никакого секрета не представляют, и возьмите комитет по строительству, там практически у депутатов авторитет – ноль. В целом, если в двух словах сказать, что это удар по местному самоуправлению. Удар. Тот проект нацелен на ликвидацию местного самоуправления, не больше не меньше».*

Взаимодействие между депутатами разных уровней: реальность и перспективы

При современной многоуровневой и разнообразной системе представительной власти нужна система взаимодействия между уровнями района, города, области и на федеральном уровне. Насколько в этом взаимодействии заинтересованы сами областные депутаты? Этот вопрос был задан участником опроса.

Рис. 6. Оценка важности взаимодействия депутатов

Респонденты почти единодушно (90 %) поддержали идею о необходимости взаимодействия между депутатами различных уровней власти (рис. 6). Обсуждая принципиальную значимость такого взаимодействия, один из наших собеседников заметил: *«Цепочка, она неразрывна, начиная с самого верхнего – Государственной Думы, областная и районный потом уровень. Цепочка неразрывная. Зная проблемы, допустим, нашего низа там, наверху, соответственно, зная реально и осозная, можно проанализировать ситуацию. Можно найти пути или сформулировать какую-то программу или направление, как из этого кризиса выходить. А чтобы из кризиса выходить, нужна нормативная база, нужна законодательная база. Если реально члены Государственной Думы, депутаты Государственной Думы оценивают ситуацию внизу, там, где в принципе вся экономика и вершится, начиная с села, город, производство, промышленное производство и так далее, – на это нужна законодательная база. Для этого надо просто знать, что там делается и что нужно для того, чтобы исправлять. А вот эти детали, можно знать концепцию, а вот глубину вопроса и детали этого вопроса можно знать, подпитав себя информацией снизу»*.

73,2 % опрошенных подчеркнули необходимость взаимодействия с депутатами всех уровней, 22,8 % на первое место поставили взаимодействие между законодательными органами муниципального и областного уровней.

Чаще всего депутаты от муниципальных образований общаются с коллегами областного уровня (рис. 7). Для некоторых это взаимодействие представляется реально действующим: *«Ну, надо сказать да, эта «цепочка» сейчас работает. Если раньше, в те времена, встреча с этими депутатами носила праздничный какой-то характер, то сейчас она носит рабочий, деловой. Когда действительно можно пообщаться по каким-то конкретным проблемам, когда человек впитывает это в себя. Вопрос не в том, насколько эти встречи, контакты возымеют потом действие. Я понимаю, что это быстро*

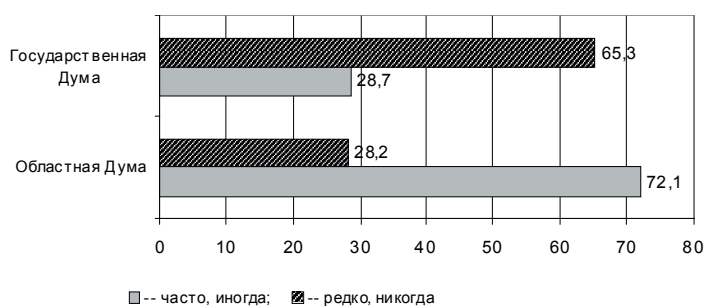

Рис. 7. Интенсивность общения с депутатами областной и Государственной Думы

сделать невозможно, в принципе концепция-то, она, такая общая тенденция есть. И, как мне кажется, мне хочется в это верить, что намечается какая-то тенденция к лучшему, мне так кажется».

Следует отметить, что фактически депутаты из Саратова на 5–12 % чаще, чем их коллеги из области, общаются с представителями областного и федерального уровней. Это вполне объяснимо, учитывая территориальную близость этих учреждений, расположенных в областном центре. Среди саратовских депутатов в 3–4 раза меньше тех, кто никогда не общался со своими коллегами из областной и Государственной Думы. Среди начинающих депутатов (опыт работы менее 5 лет) в 2 раза больше тех, кто никогда не взаимодействовал с депутатами областной и Государственной Думы. Депутаты до 35 лет в 3 раза реже взаимодействуют с коллегами областного и федерального уровня. Среди женщин в 2 раза больше тех, кто никогда не общался с депутатами областного уровня.

Небольшое, даже мимолетное взаимодействие оставляет определенные ощущения у его участников, эти ощущения можно оценить в категориях удовлетворенности и неудовлетворенности (рис. 8).

Мужчины в 3 раза чаще, чем женщины, указывают на негативные результаты взаимодействия с депутатами областного уровня. Некоторые депутаты объясняли причины негативных оценок: «Я совместно с депутатом областной Думы пытался решить проблему одного детского садика, но я свою работу

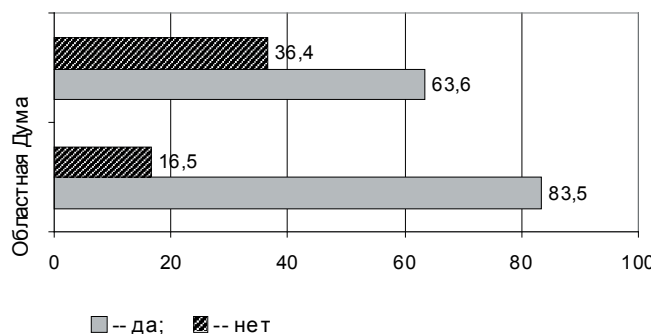

Рис. 8. Удовлетворенность взаимодействием с депутатами областного и федерального уровней

выполнил, как и обещал, а он нет. В результате оказалось, что мы оба болтуны. Как теперь будут относиться к депутатам?».

В другом случае упоминался факт отписки, нежелания идти на обсуждение местной проблемы, что тоже привело к формированию негативного впечатления: *«Я обращался к нему с просьбой отстоять льготы учителей, работников культуры и здравоохранения. У нас зарплата низкая, и нам государство как-то компенсирует по оплате за жилье, отопление, газ и электроэнергию. Ну, и <имя депутата> отписался мне, что вы депутат районного совета, вот и решайте. Не помог. Мы это сумели решить через обком профсоюзов, президиум обкома. Направляли в прокуратуру протесты, когда губернатор пытался отобрать эти льготы, меньшую часть нам оставить, а большую забрать. А больше, похоже, у меня и не было таких обращений».*

«В прошлом году, значит, мы вышли с законодательной инициативой, с просьбой перевести группу оплаты должностей с третьей категории на вторую. Так как, допустим, такое же равноеликое муниципальное образование, как Балаковское, но этот вопрос не решен и никак не решается. От нас требуют еще какие-то документы, еще какие-то документы, еще. Потом нам сказали, что мы будем приводить в порядок по всей области. До сих пор группы оплаты должностных лиц по муниципальным областям, до сих пор нигде не приведена в порядок».

В качестве положительного примера взаимодействия наши респонденты упоминали решение проблемы дорожного строительства с привлечением областных средств.

По каким вопросам чаще всего взаимодействуют депутаты? Данные опроса показали, что на первом месте – решение социальных проблем (проблемы бедности, ЖКХ, дорожное строительство) (88 %), на втором месте – проблемы отдельных людей (57 %), на третьем – проблемы формирования бюджета (34 %) и лишь на четвертом – законотворчество, разработка новых нормативных актов (25 %). Законотворчеством в 2 раза чаще других занимаются депутаты с более длительным стажем депутатской работы, а депутаты со стажем работы от 5 до 10 лет в основном занимаются социальными проблемами, проблемами отдельных людей и вопросами формирования бюджета.

Один депутат муниципального образования рассказал о постоянных консультациях с депутатом Государственной Думы по ряду законопроектов: *«По вопросам образования, бюджетной сферы, потому что они же не специалисты. Вот я себя считаю специалистом, я работаю сейчас учителем, директором школы, заведующим районо, в обкоме профсоюзов членом президиума обкома. Вот, более-менее эту систему знаю. По системе реформирования образования, выплаты зарплат, пособий, льгот и так далее. Я их консультирую и поправки даю».* Кроме того, подчеркивалась важность контактов, направленных на выявление каких-то мнений, результатов действия законов: *«Они могут от первого лица, я вот учитель, они могут сказать: „Вот мы приняли закон, как*

ты себя чувствуешь как учитель? Как отразилось на твоей судьбе лично?“ У меня жена – учительница, дочь пединститута закончила. Могу с мест, снизу сказать объективно, как отразилось принятие того или иного закона. Это вот прямая такая вот связь идет. Я за что-то благодарю, за что-то ругаю, говорю: „Недостаточно вы там активно работали, ущемили наши права и интересы“».

Есть круг проблем, по которым депутаты хотели бы улучшить взаимодействие. Это в первую очередь решение социальных и экономических проблем (83 и 82 % соответственно), далее идут помощь конкретным людям (50%). Последние места заняли совершенствование законодательства (44%) и выдвижение законодательных инициатив (41%).

При этом те, кто меньше других удовлетворены результатами своей работы на посту депутатов, на 6–10 % чаще говорили о необходимости выдвижения законодательных инициатив, на 16 % чаще – о решении экономических проблем. Их более удовлетворенные своей работой коллеги на 10–20 % чаще говорят о помощи отдельным людям.

В качестве наиболее перспективных направлений взаимодействия между депутатами разных уровней указывались разработка в областной Думе нормативных актов о представительных органах муниципальных образований (54 %); организация совместных семинаров, конференций (51 %); проведение съездов, совещаний (44 %); проведение совместной учебы и повышения квалификации (40 %). Необходимость развивать деятельность Совета представительных органов муниципальных образований Саратовской области отметили 24 % опрошенных.

Для развития взаимодействия было также предложено создать схему регулярных приездов депутатов областной и Государственной Думы в избирательный округ: *«Нужна регулярность приездов. Например, в населенный пункт, хотя бы в крупный, или в район, допустим. И обязательно мы за правило взяли актив проводится или что-то. Всех депутатов приглашаем. Хочешь ты, не хочешь – приходи. И тут будет встреча, где я ему выскажу все, что я о нем думаю или население о нем думает. Мои избиратели – это одни и те же избиратели, мои районные, они же и депутата областной Думы и Государственной Думы – одни и те же избиратели. Поэтому я могу им передать с места. Я каждый день встречаюсь с ними, понимаете? А они не каждый день. Поэтому нужна обратная связь».*

Высказывались также предложения о темпе и продолжительности таких встреч: *«Бегом, бегом эти встречи проводятся, с населением провели встречу, там час, два, а с нами депутатами уже нет возможности за чашкой чая посидеть и в спокойной обстановке сказать, что вот здесь неправильно голосовали, с нашей точки зрения, вот здесь – правильно».*

Другие ответы депутатов звучали менее определенно, они затрагивали скорее принципы формирования депутатского корпуса: *«Будет эффект положи-*

тельный, если депутатский корпус любого уровня будет состоять не чисто из теоретиков, а еще из практиков. Не просто из тех, которые сотрясают воздух, но еще и умеют чего-то там делать. Говорить они сейчас научились, если не все, то многие, даже депутат Шандыбин. Вот сделать бы еще только. Ответственность каждого нужна на любом участке. Депутат, не депутат, любой. Я, вы, любой. Нет плохой профессии, то есть принцип он один, если хочешь чего-нибудь достичь, надо искать пути и средства, для того чтобы достичь. А если не хочешь, зачастую ищут причины. Можно красиво говорить и прикрыться этим значком депутатским».

Некоторые выводы

На наш взгляд, депутатов представительных органов власти различных уровней в регионе можно рассматривать в качестве сообщества, формирующегося и функционирующего по особым правилам. Это сообщество склонно вырабатывать и поддерживать собственную идентичность, каналы коммуникации и механизмы взаимодействия. Стабильный состав депутатского корпуса имеет тенденцию к установлению устойчивых связей и взаимных позитивных оценок. При этом депутаты из области более заинтересованы в установлении таких связей, чем те, кто был избран в городскую Думу. Эти связи в основном направлены к центру (в данном случае к областному центру) как к властному и экономическому ресурсу. В настоящее время роль формальных институтов – Совета представительных органов власти, совместных комиссий – сравнительно невысока, доминируют неформальные каналы, личные связи. Вероятно, это связано с тем, что отсутствуют институциональные условия, которые бы позволили депутатам из муниципальных образований реально влиять на законотворческий процесс, в частности, в аспекте формирования местного бюджета. Депутаты больше вовлечены в решение хозяйственных и бытовых проблем, здесь они обладают реальными полномочиями, и неудивительно, что именно эти взаимодействия и составляют основное содержание контактов между депутатами разных уровней. Вместо «единого законодательного пространства» действует «единое пространство решения вопросов».

Библиографический список

1. Автономов А.С., Захаров А.А., Орлова Е.М. Региональные парламенты в современной России. М.: Изд. центр науч. и учеб. программ, 2000.
2. Гельман В. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // В. Гельман и др. (ред.). Органы государственной власти субъектов Российской Федерации. М.: ИГПИ, 1998.
3. Гельман В.Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Выборы в Российской Федерации: Матер. науч.-практ. конф. / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002.
4. Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. 2003. № 6.

5. *Голосов Г.В.* Измерения российских региональных избирательных систем // *Полис*. 2001. № 4.
6. *Енцов Ю.* Великолепная семерка Рязани // *Гражданский голос*. 2002. 1 окт.
7. История Союза русских городов // <http://guests.iip.net/urc/pubs/006.htm>. Обращение к ресурсу 07.08.2004.
8. *Кузьмин А.С., Мелвин Н. Дж., Нечаев В.Д.* Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. 2002. № 3.
9. *Левин Н.* Согласие и взаимодействие // *Карелия*. 2003. № 40 (1026). 15 апр.
10. *Петров Н.* Выборы органов представительной власти // *МЭиМО*. 1995. № 3/4.
11. Сибирский сенатор // *Независимая газета*. 2001. № 141 (2451). 3 авг.
12. *Язев В.А.* Выступление на собрании Ассамблеи депутатов всех уровней власти УРФО – членов партии «Единая Россия». 26 июня 2004 г. (Челябинск) // ИТАР-ТАСС Урал [http:// www.itartass.ur.ru/pub/?id=220](http://www.itartass.ur.ru/pub/?id=220). Обращение к ресурсу 07.08.2004.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

.....

А. В. Егупов*

За последние десять лет ислам превратился в эффективный инструмент в геополитических и политических играх элит в России и Средней Азии. События, происходящие в последние годы в Центральной Азии и на Северном Кавказе, ставят ряд вопросов. Обусловлено ли появление исламских радикалов в этих регионах самим ходом событий или они, как утверждают политики, были экспортированы из-за рубежа? В какой мере исламский радикализм является внутренней проблемой данных стран, а в какой он привнесен извне международными террористами? Появятся ли на картах исламские государства, построение которых провозгласили своей целью радикальные исламские группировки? Только ответив на поставленные вопросы, можно в какой-то мере выявить особенности исламского радикализма на постсоветском пространстве.

В Средней Азии и на Северном Кавказе процесс политизации начинался почти одинаково – с появления так называемых просветителей. В Таджикистане самый известный из просветителей – Саид Абдулло Нури, подпольный чтец Корана, религиозный диссидент [9]. В Дагестане такую же известность в те годы получил Багауддин Мухаммад, впоследствии ставший идеологом ваххабитов на Северном Кавказе. В начале 1990-х гг. в Дагестане развернулась религиозная дискуссия между сторонниками традиционного в республике суфийского направления ислама, которых называют традиционалистами, и теми, кто начал подвергать ревизии это направление. Никто из политиков в Дагестане, а тем более в Москве не придавал особого значения религиозным спорам. Но именно тогда в этой республике закладывалась идеология движения, которое впоследствии было названо ваххабизмом. Багауддин и его малочисленные в то время сторонники выступали с ревизией суфизма, культа почитания предков. В Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, большинство мусульман относятся

* Егупов Александр Викторович – преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: san77@mail.ru.

к шафиитам*, а ваххабитов российские исламоведы относят к салафитам** [2; 3; 15]. Оппонентом Багауддина выступал шейх А. Таммим – глава Духовного управления мусульман Украины, араб по национальности (последнее обстоятельство прибавляло ему авторитета в глазах дагестанцев, большинство которых не знает арабского языка).

Религия оказалась тесно переплетена с политикой и деятельностью уголовного характера. При исследовании конфликтов, в которых задействованы исламские радикалы, подчас трудно разглядеть черту, отделяющую, к примеру, идеологию так называемых ваххабитов от уголовных преступлений, связанных с участием в незаконных вооруженных формированиях, похищениях людей или незаконном обороте наркотиков.

На данном этапе необходимо выявить предпосылки проявлений исламского радикализма в Центральной Азии и на Северном Кавказе – самые конфликтотогенные регионы на постсоветском пространстве. Объясняется это тем, что помимо факторов напряженности, характерных для всего СНГ, данные регионы обладают специфическими чертами, обуславливающими вероятность открытых конфликтов. В ряду особенностей этих субрегионов можно выделить этнические, религиозные, территориальные.

Во-первых, главной предпосылкой распространения исламского радикализма в этих регионах послужило национально-территориальное устройство. Сам принцип территориально-административного размежевания по национальному признаку противоречил истории народов Центральной Азии и Северного Кавказа. Государства здесь никогда не строились по национальному признаку, причём и само это понятие было достаточно условно. Сегодня в Центральной Азии и на Северном Кавказе можно выделить около десяти территорий, на которые одновременно претендуют два титульных народа. Для Средней Азии наиболее опасной оказалась разделённость межгосударственной границей узбеков, компактно проживающих в приграничных с Узбекистаном Ленинабадской области Таджикистана и Ошской области Киргизстана, и таджиков, населяющих приграничные с Таджикистаном Самаркандскую и Бухарскую области Узбекистана. В 1990 г. в Ошской области Кыргызстана уже произошли стол-

* Значимой особенностью ислама является существование в ортодоксальном суннизме четырех равноистинных и взаимно признающих друг друга толков – мазхабов (шафииты, ханифиты, маликиты и ханбалиты). В процессе развития мусульманского правоведения (фикх-право и доктрина права) в суннизме к X в. сложилось несколько мазхабов (влиятельных религиозно-правовых школ). Ханбалиты (наиболее строгий мазхаб) признают источником права только Коран и Сунну, отвергают все логико-рационалистические истолкования догматов веры и права. Ханафиты (самый распространенный мазхаб) признают Коран, Сунну, иджму, кияс, т.е. шире других школ допускают рационалистические методы формирования норм фикх-права. Еще два мазхаба (шафииты и маликиты) занимают промежуточное положение между названными.

** Социальной базой салафитов стали те группы населения, которые в ходе произошедших в обществе трансформаций, оказались вытесненными из привычной социальной ниши, частично оторвались от традиционной культуры и стремились восполнить это обращением к первоосновам ислама.

кновения между местными узбеками и киргизами, приведшие к гибели около 320 человек. При этом первопричина конфликта (с точки зрения местных узбеков, эта территория исторически принадлежит им, а киргизы являются здесь пришлым, некоренным народом) не устранена и поныне [12].

Не менее остро последствия ошибок национально-территориального деления ощущаются и на Северном Кавказе. Разделенными межгосударственными границами оказались два северокавказских народа – осетины (проживают во входящей в состав Российской Федерации Северной Осетии и в самопровозглашенной Осетинской Республике в Грузии) и лезгины (зона компактного расселения включает южный Дагестан (Россия) и северный Азербайджан). Значительное количество северокавказских народов разделено внутренними (межреспубликанскими) границами. Живущие в основном на равнине и лишь отчасти в предгорной зоне кабардинцы, черкесы, а также адыгейцы составляют этническую общность адыгов. Эти народы очень близки между собой по языку и культуре. Живущие в горах балкарцы и карачаевцы также являются близкородственными народами и говорят на одном карачаево-балкарском языке, относящемся к тюркской языковой семье [11].

Таким образом, сложившаяся предпосылка дала возможность исламским радикалам использовать фактор национально-территориального размежевания в своих целях. Данный момент разобщил народы данных трансграничных регионов и позволил исламистам использовать противостояние между народами Северного Кавказа и Центральной Азии для активизации своей деятельности.

Во-вторых, важной предпосылкой и для Центральной Азии, и для Северного Кавказа послужило то, что политическая борьба здесь неразрывно связана с борьбой за власть между национальными, а также региональными элитами. В Центральной Азии борьба в основном идёт между региональными группами внутри титульного этноса. По сути, формирование среднеазиатских народов в единые нации так и не завершилось (единственное исключение – узбеки, хотя и у этого народа месту рождения придаётся достаточно большое значение), и все они разбиты на этнические группы. Следствием этого является сохранение у большинства коренных среднеазиатских народов узкорегionalного самосознания, т. е. выходец из конкретного региона осознаёт себя в первую очередь не представителем единой нации, а представителем своего региона. Трайбализм (в данном случае понимаемый как узкорегionalное самосознание) выступает одним из главных факторов, оказывающим дестабилизирующее воздействие на ситуацию в Центральной Азии.

Наиболее ярко эта особенность проявилась в Таджикистане, где борьба за власть между регионами переросла в гражданскую войну, унёсшую 40 тысяч человеческих жизней. Похоже, что достижение в этой республике консенсуса между противоборствующими региональными элитами невозможно в при-

нципе: каждый клан претендует на то, чтобы именно его представители стояли во главе Таджикистана.

Весьма злободневна проблема трайбализма и в Кыргызстане. Скрупулёзный подсчёт общественностью доли представителей разных регионов во властных структурах воспринимается в республике без удивления. В Кыргызстане распространена шутка: «Если раньше мы строили коммунизм, то теперь – кеминизм» (Кеминский район – родина президента Акаева) [7]. Тема «засилья северян» всерьёз обсуждается и в республиканской печати.

Достаточно актуален региональный вопрос и в Туркменистане, где по-прежнему сохраняется племенное деление на текинцев, салыров, сарыков, гокленов, чаудоров, иомутов. Потенциальная опасность регионального противостояния в Туркменистане заключается также в неравномерности распределения природных ресурсов на территории республики (главные запасы газа и нефти сосредоточены на западе республики, заселённой иомутами). Гораздо важнее то, что и в Центральной Азии, и на Северном Кавказе политическая идеология является не более чем прикрытием реальной борьбы между лидерами национальных или региональных (племенных) группировок.

Таким образом, можно сказать, что возникающие религиозно-политические движения вступают в конфликт с традициями быта, обычаями, культурой. Это и обуславливает борьбу за власть между национальными и региональными элитами в обозначенных трансграничных регионах.

В-третьих, Центральная Азия и Северный Кавказ имеют ещё одну общую специфическую характеристику – для обоих регионов характерна так называемая азиатская структура занятости. Коренное население занято в основном в сельском хозяйстве и торговле, приезжие (главным образом славяне) – в промышленности. Оба региона трудоизбыточны, причём безработица в первую очередь характерна для сельской местности, где и проживает подавляющая часть коренного населения. Именно традиционный сельский образ жизни коренного населения и предопределяет механизм возникновения конфликтов. Абсолютная и относительная перенаселённость Центральной Азии и Северного Кавказа и одновременно невозможность большей части коренных жителей участвовать в индустриальном производстве порождают социальную напряжённость. Большинство так называемых межнациональных конфликтов на Северном Кавказе и в Центральной Азии произошло из-за пригодных для земледелия территорий. В Центральной Азии гражданская война началась именно в Таджикистане – республике с наименьшим количеством орошаемой земли на одного жителя из всех среднеазиатских государств. Показательно, что другой конфликтной зоной Центральной Азии является Ферганская долина (здесь уже произошли погромы турок-месхетинцев, ошская резня, выступления фундаменталистов), где наиболее высокая плотность населения в регионе [1].

Не менее остро стоит земельный вопрос и на Северном Кавказе. Легко объяснить, почему власти двух горных республик (Северной Осетии и Ингушетии) с таким упорством спорят о территориальной принадлежности Пригородного района. Равнинный земледельческий Пригородный район был основной житницей для потерявших его ингушей и является одной из наиболее плодородных зон в приобретшей его Северной Осетии.

Сложности в экономическом, социальном и политическом развитии на постсоветском пространстве позволяют исламистам активно и целенаправленно использовать людей, не удовлетворенных своим экономическим, социальным положением, активно выражающих политический протест, создавая тем самым благодатную почву для деятельности исламских радикалистов в двух трансграничных регионах.

В-четвертых, разрозненные, и достаточно разношерстные группировки фундаменталистов объединяет одно: всех их можно назвать исламскими радикалами, они не принимают ни прежнюю коммунистическую систему, ни пришедшую ей на смену западную модель развития. Подавляющая часть салафитов считает неподобающим для мусульманина подчиняться светским властям и выступает за создание исламского (живущего по законам шариата) государства. Как правило, в фундаменталистские группы идут наиболее думающие и при этом не связанные с криминальными структурами молодые люди из традиционного, неиндустриального общества (крестьяне, торговцы). Это обстоятельство, пожалуй, особенно опасно для властей. В регионах распространения ваххабизма (Таджикистан, Узбекистан, Дагестан, Чечня) около 70 % населения живет в традиционном обществе, с практически не изменившимся за годы советской власти укладом, и то обстоятельство, что лучшие его представители выступили против складывающейся в постсоветское время системы ценностей, не может не вызывать тревогу [10, с. 300]. Как отмечает Роберт Ланда, главный секрет успеха фундаменталистов (впрочем, весьма относительного почти на всем постсоветском пространстве) – их ставка на молодежь [5, с. 264].

Таким образом, мусульманская идеология оказалась единственно возможной (действенной) идеологией для революционных движений на постсоветском пространстве. Ислам выступает как фактор, способный сплотить народ для отражения внешней агрессии.

В-пятых, росту социальной базы исламских консерваторов способствует размытость правовой базы, характерной практически для всех мусульманских регионов бывшего СССР. Например, в сегодняшнем Дагестане власть фактически поделили между собой две прослойки общества – бывшая партноменклатура и «новые дагестанцы», т. е. обладающие собственными вооружёнными отрядами криминальные авторитеты. Конфликт дагестанских ваххабитов из села Кармахи с официальной Махачкалой впервые проявился после того, как они отказались платить дань местному криминалитету. В Узбекистане же и Киргизии мафию с успехом заменяет «официальный рэкёт» – коррумпирован-

ные чиновники. В такой ситуации многие из мусульман теряют веру в эффективность действий светских властей и приходят к убеждению, что справиться с правовым беспределом можно лишь в том случае, если общество будет жить по законам шариата.

В-шестых, в немалой степени успеху фундаменталистов способствовало их финансовое могущество. Многие фундаменталистские общины получают солидную денежную помощь от таких зарубежных организаций, как «Мировой фронт джихада против иудеев и крестоносцев» и партия «Братьев-мусульман». В их медресе студенты получают стипендию от 20 до 100 долларов, а новообращённый в общину получает «подъёмные» в размере нескольких сот долларов США. Для Северного Кавказа и Центральной Азии это достаточно большие деньги [13].

Центральная Азия и Северный Кавказ обладают рядом предпосылок, предопределяющих высокую вероятность проявлений здесь исламского радикализма. Поэтому неудивительно, что как только с началом перестройки власть центра ослабла, многие из скрытых противоречий перешли в открытую стадию. Поскольку же все коренные народы этих регионов мусульмане (единственное исключение – исповедующие православие осетины), то по мере нарастания кризиса противоборствующие стороны всё чаще начали апеллировать к исламу, надеясь с помощью религии предков разрешить накопившиеся противоречия.

В годы перестройки и после распада СССР исламская проблематика в России и государствах СНГ быстро перешла в разряд «горячих» тем. Во многом это было обусловлено переменами, начавшимися в постсоветском мусульманском пространстве: исповедующие ислам народы бывшего Советского Союза начинают преодолевать почти вековую искусственную изоляцию от исламского мира, втягиваться в орбиту экономического, политического и религиозного влияния государств Ближнего и Среднего Востока. При этом они приобщаются не только к высокой культуре ислама, но и к различным, в том числе и политизированным, течениям этой религии. В полный голос заявил о себе политический ислам, а война в Чечне, обострив этнические и религиозные противоречия на Кавказе, стимулировала рост религиозного экстремизма. Все это диктует необходимость пристальнее взглянуть на эволюцию постсоветского ислама, который приобретает все более четкие очертания в общественной и политической жизни на постсоветском пространстве.

В Центральной Азии и на Северном Кавказе действовали общие факторы, «раскрутившие» на первых порах радикалов: общая для тех и других советская правовая культура, склонность к насилию, традиция права сильного, идущая еще с досоветских времен. С одной стороны, власти оказались абсолютно не готовы к разрушению железного занавеса и последовавшему за этим процессу политизации мусульман и их тесному общению с зарубежными проповедниками. Предпринятые затем попытки оградить своих граждан от влияния иност-

ранних проповедников сильно запоздали и уже не могли исправить ситуацию. Наступил момент, когда на сцену вступили политические факторы, способствовавшие радикализации группировок. Парадоксально, но исламским группам неоценимую помощь оказали светские политические лидеры, которые стали активно использовать радикалов в своих целях.

Сторонников политического ислама на Северном Кавказе называют ваххабитами – по аналогии с одноименным религиозно-политическим течением, получившим распространение в Аравии и на других территориях Арабского Востока в середине XVIII в. и названным по имени его основателя, богослова-правоведа Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Приверженцы последнего требовали возврата к простоте первых веков ислама, полного отказа от «новшеств», не нашедших прецедентов в правоверных преданиях, не освященных согласованным решением богословов и потому противоречащих Сунне; исключения любого культа, включая и культ пророка, святых и могил. В обыденной жизни они запрещали алкогольные напитки, музыку, танцы, современную одежду [5, с. 244].

Появившиеся на Северном Кавказе на рубеже 1980–1990-х гг. так называемые ваххабиты, т. е. пропагандисты «истинного, чистого ислама», хотя и близки по духу аравийским ваххабитам, однако скорее представляют собой местную разновидность фундаментализма. Они противостоят другим бытующим здесь формам мусульманской религии: шафиизму – одной из религиозно-правовых школ, к которой относит себя часть верующих мусульман; мюридизму – суфийскому (мистическому) течению в исламе; «народному исламу» – адаптированным к кавказским историческим реалиям мусульманским традициям и обычаям. Северокавказские сторонники «чистого ислама» выступили с призывами привести местный ислам в соответствие с нормативным пониманием этой религии. Так, они настаивают на отказе от поклонения святым местам (зияратам), от культа местных святых и шейхов, почитания стариков (поскольку это не соответствует принципу таухида – единобожия), от такого ритуального обряда тарикатов, как зикр, т. е. мистическое радение, во время которого верующие впадали в экстаз и сливались с Богом.

Предпосылки распространения ваххабизма на Северном Кавказе легко просматриваются в экономической и социальной сферах. Что касается спонсирования ваххабитских движений Северного Кавказа ближневосточными государствами, то в этом вопросе все еще очень трудно отделить мифы и пропаганду от истины. По некоторым данным, его осуществляют исламские радикальные объединения Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании, Пакистана. Ситуацию на Северном Кавказе напрямую связывают и с не спадающим уже много лет напряжением в Афганистане, в частности, с обосновавшимся в этой стране «спонсором международного терроризма» Осамой бен Ладеном [3; 14].

Следовательно, с одной стороны, появление ваххабизма на Северном Кавказе связано с тем, что ислам усиливает здесь роль компонента обществен-

ного сознания и образа жизни, все быстрее превращается в существенный фактор обретения национальной идентичности. Нарастающее влияние исламских стран Ближнего и Среднего Востока и распространенных там направлений ортодоксального ислама в немалой степени способствует этому. Но с другой стороны, формирование этого религиозно-политического течения связано с внутренним фактором – социально-экономической нестабильностью, безработицей, обнищанием населения, незащищенностью личности и засильем клановой системы в мусульманских северокавказских автономиях.

Поскольку принципы этого религиозно-политического движения вступают в противоречие с прочно устоявшимися на Кавказе традициями быта, обычаев и культуры, образцами светского поведения и этикета, это нередко вызывает негативную реакцию со стороны рядовых верующих. Есть и другое объяснение враждебности к этому явлению. Местный религиозный и политический истеблишмент усматривает в реформистских призывах идеологов нового течения покушение на свою власть, а потому обвиняет сторонников «чистого ислама» в подрыве устоев, экстремизме и других грехах. Тем более что иногда к этому имеется основание: под религиозными знаменами на Северном Кавказе объединяются в настоящее время не только верующие, но и радикальные политики, и те, кто бросает вызов территориальной целостности России: речь идет о таких экстремистских организациях и движениях, как «Исламская нация», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Кавказская конфедерация». Исходным материалом для лепки экстремизма становится в условиях экономического кризиса и политической нестабильности молодежь, а также представители этнических групп и кланов, отстраненных от власти.

В ряде государств центрально-азиатского региона не удается предотвратить спорадические вспышки насилия, решить проблемы, связанные с распространением исламского радикализма. К таковым относятся события в Таджикистане в период гражданской войны (февраль 1990 – 1997 г.).

В этой самой слаборазвитой республике бывшего Советского Союза имела благоприятная социальная база для нестабильности: массовая безработица, малоземелье, низкий уровень жизни большинства населения. Однако конфликт в Таджикистане едва ли может быть сведен к формуле: «исламизм против светского государства», хотя некоторые лидеры Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) сделали ислам идейным и духовным знаменем своей борьбы в противовес официальной коммунистической идеологии, которую исповедовали их противники. Но и те и другие опирались на родственные им кланы и население «своих» регионов. Да и большинство жителей, осуждая религиозный радикализм, стремилось к тому, чтобы их республика оставалась светским государством [8].

В Узбекистане к концу 1990-х гг. сформировалось сильное оппозиционное религиозное движение, обретшее к тому же и вооруженное крыло: оно планировало свержение светского режима и введение законов шариата. Главным

объектом внимания исламистов была выбрана Ферганская долина, где в 1999 и 2000 гг. произошли вооруженные столкновения, напрямую связанные и с межклановой борьбой, и с войной в Афганистане. Ферганская долина стала средоточием активности мусульманских экстремистов не случайно: именно там самая высокая плотность населения, самый высокий его прирост и самая высокая безработица. Но конфликт там вызван не только задачами «освобождения территорий ислама от неверных». Талибы были заинтересованы в сохранении и расширении контроля над «северным маршрутом» транспортировки афганского героина в Россию и Западную Европу.

Есть и другие причины возникшей в Узбекистане конфликтной ситуации, связанные со спецификой экономического и политического развития страны. В начале 1990-х гг. узбекские власти поощряли развитие исламской культурной традиции: открывались новые мечети, в Намангане и Андижане фактически всем руководила религиозная община, мусульманская молодежь имела возможность получать религиозное образование в исламских центрах арабских стран, Пакистана, Ирана. Однако ислам в Узбекистане стал быстро политизироваться, но не столько под воздействием агитации мусульманских пропагандистов, сколько вследствие неспособности светской власти обеспечить сносное и безопасное проживание ее гражданам. Гражданская война в Таджикистане, попытка в Узбекистане сформировать религиозную оппозицию, студенческие выступления в январе 1992 г. напугали власти, которые начали гонения активистов запрещенных партий и движений, отнесенных к разряду религиозно-экстремистских, – Исламской партии возрождения, «Адолат» («Справедливость»), «Товба». Заодно репрессиям подверглись и вполне светские политические объединения – «Эрк», «Бирлык» и другие, лидеры и активисты которых попали в «черные списки», а затем очутились либо в тюрьмах, либо в эмиграции [6, с. 28–35].

Таким образом, в Узбекистане, так же, как это произошло ранее в Таджикистане, реализовался одинаковый сценарий: светские оппозиционные движения, стоявшие на умеренной политической платформе или же занимавшиеся культурно-просветительской деятельностью, были запрещены и разгромлены. Репрессии властей вынудили оставшихся на свободе (и в живых) оппозиционеров либо покинуть свои страны, либо уйти в подполье, либо примкнуть к антиправительственным силам.

На политическую арену вышли экстремистские организации (наподобие Исламского движения Узбекистана) – апологеты насилия, связанные с такими структурами, которые способны были оказать помощь в приобретении оружия, организации лагерей подготовки боевиков и пр.

Борьба узбекских властей с исламистами в итоге не привела к их уничтожению, но породила новые проблемы. К тому же существование талибского режима в непосредственной близости от границ этого центрально-азиатского государства служит питательной почвой для местных исламистов, борь-

ба с которыми имеет долгосрочные перспективы. Поэтому-то Узбекистан и Таджикистан пытаются максимально использовать свое прямое участие в нынешней антитеррористической акции в Афганистане: они надеются с помощью американцев разгромить одним махом исламское оппозиционное движение и его зарубежных спонсоров. За это узбекскому и таджикскому режимам придется, возможно, расплачиваться внутривластными осложнениями. Ведь в руках оппозиции, выступающей в этих странах под исламскими знаменами, окажется мощный козырь, тем более что и нерешенные социальные проблемы, материальные трудности, связанные с углубляющимся дисбалансом экономики, а также демографический рост и массовая безработица создают питательную базу для экстремизма, пополняют ряды сочувствующих повстанцам. Осенью 1998 г. в Наманганской области произошли волнения, напрямую не связанные с религиозным фактором: протест населения вызвало резкое падение жизненного уровня, и основные требования касались снижения цен и повышения заработной платы. Однако во главе социального движения выступили исламисты, что свидетельствовало о том, что их шансы стать выразителями протестных настроений в условиях отсутствия профсоюзного движения и светской оппозиции оказались весьма велики.

Практически во всех мусульманских республиках (как в самой России, так и в новых независимых государствах ближнего зарубежья) у власти осталась бывшая партноменклатура, лишь слегка изменившая стиль управления, сформировавшийся ещё в советское время. Нельзя не отметить некоторого сходства коммунистической и исламской идеологий. Обе системы не признают классический для западной системы принцип разделения властей. Во главе классического исламского государства стоит халиф, во главе коммунистического – генсек, т. е. светская и духовная (политическая) власть сочетаются в одном лице. Достаточно жесткую, но в то же время точную характеристику ислама даёт исследователь Дмитрий Трофимов, по мнению которого в исламе существует «практика двойного стандарта, ярко выраженный общинный, антиличностный подход, навязываемый контроль и самоконтроль над нравственностью, очевидное предпочтение формы над содержанием, возможность обращения к любым средствам во имя достижения поставленных целей, беспрецедентно высокий мобилизующий потенциал» [12]. Ислам – единственная религия, которая предлагает собственное законодательство для регулирования отношений в обществе – шариат.

По-видимому, именно исламская идея оказалась единственно возможной (действенной) идеологией для революционных движений в мусульманских республиках на постсоветском пространстве. Любое же оппозиционное движение под чисто демократическими или национальными лозунгами было обречено на провал.

Отметим также, что исламская идеология органично переплетается с националистической. Не только чеченские сепаратисты, но и таджикская оппозиция отстаивали национальную самобытность, противостояли русской культурной

«экспансии». Среди руководства таджикской оппозиции было немало людей (например, председатель Партии Исламского Возрождения Таджикистана Саид Абдулло Нури, председатель Исламской партии возрождения Таджикистана Мухаммадшариф Химатзода), которые практически не говорили по-русски (явление, чрезвычайно редкое для современного Таджикистана), но зато владели арабским языком. Идея «реальной независимости» Таджикистана занимала важное место в идеологии таджикской оппозиции, своих же противников они обвиняли в том, что они настолько ассимилировались под влиянием русской, «советской» культуры, что по сути уже перестали быть собственно таджиками.

Исламская идеология, с её отличной от пришедшей ей на смену советской системой ценностей, служила великолепным барьером, предотвращающим культурную экспансию с Севера. Интересно, что подобные тенденции были характерны и для мусульманских регионов дальнего зарубежья. Так, исламская революция в Иране была реакцией традиционного общества на попытки шаха кардинально модернизировать страну, сделать её ещё одним государством Южной Европы.

Чрезвычайно велико значение ислама как фактора, способного сплотить народ для отражения внешней агрессии. Наиболее ярко эта особенность религии проявилась после ввода российских войск в Чечню. Исламистская доктрина оказалась наиболее приемлемой идеологией для того, чтобы сплотить чеченцев в единую, противостоящую российским войскам силу. Формирование в Чечне исламского государства началось после ввода российских войск в Чечню. В это время в Чечне стала активно использоваться исламская атрибутика, а на контролируемой силами движения сопротивления территории начали функционировать суды шариата.

Исламистская идеология может оказаться наиболее удобной доктриной и для консолидации определённой этнической группы в трайбалистском противостоянии внутри одного народа. Во время гражданской войны в Таджикистане исламистская идеология была использована одной из противоборствующих сторон – горными таджиками, выходцами из долины Каратегина. При этом и в Таджикистане, и в Чечне опорой исламистского движения являлись приверженцы суфийского направления ислама.

Привлекательность фундаментализма именно для нового поколения традиционного общества особенно опасна для властей. В регионах распространения ваххабизма (Таджикистан, Узбекистан, Дагестан, Чечня) более 50% населения живёт в сельской местности, и то обстоятельство, что новое поколение выступает против новой системы ценностей, позволяет предположить, что с каждым годом фундаменталисты будут становиться всё более грозной силой. Интеграционный потенциал фундаментализма, его стремление не замыкаться по «национальным квартирам», а оказывать мусульманам деятельную помощь, в какой бы точке мира они ни жили, также является одной из главных при-

влекательных черт этого учения для исламских радикалов из разных регионов СНГ, многие из которых ещё совсем недавно не были приверженцами этого течения.

Разрозненные и достаточно разношерстные группировки фундаменталистов объединяет, пожалуй, одно: они не принимают как прежнюю коммунистическую систему, так и пришедшую ей на смену западную модель развития. В такие группы идут наиболее думающие, и при этом не связанные с криминальными структурами молодые люди из традиционного, неиндустриального общества (крестьяне, торговцы).

На наш взгляд, в ближайшие годы влияние ислама на политическую ситуацию в мусульманских регионах бывшего СССР не только не уменьшится, но и возрастёт, поскольку именно исламистская доктрина оказалась здесь наиболее приемлемой идеологией оппозиции нынешним властям. Как уже говорилось, исламистская идеология используется движениями самых разных (подчас даже противоположных) ориентаций. Ислам используется как в региональной (межплеменной) борьбе, так и в деятельности националистических организаций, опирающихся на религию как средство, позволяющее сохранить национальную самобытность от губительного воздействия чужой культуры.

Библиографические ссылки

1. Абашин С.Н. Потомки святых в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане // Транскаспийский проект. 2001. 10 янв.
2. Игнатенко А. Халифы без халифата. М.: Наука, 1988.
3. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).
4. Клочкив А. Ваххабитский полумесяц // Коммерсантъ-власть. 1999. № 33. 24 авг.
5. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
6. Молдалиев О.А. Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? Бишкек: б.и., 2004.
7. Ротарь И. Аресты «ваххабитов» в Киргизии // Независимая газета. 1998. 4 июля.
8. Ротарь И. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: Ассоциация исследователей российского общества XX века; «Независимая газета», АИРО-XX, 2001.
9. Садур В. Исламский фактор // Диа-Логос. Религия и общество 1997. М.: Истина и жизнь, 1997.
10. Стецевич М.С. Мифы о «тоталитарных сектах» и «ваххабитах» в современной России // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: Сб. в честь 90-летия проф. М.И. Шахновича. Сер. Мыслители. СПб.: СПб. философ. об-во, 2001. Вып. №8.
11. Суханов В.Ю. Этническое и национальное в кавказском конфликте: пришествие «Чужого» // Звезда. СПб., 2001.
12. Табышалиева А. Взгляд на религиозную ситуацию в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5.

ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ

А. В. Баранов*

Роль государств с преобладанием мусульманского населения в мировой политике неуклонно возрастает. Становятся актуальными вопросы политического устройства данных стран. Каковы субъекты центр-периферийных отношений? Каким образом сочетаются традиционные и современные компоненты федеративных систем? В чем выражено влияние ислама на политические практики федерализма? Насколько едины либо многообразны варианты федерализма в различных странах исламской цивилизации? В каком направлении развиваются эти страны? Ответы на поставленные вопросы всё более важны и для России, где повышается демографический и социальный потенциал исламской общины.

Как отмечает известный исследователь географии религий П.И. Пучков, в 1996 г. на планете насчитывалось 1,126 млрд мусульман (19% всего населения земного шара), причем 72,3 % из них проживали в Азии (включая страны ближнего зарубежья). Еще 11,5 % мусульман мира составляют подавляющее большинство жителей арабских стран Магриба (Северной Африки) [14, с. 738–739]. Эта географическая реальность определила выборку стран, в которую вошли Пакистан, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия. Дан также краткий обзор причин провала федералистских проектов в ряде стран исламского мира: Египте, Сирии, Судане, Индонезии, Йемене.

Исламская Республика Пакистан – крупнейшее государство мусульманского мира из числа избравших федеративный строй. Пакистан имеет территорию в 796 тыс. кв. км и быстро растущее население – 144,6 млн чел. (2001 г.). Страна религиозно однородна (97 % верующих – мусульмане, из них 75 % – сунниты). Главные факторы мозаичности – экономическая неравномерность развития 4 провинций, а также этноязыковый состав. Официальный язык урду является

* Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: baranova@kubstu.ru.

родным лишь для 8 % жителей. Распространены также языки панджаби (48 % населения), синдхи (12 %), сирайки (10 %), пушту (8 %), балучи (3 %) [17, с. 475–476]. Между этноязыковыми сообществами существуют застарелые конфликты.

Пакистан и Индия – два государства, рожденных в итоге раздела Британской Индии комиссией Маунтбэттена (1947 г.). Обе страны имеют поэтому «родовую травму» пограничных конфликтов и соперничества. Полезно выяснить, как исходная вестминстерская система правления совершенно по-разному трансформировалась в независимых Пакистане и Индии из-за своеобразия социокультурных традиций.

Пакистан получил независимость в 1947 г. по инициативе светских националистов. Юридически страна была объявлена парламентской республикой и федерацией равноправных провинций [13]. Но на деле большую часть 56-летней истории Пакистана им правили военно-диктаторские режимы, приостанавливавшие действие конституций или не соблюдавшие их. Действие последней редакции основного закона страны (1985 г.) также сейчас приостановлено после захвата власти генералом П. Мушаррафом (1999 г.).

Система органов федеральной власти Пакистана. Глава государства – президент избирается на 5 лет коллегией выборщиков из числа депутатов федерального парламента и легислатур провинций. Полномочия президента чрезвычайно велики: он вправе распустить парламент по совету премьер-министра или из-за вотума недоверия правительству, имеет отлагательное вето на акты парламента, назначает губернаторов и членов высших судов провинций. Президент Пакистана назначает также членов избирательных комиссий страны и провинций, имеет преимущественное право законодательной инициативы. Он вправе приостанавливать действие Конституции в отдельной провинции, вводить там временное президентское правление или концентрировать всю власть в руках губернатора, распуская провинциальную легислатуру и правительство.

Парламент Пакистана состоит из 2 палат. Нижняя – Национальная ассамблея – избирается всеобщим прямым голосованием на 5 лет. В её составе 217 депутатов, включая квоту 10 чел. для представителей религиозных меньшинств. Верхняя палата парламента – Сенат – формируется голосованием провинциальных легислатур на основе равного представительства провинций (по 14 чел.). Столичный федеральный округ делегирует 3 сенаторов. Нижняя палата парламента посылает 8 представителей от «территории племен», управляемой из центра. Срок полномочий парламента – 6 лет с ротацией каждые 2 года. Из-за этнокультурного районирования в Пакистане крайне велико неравенство потенциалов провинций. Например, провинция Пенджаб имеет в Национальной ассамблее 115 мест из 217, Синд – 46, а Белуджистан – 11. При этом экономическое развитие провинций также крайне неравномерно. По дан-

ным В.А. Колосова, Пенджаб и Синд в 1980-х гг. имели 93,1% промышленных предприятий страны [8, с. 399].

Курс на исламизацию страны закрепил с 1977 г. невиданную для демократического мира систему раздельного голосования религиозных общин [5, с. 236]. Поэтому закономерна резолюция Европарламента «О религиозной нетерпимости и авторитаризме в Пакистане» (17 декабря 1998 г.), которая призвала власти страны пересмотреть законы о сегрегации религиозных меньшинств, провести переговоры с их лидерами о справедливом представительстве их интересов [12, с. 224–225].

Распределение обязанностей двух палат в Пакистане де-юре такое же, как в индийском парламенте. Однако на деле парламент реализует модель «номинальной демократии», поскольку интеграция традиционалистского общества на основе западных парламентских норм малоэффективна. Уже первая Конституция Пакистана (1956 г.) узаконила требования теоретика фундаментализма А.А. Маудуди и его партии «Джамаат-и Ислами». Провозглашалась «верховная власть Аллаха над Вселенной», приоритетность шариата в сравнении со всеми законами [5, с. 231–235]. Диктатор Зия уль-Хак, правивший в 1977–1988 гг., учредил «консультативные советы» (Маджлис-и-Шура) общегосударственного и провинциального уровней. Премьер-министр Наваз Шариф и сменивший его Первез Мушарраф проводят исламизацию всей политической системы на основе идеи Маудуди. По меткому наблюдению О.В. Плешова, данная система предполагает всевластие главы государства. Остальные органы лишь разрабатывают рекомендации, не обязательные к исполнению. Шариат определяет все политические установления и нормы деятельности. Партии и этнорелигиозные группировки находятся под авторитарным контролем государства [12, с. 222–224].

Центральная исполнительная власть – правительство и его министерства – назначаются президентом страны. Его состав представляет интересы партии большинства в Национальной ассамблее, формируется только из депутатов парламента. Обе палаты могут сместить премьер-министра простым большинством голосов, а также объявить вотум недоверия всему кабинету.

Судебная власть страны принадлежит Верховному суду и Федеральному исламскому шариатскому суду. Первый из них воплощает светское начало в политической системе. Главный судья назначается президентом. Традиционно Верховный суд имел значительную автономию, состав судей формировался главным судьей. В нарушение норм Конституции режимы 1990-х гг. обсуждали деятельность Суда в подконтрольном себе парламенте. В 1999 г. впервые неудобный главный судья был свергнут. 15-я поправка к Конституции Пакистана (1998 г.) установила верховенство Корана и Сунны в правовой системе, т.е. ввела главенство Федерального исламского шариатского суда в отношении светских учреждений.

Система региональных властей Пакистана полностью подконтрольна общегосударственному режиму. Губернаторы назначаются президентом, но вместе с тем являются полновластными «хозяевами» в пределах своих провинций. Они формируют и распускают региональные правительства, становятся единственным законным институтом власти на время чрезвычайного либо президентского правления. Законодательные собрания провинций состоят из 1 палаты, весьма различаются по числу депутатов (от 40 до 240). Президент страны вправе приостанавливать действие Конституции в отдельной провинции, распускать её легислатуру. Часто органы власти провинций даже обгоняют центр в стремлении исламизировать систему правления. Это вызывает ожесточенные межобщинные столкновения с массовыми жертвами [12, с. 215; 18, с. 358–359] и приводит к активизации сепаратистских движений белуджей и пуштунов.

Высокая централизованность системы власти Пакистана причудливо сочетается с асимметрией статусов территорий. «Территории племен федерального управления» на севере страны, а также провинциальные «зоны племен» не подчинены власти федерального парламента и Верховного суда. В их пределах действуют кодексы обычного права, советы старейшин и средневековое всеобщее ополчение. На данные территории распространяется только исполнительная власть президента и правительства страны.

Захваченная в 1947 г. Пакистаном часть княжества Джамму и Кашмир официально считается независимым государством Азад Кашмир. Однако эта территория управляется и финансируется пакистанским правительством, состоит под военным контролем Пакистана. Именно в пакистанском секторе Кашмира базируются лагеря религиозных экстремистов, совершающих рейды на территорию Индии. Кашмир трижды становился поводом к военным конфликтам Пакистана и Индии, в 1998 г. объявившим об обладании ядерным оружием.

Итак, Пакистан являет собой яркий пример номинальной демократии, при которой исходная модель федерализма все более выхолащивается, а часто сменяющиеся военно-диктаторские режимы тяготеют к унитаризму и исламскому теократизму.

Совершенно иная модель решения политико-территориальных проблем создана в *Федерации Малайзия*. Эта страна Юго-Восточной Азии – также плод колониального владычества Британской империи до 1957 г., с чем связана социокультурная «незакрепленность» границ и необходимость создания единой государственной идентичности. Территория в 392,7 тыс. кв. км состоит из двух обособленных регионов: Малайского полуострова и северной части острова Калимантан. Население в 23,8 млн чел. (2001 г.) весьма разнообразно. Малайцы составляют 65,1 %, китайцы – 26, индийцы – 7,7 %. Этническая мозаика почти совпадает с конфессиональной: мусульмане-сунниты составляют 60,4 %, буддисты – 19,2, христиане – 9,1, индуисты – 6,3 %. Этнорелигиозный состав населения резко различается в Малайе и Калимантане [17, с. 504].

История малазийского федерализма крайне важна для понимания его современной модели. После войны за независимость в 1957 г. была образована *Малайская Федерация* в континентальной части нынешних пределов страны. Дальнейшая борьба привела к уходу английских колонизаторов из Сингапура, Саравака и Сабаха (1963 г.) и их включению в состав переименованной *Федерации Малайзии*. Но уже в 1965 г. Сингапур по обоюдному согласию сторон вышел из Федерации и стал независимой республикой. Причиной этого являются резкие различия в этнорелигиозном облике общества. На фоне сравнительно однородной исламской Малайи Сингапур имел преобладание немусульман – китайцев и индийцев, создавая серьезный дисбаланс экономической власти в свою пользу. Выход из Федерации Сингапура восстановил равновесие общин. С 1965 г. Малайзия существует в современных границах.

Как отмечает А. Лейпхарт, Малайзия – страна отчетливо многосоставная. Каждый из 3 этнорелигиозных сегментов (малайский – исламский; китайский – конфуцианский и буддистский; индийский – индуистский и христианский) социально изолирован и имеет высокую степень специализации. Малайцы – это чаще всего крестьяне, рабочие и чиновники; китайцы и индийцы – торговцы и интеллектуалы. Велики различия в доходах (китайцы в 2–3 раза богаче малайцев). Ареалы расселения общин нечетки и не совпадают с границами штатов [11, с. 188, 192–194]. Лейпхарт отмечает, что «большая коалиция» всех общин поощрялась англичанами и предусматривала в 1957–1969 гг. значительную степень самоуправления сегментов в социальной и культурной сферах. Режим правления Национального альянса был «сделкой: первенство в сферах политики и управления давалось малайцам в обмен на сохранение экономической гегемонии китайцев. Такой обмен был выгоден для обеих сторон» [11, с. 188].

Модель «сообщественной демократии» в Малайзии подверглась серьезной корректировке во время кризиса 1969–1971 гг. После двух лет чрезвычайного правления малайских элит парламент был восстановлен, но Конституция закрепила привилегированное положение малайцев. Идеологическая доктрина «Основы государства» (1970 г.) предусматривает создание единой многорасовой нации. Подчеркивается привилегированное положение «коренных народов». Малайский язык объявлен официальным, а ислам стал государственной идеологией. Обсуждение этих принципов в обществе не допускается [6, с. 193].

Итак, Малайзия с 1969 г. развивает федерализм в условиях авторитарного режима. Несовпадение «линий напряжения» в территориальной и этнорелигиозной системах позволило стабилизировать федеративный строй.

Структура Федерации Малайзии не имеет аналогов в мире. Она состоит из 13 штатов («негери») и 2 федеральных территорий («вилаях персекутан») – столичной и окраинной. 9 из 13 штатов – наследственные монархии, 4 управляются губернаторами по назначению главы государства. Из 9 монархий – 7 султанатов (с мусульманским населением), в одной властвует раджа, еще в од-

ной – правитель. Таким образом, структура Малайзии отражает этнорелигиозную мозаику страны.

Федеральная система властей. Малайзия вместе с Объединенными Арабскими Эмиратами является последней из некогда широко распространенных на планете выборных монархий. 9 малайзийских монархов образуют Совет правителей (с совещательным голосом в нем участвуют также 4 губернатора). Монархи избирают одного из своего круга Верховным главой Малайзии на 5 лет с последующей ротацией. Функции этого правителя слабы. Совет правителей также рекомендует к назначению судей, генерального прокурора, членов избирательных комиссий. Он вправе изменять границы субъектов федерации.

Реальная власть принадлежит *премьер-министру*, представляющему партию большинства в парламенте. Правительство формируется и распускается с согласия Верховного правителя.

Высшая законодательная власть – парламент. Нижняя, палата представителей («деван ракьят»), состоит из 193 чел. Они избираются прямым порядком на 5 лет по мажоритарной системе, что дает преимущество малайцам-мусульманам. В верхнюю палату, Сенат («деван негара»), входят 70 чел.: 40 сенаторов назначаются верховным правителем на 6 лет, а 30 – парламентами 15 субъектов федерации на 3 года (по 2 сенатора от каждого штата и от каждой федеральной территории) [8, с. 400–401; 16, с. 294–295].

У каждого штата своя конституция. Главы 9 штатов – наследственные монархи, имеющие судебный иммунитет и статус главы религиозных общин своего региона. Губернаторы 4 других штатов и 2 территорий назначаются Верховным правителем. Он же вправе отстранить их от должности. В каждом штате есть свое однопалатное законодательное собрание.

Правительства штатов назначаются по воле монархов и губернаторов из представителей партии, победившей на региональных выборах.

11 штатов на Малайском полуострове имеют Верховные суды (в том числе с конституционными функциями), подчиненные федеральным инстанциям. Права судов на Калимантане (штаты Саравак и Сабах) урезаны.

Таким образом, Малайзия создала достаточно гибкую модель федерализма, в которой согласование интересов центра и регионов происходит в рамках «полуконкурентного, частично плюралистического режима» (по Л. Даймонду) [16, с. 302–303].

Третья и наиболее стабильная модель федерализма в исламском мире применяется в *Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ)*. Еще 40 лет назад пустынные берега Персидского залива были глубокой периферией мировой политики и экономики. Ныне ОАЭ – динамично развивающаяся страна, причудливо сочетающая в своем строе черты постмодерна и традиционализма.

Путь к современной федерации. На южных берегах Персидского залива существовали абсолютистские эмираты (англоязычное название – sheikdom). С 1853 г. они были протекторатом, а затем колониальным владением Британской

империи. Незадолго до освобождения (1968 г.) было подписано соглашение о федерации, из которой вскоре вышли соседние Бахрейн и Катар. В конце 1971 г. колония «Договорной Оман» провозгласила независимость и обрела современное название – ОАЭ. Успехи модернизации страны связаны с колоссальными нефтяными ресурсами – 13,4 млрд т., или 9,3 % мировых запасов [1, с. 17].

Религиозно-идеологическая доктрина государства в ОАЭ – исламская теократия. Конституция страны (ст. 7) провозглашает шариат главным, фундаментальным источником законодательства. Запрещена деятельность полноценного парламента и партий как якобы подрывающих единство исламского общества (уммы) [15, с. 18].

В ОАЭ входит 7 эмиратов. Ключевую роль во властвовании имеют самые зажиточные – Дубай и Абу-Даби. Строй ОАЭ носит отчетливый отпечаток бывшего конфедерализма. Например, Конституция 1971 г. называет причиной объединения экономический и таможенный союз (ст. 11); каждый эмират самостоятельно определяет способы отбора своих представителей в Федеральном совете (ст. 69). Династии каждого эмирата самовластны.

Система органов федеральной власти. 7 наследных монархов-эмиров образуют главный орган – *Высший совет*, избирающий из своего состава *президента* ОАЭ на 5 лет. Однако всякий раз главой Совета переизбирается эмир Абу-Даби, самого мощного шейхства страны (86 % её территории). Заместителем главы с тем же постоянством переизбирается эмир Дубая. Высший совет согласно ст. 47 Конституции формулирует общую политику по всем вопросам ведения государства; принимает законы; ратифицирует международные акты; одобряет назначение и принимает отставку председателя правительства; одобряет назначение и смещает членов Верховного суда [4, с. 123]. Глава Высшего совета в соответствии со ст. 54 «направляет обсуждение»; созывает Совет по требованию хотя бы 1 члена; созывает объединенные заседания Совета и правительства; вводит в действие нормативные акты Совета; назначает и смещает правительство с согласия Совета; наблюдает за осуществлением нормативных актов [4, с. 124].

Исполнительную власть реализует совет министров ОАЭ под контролем Председателя государства и Высшего совета. Ключевые посты постоянно отводятся членам правящей династии либо их родственникам.

Законодательная власть, как явствует из Конституции ОАЭ, принадлежит коллегии монархов и Председателю Высшего совета. Поэтому ОАЭ можно считать абсолютной монархией. Правда, предусматривается существование *законосовещательного органа* – *Федерального национального совета (ФНС)*, состоящего из 40 представителей эмиратов. Абу-Даби и Дубай имеют по 8 мест с правом вето на решения; Шарджа – 6; Рас-эль-Хайма, Аджман, Умм-эль-Кайвайн и Эль-Фуджайра – по 4 места [4, с. 123]. Каждый эмират свободно определяет способ отбора своих представителей. Они состоят в ФНС 2 года с правом переизбрания. ФНС не является органом высшей законодательной

власти, так как назначается эмирами, и его решения не обязательны для исполнения Председателем Высшего совета и советом министров. Правительство вправе запретить обсуждение некоторых вопросов. Если возникает противоречие между законопроектами либо резолюциями ветвей власти, то монарх вводит в силу текст, предложенный правительством и утвержденный Высшим советом. Главные обязанности ФНС сосредоточены в сфере финансового и бюджетного контроля.

ОАЭ имеют *Федеральный высший суд*, действующий на основании норм шариата.

Система органов власти регионального уровня. В отличие от монархических штатов Малайзии, эмираты ОАЭ не имеют своих конституций и парламентов. «Шейхи» формируют исполнительные советы, обычно во главе с представителями своих династий. В 4 субъектах федерации из 7 действуют собственные суды высшей инстанции.

Разграничение полномочий между уровнями власти. Конституция ОАЭ относит к вопросам ведения государства внешнюю политику, безопасность и оборону, валютное регулирование, гражданство и иммиграционный контроль, телекоммуникации, социальную политику. Все остальные вопросы решаются эмиратами (ст. 3), что соответствует доктрине разделенного суверенитета. Органы власти федерального уровня должны советоваться с эмиратом при заключении межгосударственного договора или соглашения, которое может влиять на статус эмирата (ст. 124). Субъекты ОАЭ могут объединяться либо создавать совместные структуры управления. Все конфликты уровней власти решает Высший совет в составе 7 эмиратов (ст. 118, 124).

Итак, Объединенные Арабские Эмираты – уникальный пример абсолютистской монархии с федеративным строем. ОАЭ сочетают традиционные способы учета региональных интересов с «импортом институтов» западной демократии. Федерализм имеет ярко выраженный элитарный и сословный характер. Патриархально-авторитарные отношения в обществе ОАЭ делают обрисованный строй эффективным. За 35 лет развития федерации сколько-нибудь выраженные конфликты не возникали.

Политические уроки «неудавшихся федераций» в исламском мире. Границы и внутренняя структура стран исламского Востока, как правило, не отражают этноязыковые и социокультурные реалии. Таковы и многовековая практика традиционных государств, и наследие западных колонизаторов XVIII–XX вв. Поэтому национально-освободительные движения 1940–1970-х гг., которые привели к созданию независимых государств Азии и Африки, часто выдвигали проекты перекройки политической карты «третьего мира». В аспекте федерализма эти попытки были двух видов:

1) слияние ранее самостоятельных государств в конфедерацию, а затем – в федерацию;

2) образование внутри бывшей унитарной страны субъектов федерального государства.

Эксперименты по созданию федеративных систем получали идеологическое обоснование. В первом случае это были доктрины панисламизма, «арабского единства», т.е. преодоления колониальных расколов «исторической общности». Во втором случае федерация воспринималась как компромисс между враждующими этносами, религиозными группами, региональными сообществами. Строительство федераций обычно шло в условиях острых международных и внутренних конфликтов, экономико-социальной и культурной отсталости от Запада.

Первый путь – межгосударственную интеграцию – избрали молодые республики арабского мира [2; 10]. В 1950-х гг. к власти в Египте, а затем в Сирии и Ираке приходит Партия арабского социалистического возрождения (БААС). Особенно ярко её курс проявился в действиях президента Египта Г.А. Насера (1952–1971 гг.). Идеология панарабизма стала официальной для этих стран.

В феврале 1958 г. по итогам египетско-сирийского договора о совместной обороне создается Объединенная Арабская Республика (ОАР) [3]. Механизмом объединения стал одновременный плебисцит в Египте и Сирии. Временная Конституция ОАР объявила, что республика состоит из 2 районов (стран-учредителей). Введен пост президента ОАР, избираемого всенародным голосованием. Он получил широчайшие полномочия: возглавлял союзное правительство и армию, имел право распускать парламент. В каждом из районов ОАР существовали свои правительства. Но экономические и политические противоречия делали ОАР шаткой. Осенью 1961 г. Сирия после военного переворота правоавторитарного толка вышла из состава ОАР. По инерции Египет сохранял наименование ОАР до 1971 г. Насеристы пытались также привлечь в свою федерацию Северный Йемен, имевший тогда монархическое правление. В марте 1958 г. был создан Союз объединенных арабских государств – конфедерация ОАР и Северного Йемена, открытая для вступления новых участников [18, с. 514, 365]. Члены данного Союза сохраняли свой международный статус и формы правления, но обязывались проводить единую внешнюю политику и создать общую армию. И эта структура оказалась недолговечной. В противовес ей англичане создали колониальную Федерацию Южной Аравии (1962–1967 гг.), быстро преобразованную в унитарное государство сразу после обретения независимости.

В 1970-х гг. инициатива арабской федерализации перешла от Египта к Ливии. Ее революционный лидер М. Каддафи многократно выдвигал планы объединения с соседними странами. В 1970 г. была подписана Декларация о намерении создать *Федерацию Арабских Республик* (юридически существовала в 1972–1977 гг.). Рыхлый союз включал в себя Ливию и Египет, также декларировалось принятие Судана и Сирии. Идеологическая несовместимость уничтожила формальное объединение. В 1974 г. подписана Декларация о слиянии Ливии и

Туниса в *Арабскую Исламскую Республику*, но она не ратифицировалась парламентами обеих стран. Последующие проекты также остались на бумаге.

Периодически *Египет* и *Судан* заявляют о своем федеративном союзе. Но эти намерения бесплодны из-за несовместимости политических систем. Египет – светская республика с однородным арабским населением. Судан – теократическое государство, где часто правят военные диктаторы и существует застарелый сепаратизм христианского Юга страны.

Единственный пример успешного объединения арабских стран – Республика Йемен, которая в 1990 г. была создана путем слияния двух независимых республик. Однако оба бывших государства были унитарными и не пожелали менять форму устройства. Поэтому йеменский случай не подтверждает успешность федерализма в арабских республиках, а опровергает его.

Потерпели неудачу и монархические федерации, искусственно созданные англичанами в Ливии (1951–1963 гг.) и Южном Йемене (1962–1967 гг.). Они не выдержали груза межобщинных конфликтов и сменились в итоге военных переворотов унитарными режимами.

Полвека независимого развития арабского мира доказали, что наиболее эффективны экономические межгосударственные организации, не сковывающие действия своих участников так же жестко, как панарабистские федерации. Позитивен опыт таких международных организаций, как Организация Исламская Конференция, Лига арабских государств, Организация стран – экспортеров нефти, Совет сотрудничества стран Персидского залива. К политическому же объединению в федерацию арабские страны до сих пор оказывались неготовыми.

Второй вариант, создание субъектов федерации внутри ранее унитарных, но многосоставных обществ, предпринимался в Индонезии и Судане.

Индонезия относится к крупнейшим странам Востока (территория 1904,3 тыс. кв. км, население 214 млн чел. в 2001 г.). В этнической структуре доминируют народы индонезийской группы (96 %), а в религиозном составе – мусульмане (88 %) [17, с. 495]. Однако страна оставалась дезинтегрированной в этноязыковом, религиозном, регионально-экономическом измерениях. Ее границы достаточно произвольны (проведены голландскими колонизаторами в XVII–XIX вв.). Многие из 17 тыс. островов в стратегически важном регионе на стыке Индийского и Тихого океанов имеют обособленные политические традиции. Жители Северной Суматры, Молуккских островов, Сулавеси тяготеют к сепаратизму. Поэтому федерация стала непрочной переходной формой от Голландской Индии к независимому унитарному государству. *Соединенные Штаты Индонезии* просуществовали меньше 1,5 лет (1949–1950 гг.), поскольку воспринимались большинством жителей страны в качестве марионеточного, неокOLONиального образования.

А. Лейпхарт отмечает два серьезных изъяна в федеративной системе Индонезии, которые с самого начала обрекли её на провал [11, с. 221, 230–235,

255]. Первый и основной – произвольное определение границ штатов и провинций, что свело на нет главное преимущество федерализма в многосоставном обществе. Вторым изъян – прочная взаимосвязь федерации с интересами колонизаторов, с их стратегией «разделяй и властвуй». Вновь возможность федерализма в Индонезии возникла после свержения диктатора Сухарто (1998 г.). Однако слабость центральной власти и разгул сепаратизма заставили переходные правительства отказаться от коренных реформ унитаризма [7; 19].

Судан – другой пример провала федералистских замыслов. Эта крупнейшая по территории страна Северной Африки находится в контактной зоне арабского и африканского миров. Арабы составляли на начало 2002 г. лишь 39 % жителей, а негроидные племена – 52 %. Среди верующих преобладают мусульмане (70 %) [17, с. 409–410], остальные – язычники и христиане, проживающие на юге. Южане на протяжении всего периода независимости (с 1956 г.) борются за отделение от арабской части страны. Особую ожесточенность эта борьба приобрела с 1984 г., когда в Судане установился исламский фундаменталистский режим, проводящий жесткую унификацию страны [9, с. 22, 54–61]. Попытки найти компромисс в создании федерации предпринимались много раз (1969–1970, 1972–1979, с 1995 гг.). Конституция 1998 г. объявила Судан федеративной, многонациональной, поликонфессиональной республикой. Вместо 9 вилайетов было создано 25 штатов. Однако в стране сохраняется диктаторский теократический режим. Права мятежного Юга не представлены в общегосударственных органах власти. Следовательно, нет оснований считать Судан федерацией на деле [13, с. 616–617].

Итак, можно сделать вывод: социокультурная система исламского мира такова, что федерализм приживается с огромным трудом. Успешные модели федерализма (Малайзия и ОАЭ) видоизменяют традиционный корпоративизм и лишь в небольшой мере внедряют западные нормы конкурентной демократии. Менее удачна пакистанская модель, в силу общественных конфликтов выхолащивающая базовые принципы федерализма. «Коэффициент полезного действия» федераций в исламском мире невысок, что подтверждается провалом соответствующих экспериментов в Индонезии, Египте, Йемене и других странах. Потенциал коренной демократизации обществ исламского мира остается невысоким. Попытки «импорта институтов» чаще всего отбрасывают реформаторов еще дальше от поставленных целей в силу высокого «сопротивления материала».

Библиографический список

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: ДиС, 2000.
2. Антясов М.В. Панарабизм: идеология и политика. М.: Мысль, 1981.
3. Беяков И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. М.: Мысль, 1981.

4. Временная Конституция Объединенных Арабских Эмиратов // Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1997.
5. *Гареева Г.И.* Исламский фундаментализм и опыт государственного строительства в Пакистане // Ислам и политика. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2000.
6. *Дорофеева Т.В.* Языковая ситуация и языковая политика в Малайзии // Языковая политика в афро-азиатских странах. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1977.
7. *Другов А.Ю.* Доктрина национальной целостности Индонезии – испытание прогрессом // Восток. 1999. № 1.
8. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
9. *Крылов А.Г.* Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М.: Знание, 1990.
10. *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988.
11. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1998.
12. *Плешов О.В.* Исламизм и номинальная демократия в Пакистане // Ислам и политика. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2000.
13. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2002.
14. *Пучков П.И.* Ислам // Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
15. *Сапронова М.А.* Арабский Восток: власть и конституции. М.: РОССПЭН, 2001.
16. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002.
17. Страны и регионы мира. 2003: Экономико-политический справочник / Под ред. А.Д. Булатова. М.: Проспект, 2003.
18. Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев и др. М.: МГУ, 2000.
19. *Черепнева Е.А., Шабалина Г.С.* Индонезия: проблема национального единства и территориальной целостности // Восток. 1999. № 5.

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В «ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ» М. ФУКО

В. В. Меньшиков*

М. Фуко, будучи многосторонним исследователем, особое внимание уделил выяснению социальной природы, сущности и роли, которую играет человеческого тело в обществе. Казалось бы, что данный вопрос за время столь длительного существования человечества уже исчерпан, но как показал М. Фуко, здесь имеется целый ряд малоисследованных аспектов, познание которых имеет не только философско-теоретическое, социально-практическое, но и политическое значение. Созданное им направление «политическая анатомия» позволяет по-новому, несколько в ином ракурсе взглянуть на организацию общественной, политической жизни, увидеть то, что раньше выпадало из поля зрения**.

Основное внимание он сосредоточивает на властных отношениях, которые независимо от человека диктуют правила дисциплинарного поведения, навязывая соответствующие стереотипы восприятия действительности. В научной литературе философского, социологического, политического характера человек понимается преимущественно как общественное, политическое, коллективное, разумное существо. Фуко человека рассматривает с иных позиций, вы-

* Меньшиков Валерий Владимирович – кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

** Вопрос об отношении к человеческому телу в разные периоды каждый народ решал по-своему. Так, в некоторых полисах Древней Греции в отдельные периоды большое внимание уделялось гармоничному воспитанию человека, когда наряду с изучением философии, мусических искусств (литературы, музыки, танца) большое внимание уделялось телесному воспитанию граждан. Отражение такого подхода мы встречаем в произведении Платона «Государство». Существовала и другая тенденция, когда тело рассматривалось как источник, носитель всего греховного. Чаще всего такой подход к пониманию тела был присущ религиозным представлениям. Так, например, в «Дхаммапада», знаменитом буддийском сборнике изречений, которые предписываются самому Будде, говорится: «Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства. Изношено это тело, гнездо болезней, бrenное; эта гнилостная гряда разлагается, ибо жизнь имеет концом смерть» [2, с. 84].

двигая на первый план политико-антропологические характеристики человека как телесного существа. По его мнению, тело не только имеет социальную значимость, но и выступает объектом целенаправленного воздействия со стороны власти. Такой подход позволяет глубже понять механизмы воздействия на человека, перенося основной акцент в исследовании с власти на объект, подвергаемый властному воздействию. Власти захватывают тело «клеят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки. Политический захват тела связан сложными двусторонними отношениями с его экономическим использованием; тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила. Но, с другой стороны, его функция как рабочей силы может осуществляться только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения (где потребность служит также политическим инструментом – тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым); тело становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным» [9, с. 40].

Таким образом, М. Фуко считает, что тело непосредственно погружено в область политического, власть держит его «мертвой» хваткой. Политический захват тела осуществляется через экономическое воздействие. Тело захватывается отношениями власти и господства, главным образом как производительная сила. Это возможно только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения. Существенную роль в этом процессе играют потребности, которые выступают «тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым политическим инструментом».

Подчинение достигается путем использования средств насилия или идеологии, которые могут осуществляться различными способами. М. Фуко вводит в оборот понятие «микрофизика власти»; ее поле действия простирается между большими делами власти и собственно телами с их материальностью и силами. Эту власть следует понимать как стратегию воздействия господства, включающую механизмы, маневры, тактику, технику, действия. Отношения власти проникают в самую глубину общества, они не однозначны, ибо представляют собой столкновения в бесчисленных точках и очагах нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность конфликта, борьбы или временного изменения соотношения сил.

Власть производит знание, это знание и власть взаимно зависимы. По мнению автора, данные отношения не следует анализировать на основе познающего субъекта по той причине, что познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют проявления фундаментальных импликаций отношения «власть – знание» и их исторических трансформаций. «Словом, полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью-знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания» [9, с. 43].

В теоретической концепции М. Фуко своеобразное место отводится пониманию души. Он выделяет два значения души: теологическое и реальное. В отличие от религиозного понимания реальная душа порождается процедурами наказания, надзора, принуждения, контроля. Реальная душа создается благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых и на всех контролируемых. Душа «существует, она имеет реальность, она постоянно создается вокруг, на поверхности, внутри тела благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых – вообще на всех, кого контролируют, воспитывают, муштруют и исправляют: на душевнобольных, на детей в школе и дома, на заключенных в колониях, на тех, кто припигилен к производственной машине и подвергается контролю на протяжении всей остальной жизни» [9, с. 45]. Под этим углом зрения философ рассматривает наказание казнью. Цель такого деяния – преподать урок народу. «Зверство обеспечивает воссияние сразу истины и власти; оно – завершение ритуала следствия и церемония, в которой монарх празднует свой триумф; и оно объединяет истину и власть в казнимом теле» [9, с. 84]. Палач выступает в роли связующего звена между королем и народом. Основание для такого рода действий М. Фуко видит в «избыточной власти короля», в которой право наказывать тождественно личной власти суверена. По мнению автора, публичная казнь не восстанавливает справедливость, она лишь усиливает власть.

Констатация наличия избыточной власти, которой может быть наделен тот или иной субъект, представляет серьезную проблему – проблему, в конечном счете упирающуюся в наличие реальной возможности осуществлять контроль, «цензуру» за деятельностью властного субъекта, для того чтобы не позволять ему выходить за рамки, установленные законодательством, регламентом, соответствующими договоренностями. Естественно, такое требование не приемлемо к формам правления, политическим режимам, которые в силу своего статуса, организационной конструкции исключают саму возможность наличия такого контроля. Избыточной власти может быть меньше или больше, она может реализовываться различным образом, но там, где таковая имеется, всегда есть основания для проявления произвола. Говоря иначе, там, где нет возможности осуществлять организованный и действенный контроль над властью, там могут иметь место рецидивы субъективизма, волюнтаризма, беззакония. Данный вопрос не является темой специального рассмотрения со стороны М. Фуко, наоборот, главное внимание он сосредоточивает на контроле со стороны власти над поведением и деятельностью людей.

Власть по отношению к телу проявляется в форме дисциплины, которая реализуется через политику принуждения. Воздействуя на тело, власть тщательно обрабатывает его, разрушает его и собирает заново. «Рождается „политическая анатомия“, являющаяся одновременно механикой власти. Она определяет, как можно подчинить себе тела других, с тем, чтобы заставить их не только делать что-то определенное, но и действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью. Так дис-

циплина производит подчинение и упражнение тела, „послушные“ тела» [9, с. 201].

Дисциплинарная власть отправляется в силу невидимости; в то же время она навязывается тем, кого подчиняет, кому навязан принцип принудительной видимости. В дисциплине субъекты должны быть видимыми. Их видимость «удовлетворяет накинутую на них узду власти». Именно факт постоянной видимости удерживает дисциплинарного индивида в подчинении.

Для иллюстрации особенностей организации деятельности дисциплинарной власти в качестве примера М. Фуко приводит конструкцию «Паноптикума» Бентама. Это тюрьма, где находятся заключенные, в центре которой расположена башня. Устройство последней таково, что все, что делается заключенными, видно надзирателю из башни. При этом сам надзиратель остается невидимым. Цель такой конструкции – привести заключенного в состояние осознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти*. Нечто подобное представляет и дисциплинарная власть, где на первый план выступают функциональные требования по отношению к тому, на кого направлено властное воздействие, тогда как сам носитель власти зачастую остается вне поля зрения. Эта власть – по существу новая технология организации общественной жизни, ставящая под контроль деятельность индивидов, итогом ее становится создание дисциплинарного общества, возникновение которого Фуко связывает с развитием исторических, экономических, политических, юридических и других процессов.

Специфика дисциплины в том, что она пытается ввести тактику власти, которая бы отвечала следующим критериям:

- 1) отправление власти должно быть максимально дешевым;
- 2) ее действия должны быть максимально сильными и распространяться как можно дальше;
- 3) «экономический» рост власти должен быть связан с производительностью аппаратов (образовательных, военных, промышленных, медицинских), внутри которых она отправляется.

На основании сказанного автор делает вывод: основное назначение дисциплинарной власти – стремление к тому, чтобы увеличивать как послушность, так и полезность всех элементов социальной системы.

* Т. А. Алексеева дает следующую характеристику данной конструкции: «Паноптикум оказывается мощным источником власти для тюремщиков, поскольку обеспечивает их возможность тотального наблюдения за заключенными. Власть увеличивается еще больше, так как заключенные сами начинают себя контролировать, предполагая возможность наблюдения в любой момент. На этом примере, как считает Фуко, ясно прослеживается связь между знанием, технологией и властью. Он даже рассматривает Паноптикум как своего рода лабораторию по сбору информации о людях. На более высоком уровне абстракции Паноптикум становится для Фуко основанием всякого дисциплинарного общества» [1, с. 317].

Названные Фуко критерии можно считать основными требованиями, которыми должна руководствоваться власть в своих действиях. Они достаточно рациональны, в какой-то мере декларативны. Послушность – фактор вторичный, зависимый от целого ряда условий, может достигаться различными методами и способами, выступать в различном качестве. В данном случае основной акцент делается не на содержательной стороне данного процесса, а на тенденциях, свойственных развитию дисциплинарной власти. Полезность власти – это важный для оценки и понимания существа осуществляемых властью преобразований критерий, являющийся актуальной проблемой для современных исследований.

Дисциплина выполняет большое число функций, «обеспечивающих упорядочение человеческих множеств». Как способ осуществления власти дисциплина может изменяться в зависимости от отношений в обществе.

Понимание сущности дисциплинарной власти, которая пронизывает «все и вся» в организации общественной жизни, позволяет по-иному взглянуть на устоявшиеся формы восприятия социальной действительности. Эта власть была во все периоды существования общества. Фуко считает ее составной частью социальной власти (этот термин он употребляет неоднократно). Новым в понимании данного феномена является объект исследования – человеческое тело и связанные с ним формы властного взаимодействия и зависимости.

Фуко отмечает, что эпоха Просвещения, открывшая свободы, изобрела и дисциплины. Утверждение в жизни общества господства рационального начала имеет одним из своих следствий усиление дисциплинарной власти. «Но история, „рацио“ как история западноевропейского мира, – пишет Фуко, – далеко не исчерпывается прогрессом „рационализма“; не меньшее, хоть и не столь очевидное место, в ней занимает тот процесс, в результате которого Неразумие было перенесено на нашу почву, исчезло в ней – но пустило в ней корни» [10, с. 65].

Дисциплинарная власть приводит в действие необратимые механизмы, где на одной стороне сосредоточивается «сверхвласть», на другой – подчинение. Указанное обстоятельство отличает дисциплинарную власть от договорной власти. «...Дисциплина образует „частную“ связь между индивидами, отношение принуждения, совершенно отличное от договорного обязательства; понятие дисциплины может предписываться договором; способ, каким она насаждается, механизмы, какие она приводит в действие, – необратимое подчинение одних людей другим, „сверхвласть“, которая всегда сосредоточивается на одной стороне, неравенство положения различных „партнеров“ относительно общего правила – все это отличает дисциплинарную связь от договорной связи и позволяет систематически исказить последнюю с того самого момента, когда ее содержанием становится дисциплинарный механизм» [9, с. 326–327].

Наиболее всеобъемлющий характер дисциплинарная власть получает при капитализме. Старый принцип «взимание – несилие», управляющий эконо-

мией власти, дисциплины, заменяется новым – «мягкость – производство – прибыль». Коментируя характер отмеченных Фуко изменений, В.А. Подорога пишет: «Цель власти – прознания меняется: теперь нет необходимости в том, чтобы сжимать тело до предела, подавлять или вырывать признание пыткой; новая власть доминирует с помощью контроля, нормы, упражнения, экзамена, наделяя необходимыми функциями отдельные тела (жесты, скорость, экономия сил) в их взаимодействиях друг с другом, подготавливая их к тому, чтобы они были послушными и продуктивными телами» [7, с. 248]. Буржуазному обществу присущи противоречия между правовой и дисциплинарной властью, которая пронизывает все уровни организации общественной жизни. С точки зрения Фуко, какой бы регулярной и институциональной ни была дисциплина, по своему механизму она является контрправом. И хотя всеобщий юридический характер современного общества, казалось бы, устанавливает границы отправлению власти, его повсеместный паноптизм позволяет функционировать на изначальной стороне права огромному и одновременно мельчайшему механизму, который поддерживает, усиливает, умножает асимметрию власти и делает бесполезными границы, ограничиваемые правом.

Дисциплина диктует своеобразную тактику власти, которая должна отвечать трем критериям: отправление власти максимально дешево, действия этой социальной власти должны быть максимально сильны и распространяются как можно дальше. При этом экономический рост власти (последняя, по Фуко, во многом предопределяет сам факт наличия дисциплинарной власти в условиях капитализма) должен быть связан с производительностью соответствующих сфер деятельности («аппаратов»): образовательной, военной, промышленной, медицинской. Существует тенденция стремления к увеличению послушности и полезности всех элементов социальной системы. «Можно сказать, что дисциплина – единый метод, посредством которого тело с наименьшими затратами сокращается как „политическая“ сила и максимально увеличивается как полезная сила. Рост капиталистической экономии породил специфическую модальность дисциплинарной власти: ее общие формулы, методы подчинения силе тел, короче говоря, „политическая анатомия“ может работать в самых различных политических режимах, аппаратах и институтах» [9, с. 325]. При этом паноптическая модальность власти обладает относительной самостоятельностью и не зависит напрямую от крупных юридическо-политических структур общества, не является их непосредственным продолжением. При таком понимании роли экономической и политической дисциплинарной власти в обществе невольно встает вопрос: «Возможно ли в условиях капитализма, рыночных отношений освобождение человека от властной дисциплинарной зависимости?» На основании сказанного Фуко напрашивается следующий вывод, он обращает внимание на то, что отношения власти, проникая в самую толщу общества, в бесчисленных точках столкновения не однозначны. Иначе говоря, дисциплинарная зависимость может быть большей или меньшей, смотря по обстоятельствам, но факт наличия ее для человека в обществе всегда налицо. Специфика

модальности дисциплинарной власти зависит от ряда обстоятельств: политического и экономического строя общества, уровня развитости его различных сфер и других обстоятельств.

В решении вопроса о соотношении правовой сферы регулирования общественных отношений и дисциплинарной власти Фуко основное внимание сосредоточивает на противоречивом характере данных отношений. У него дисциплины по своему механизму выступают в роли «контрправа», являются «политической противоположностью юридических норм, в соответствии с которыми перераспределяется власть». «Отсюда, – пишет Фуко, – утверждение, что они (дисциплины. – В.М.) действуют в самом основании общества, суть элемент его равновесия, тогда как на самом деле они ряд механизмов для окончательного и повсеместного нарушения равновесия в отношениях власти. Отсюда упрямое изображение дисциплин как скромной, но конкретной формы всякой морали, тогда как на самом деле они представляют собой совокупность физико-политических техник» [9, с. 328]. Что касается понимания свободы человека в поле дисциплинарного властного взаимодействия, то она, по мнению Фуко, носит преимущественно формально-юридический характер, фундамент ее образуют реальные телесные дисциплины.

В заключение отметим, что мы имеем дело с достаточно оригинальной самостоятельной концепцией, в которой с методологических позиций «политической анатомии» исследуется дисциплинарная власть. Уже это дает основание утверждать, что автор открыл нечто новое в способе человеческого существования в обществе, исследовав недостаточно изученную сторону властного бытия. Он отошел от устоявшихся стереотипов понимания социальной роли дисциплины, показал несостоятельность некоторых представлений об этом феномене*.

Заслуга Фуко также в том, что он тело человека рассмотрел с позиций осуществляемых им целенаправленных дисциплинарных социальных воздействий, акцентировав внимание на противоречии, связанном с распределением ролевых функций между дисциплинарной властью и подчиненными. Фуко уходит от анализа социальной природы власти, ее основных форм: экономической власти и политической власти. Они у него присутствуют, но выполняют по отношению к основному предмету исследования вспомогательный (прикладной) характер. Вместе с тем следует отметить глубокое понимание автором тесной взаимосвязи этих видов власти, их взаимообусловленности.

* По мнению автора, в настоящее время, наряду с теорией М. Фуко, можно назвать ряд других нетрадиционных (в классическом понимании) направлений в исследовании власти. К таковым относятся в зарубежной политической мысли системный, структурно-функциональный, сравнительный и бихевиоральный подходы [11], концепция власти Н. Лумана [6], антропологическая трактовка феномена власти Э. Каннети [3], рассмотрение власти с позиций политической семиологии Р. Барта [8]. В отечественной литературе следует назвать работы В. Г. Ледяева [5] и В. В. Крамника [4].

Библиографический список

1. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2001.
2. *Дхаммапада* // Памятники литературы народов Востока. М.: Восточная литература, 1960.
3. *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
4. *Крамник В.В.* Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.
5. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
6. *Луман Н.* Власть. М.: Праксис, 2001.
7. *Подорога В.А.* Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.
8. *Рыклин М.К.* Власть и политика литературы (политическая семиологи Р. Барта) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.
9. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad. Marginem. 1999.
10. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
11. *Шаран П.* Сравнительная политология. М.: б.и., 1992. Ч. 1–2.

«ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ» ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ УСПЕХОВ УЛЬТРАПРАВЫХ СИЛ В ЕВРОПЕ

.....

С. В. Скороходов*, И. И. Гончаров**

Вторая половина XX в. внесла серьезные изменения в политическую систему ведущих стран Европы. Одной из ключевых причин этого было достижение консенсуса среди большинства граждан стран Запада по основным вопросам общественного развития, т. е. рыночной экономики, высоких социальных гарантий, признания прав человека и т. д. Как следствие, уже в 1970–1980-х гг. это привело к резкому сужению политического пространства справа и слева в сторону центра. Политические кампании начали концентрироваться вокруг дискуссии по узкому кругу порой неополитических проблем. Например, на выборах мэра Лондона дискуссия между «красным Кеном», действующим мэром, представляющим левое крыло лейбористов, и кандидатом от консерваторов шла вокруг необходимости введения десятифунтового налога за проезд через центр Лондона.

Одновременно с этим общество столкнулось с новыми вызовами, ответить на которые существующие политические партии оказались не в силах. Это, прежде всего, проблемы, связанные с глобализацией, евроинтеграцией, а также ростом иммиграции из арабских и африканских стран и т. д.

Естественно, что вскоре это привело к появлению новых политических сил, акцентирующих внимание именно на этих острых вопросах: французский «Национальный фронт» Ле Пена, «Список Фортейна» в Голландии, Австрийская партия свободы Й. Хайдера и др. Программы этих политических сил отличаются от программ традиционных партий, прежде всего резким неприятием процессов глобализации (воспринимаемых ими как унификация культурных образцов), а также инокультурной иммиграции, прежде всего из арабских, африканских и азиатских стран, представляющейся им угрозой не

* Гончаров Иван Иванович – студент 4-го курса отделения политологии факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: f27@bk.ru.

** Скороходов Сергей Валентинович – студент 3-го курса отделения политологии факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: pfaizer@inbox.ru.

только уровню, но и образу жизни европейцев, самой западной демократии. Одновременно с этим часть политиков, политологов, простых граждан видят угрозу демократии как раз в самих ультраправых партиях, в их крайней нетерпимости и особенно в том количестве голосов, которое они получают на выборах.

В этой связи представляется важной разработка моделей, которые позволили бы объяснить причины электоральных успехов ультраправых. За основу нами была выбрана модель «воронки причинности» (the funnel of causality) [8]. Не останавливаясь подробно на описании исходной (об этом см. [7]), напомним, что в «воронку причинности» последовательно встраиваются факторы, оказывающие все более непосредственное влияние на итоговую переменную – электоральный выбор, так что фокус анализа постоянно сужается по мере движения к центру воронки.

Важно подчеркнуть, что набор факторов (независимых переменных), включенных в классическую «воронку причинности», не позволял объяснять поведение избирателей в странах, где отсутствует простой бинарный раскол общества; естественно, в этом наборе отсутствовали те новые факторы, которые стали влиять на электоральный выбор уже к концу XX в.

Поэтому вполне логично, что, например, Е.Ю. Мелешкина и Н. В. Анохина при анализе поведения российского избирателя предложили собственную модель «воронки причинности». Мы же на основе классической мичиганской модели предлагаем схему воронки, которая, с нашей точки зрения, поможет объяснить электоральные успехи ведущих правопопулистских партий Западной Европы. Перед тем как перейти к рассмотрению нашей модели, напомним читателям некоторые эпизоды политического процесса в Европе на рубеже XX и XXI вв. и поговорим о роли в нем европейских ультраправых.

Ультраправые партии в европейском политическом процессе

Одним из наиболее влиятельных ультраправых объединений является Национальный фронт Франции во главе с бессменным Жан Мари Ле Пенем. НФР возник на политической арене в 1970-е гг., и на своих первых президентских выборах в 1974 г. Ле Пен получил лишь 0,7 %. В 1990-е гг. Национальный фронт уже стабильно набирал на парламентских выборах 10–15 % голосов, которые, впрочем, не материализовались в депутатские мандаты, так как французские парламентарии избираются с помощью двухтуровой системы по одномандатным округам. (Для победы в первом туре кандидату нужно набрать более 50 % голосов избирателей, явившихся на участки, что достаточно сложно, а в случае участия кандидата-лепеновца во втором туре против него, как правило, объединяется большинство других кандидатов.)

Максимального успеха французским ультраправым удалось добиться на выборах 2002 г., когда их лидер Жан Мари Ле Пен, набрав около 17 %, занял вто-

рое место в президентской гонке и вышел во второй тур вместе с действующим президентом Жаком Шираком.

В своей программе Национальный фронт акцентирует внимание на необходимости радикального сокращения инокультурной иммиграции, в том числе и за счет репатриации уже имеющихсся иммигрантов, протекционизма в экономике, поддержки семьи, духовных устоев нации, «национальной преференции» – предпочтении французов при распределении общественных благ, государственных постов и т. д. А лозунг «Франция для французов» стал, фактически, «брендом» Ле Пена (хотя последний и не раз оговаривался, что имеет в виду в первую очередь социокультурную традицию, а не формальную национальную принадлежность).

Сходные идеи выдвигает и Австрийская партия свободы (АПС). На парламентских выборах 1999 г. АПС получила более четверти всех голосов, а ее лидер, Й. Хайдер, стал новым премьер-министром. В отличие от Ле Пена, Й. Хайдер имел солидный опыт управленческой деятельности, являясь к моменту своей победы главой правительства одной из австрийских земель, Каринтии. Будучи незаурядной личностью, Й. Хайдер примечателен еще и тем, что именно с его триумфа в 1999 г. началась волна успехов ультраправых на Европейском континенте. Тогда включение в состав австрийского правительства политиков АПС, которых многие считали, чуть ли не неофашистами, едва не привело к исключению Австрии из Европейского Сообщества, а Израиль даже временно отозвал из Вены своего посла.

Настоящей сенсацией стали и результаты парламентских выборов в Нидерландах, когда блок под незамысловатым названием «Список Фортейна» занял второе место, незначительно уступив лишь правящим либерал-демократам, несмотря на, а может и благодаря гибели своего лидера от рук сумасшедшего фанатика за несколько недель до выборов. Предвыборную кампанию П. Фортейна определяли антиисламские выпады и полемические эскапады против иммиграции. Так, он объявлял, что намеревается выйти из Женевской конвенции о беженцах и ужесточить пограничный контроль, чтобы сократить поток ходатайствующих о предоставлении убежища лиц, которых Фортейн скопом охарактеризовал как экономических беженцев. В марте 2002 г. П. Фортейн, бывший профессор социологии, выиграл коммунальные выборы в одном из крупнейших голландских городов – Роттердаме, набрав там свыше 34 % голосов.

Датская Народная партия во главе с П. Кьерсгард (Kjaersgaard) заняла третье место на последних национальных выборах в ноябре 2001 г., получив 12 % голосов. Предвыборная кампания датских ультраправых была построена на требованиях сокращения инокультурной иммиграции, отождествлении мусульманских иммигрантов с исламским фундаментализмом, утверждении, что ислам не совместим с западной демократией и христианскими основами куль-

туры Старого Света, поскольку он не выступает за терпимость и взаимное уважение, угнетает женщин.

Похожие процессы происходили и с Норвежской Партией прогресса («Fremskrittspartiet») во главе с К. И. Хагеном. Эта политическая сила стоит, прежде всего, на позициях шовинизма. В последние годы партия по нарастающей использовала в политических кампаниях тему национальной идентичности: она обратилась к существующей уже в специфическом североευропейском исполнении идее расового превосходства северных европейцев и предостерегала от демографической угрозы, которую несут с собой мусульманские иммигранты.

Несколько иначе развивался политический процесс в Италии. Ведущее ультраправое объединение Италии «Лига Севера» представляет собой неоднородный конгломерат из различных партий и движений националистической окраски и пользуется популярностью в наиболее экономически развитых провинциях страны, поскольку главная идея «Лиги Севера» – автономизация, вплоть до полного отделения Северной Италии от Южной. Не секрет, что в Италии существуют две субкультуры, сильно различающиеся между собой, да и необходимость северян тратить часть своих денег на содержание южан не вызывает у первых особого энтузиазма. Поэтому, имея около 10 % поддержки в целом по стране, на Севере Италии лигисты собирают втрое больше.

Почему политическая ситуация в Европе сейчас меняется именно так, причем довольно радикальным образом? Чем это объяснить и чего ждать дальше? Мы попробовали ответить на эти и другие вопросы, проанализировав сложившуюся в Старом Свете политическую реальность с помощью предложенной нами модели.

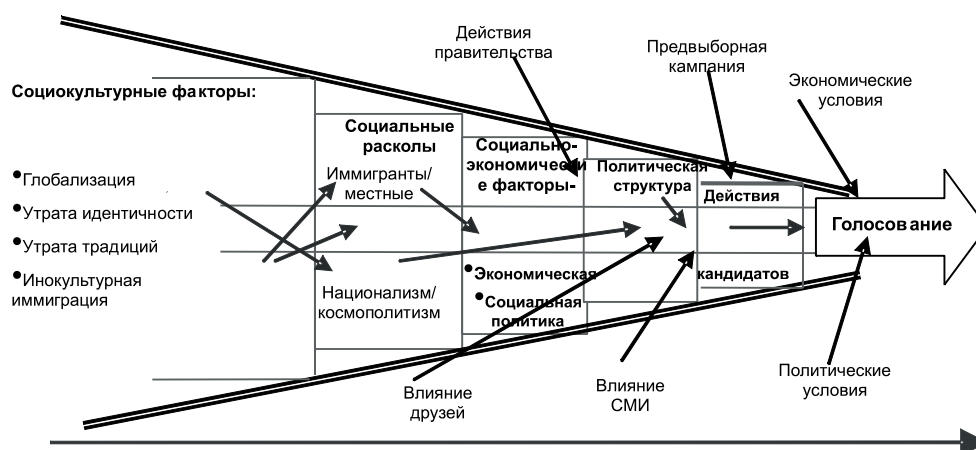
Модель «воронки причинности» для анализа электоральных успехов ультраправых в Европе

Как отмечала Е. Ю. Мелешкина, в любой аналитической модели желательно сочетание универсальности и уникальности [5]. По нашему мнению мичиганская модель может сочетать эти две базовые характеристики: универсальной в «воронке причинности» может быть логика анализа, в то время как набор факторов в зависимости от конкретной ситуации и избранной парадигмы анализа должен меняться. Объектом анализа может быть любое явление или процесс, имеющие более одной причины.

Предложенная модель, в отличие от классической «воронки причинности», имеет пять логических уровней анализа (см. рисунок).

На первом, самом широком уровне «воронки» мы разместили общие социокультурные факторы, обусловившие успехи ультраправых.

Во-первых, не секрет что в условиях все нарастающей культурной интеграции и глобализации многие европейцы обеспокоены реальной возможностью утраты национальной идентичности. Достаточно вспомнить, насколько болез-

ненно они отнеслись к введению единой европейской валюты, когда родные для них кроны, франки и марки, являвшиеся частью национальной культуры стран, сменил космополитичный евро. Как мрачно пошутил один голландский политик, «Тия Уленшпигеля сменил Рональд Макдональд». Изначально континентальная европейская социокультурная традиция, в отличие от англо-американской, складывалась как гетерогенная, и поэтому современные процессы глобализации и интеграции негативно воспринимаются многими европейцами как унификация культурных образцов. Достаточно вспомнить, что в Европе осталось несколько «карликовых» государств (Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Сан-Марино), сохранивших независимость в периоды войн, и они не хотят отказываться от своего уникального культурного наследия ради безликих небоскрёбов и безвкусных гамбургеров. В какой-то степени это подтверждают последние данные социологических опросов свидетельствующих о том, что гражданами объединенной Европы считают себя пока лишь чуть более трети опрошенных европейцев (36 %), тогда как 55 % продолжают настаивать на том, что они – граждане только своей страны [1].

Во-вторых, большинство европейцев обеспокоено всё нарастающим культурным кризисом, порожденным во многом теми же причинами – глобализацией и интеграцией, а также все возрастающей инокультурной иммиграцией. Распад многовековых традиций и устоев в современном обществе, его социальная дифференциация и рационализация всех сфер общества воспринимаются как отрыв от корней и даже утрата смысла жизни. Это ощущение у многих людей усиливается за счет нарастающей мультикультурности, обусловленной иммиграцией, привносящей на новую родину элементы других, порой чуждых, а иногда откровенно враждебных культур. Все это порождает неуверенность многих людей в завтрашнем дне и стремление сберечь любой ценой традиционные ценности.

Программы правых популистских партий построены на подогревании опасений рядовых европейцев по поводу утраты своей национальной идентичности и образа жизни. Поэтому их защита, провозглашаемая ультраправыми

в качестве приоритетных целей, находит отклик в сердцах многих французов, голландцев, итальянцев, швейцарцев. Этот факт во многом объясняет утрату своих позиций теми традиционными партиями, которые стараются плавно обойти эти болезненные проблемы.

На втором уровне мы разместили два ключевых социокультурных раскола, имеющих различные основания и глубину. Поэтому в своем анализе мы решили использовать два ключевых раскола, имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблеме: социокультурный раскол между коренными жителями и иммигрантами и раскол по линии национализм – космополитизм, на наш взгляд, являющийся следствием предыдущего. Анализ первого раскола заключается в выявлении количественного соотношения между коренными жителями и иммигрантами. Он определяет количественную сторону проблемы, затронутой на предыдущем аналитическом уровне – иммиграции. Второй исследуемый нами раскол показывает уровень национальной терпимости в стране, т. е. дает качественную характеристику иммиграции в виде реакции коренного населения на данный процесс. Поэтому можно сделать предположение о существовании связи между этими расколами.

Для поиска и объяснения возможной взаимосвязи между ростом иммиграции и усилением электоральной поддержки оказываемой ультраправым необходимо обратиться к мнению эксперта в области иммиграции Ш. Ангенендта, научного сотрудника и эксперта по вопросам миграции Научно-исследовательского института Германского общества внешней политики. В своей статье «Иммиграция и правый популизм» автор пишет: «если при сопоставлении результатов правых популистов на двух последних национальных выборах и долей иностранцев в составе населения соответствующей страны возникает положительная корреляция этих двух факторов, то должна быть, по всей видимости, заметна взаимосвязь между иммиграцией и правым популизмом. Выясняется, однако, что подобной прямой взаимосвязи не существует. Хотя в отдельных странах с сильными правыми популистскими партиями доля иностранцев в составе населения сравнительно велика, как это наблюдается в Бельгии, Австрии и Швейцарии, в других странах, таких как Дания, Франция, Италия, Норвегия и Португалия дело обстоит иначе. Очевидно, между этими двумя величинами не существует характерной статистической корреляции. Можно было бы еще предположить, что в странах, где правые популисты добились больших успехов на выборах, но доля иностранцев в составе населения невелика, существуют особо сложные проблемы, связанные с иммиграцией. Но это, кажется, также не соответствует действительности. Возможно, это и верно по отношению к Франции, но это, разумеется, не распространяется на Данию и Норвегию. Заостряя формулировку, можно сказать, что правый популизм существует, видимо, и при отсутствии значительной иммиграции, подобно тому, как ксенофобия бывает без иностранцев, а антисемитизм без евреев».

Однако это наталкивает нас на другую взаимосвязь, которая могла бы внести свой вклад в объяснение успехов ультраправых. «Страны, в которых успехи

правых популистов на выборах и доля иностранцев в составе населения особенно сильно рассогласованы, а именно Дания, Франция, Италия и Норвегия, – это те самые страны, где популисты продвинулись особенно далеко вперед в определении своей новой идеологической направленности. Все эти партии выдвинули в последние годы во главу угла своих политических стратегий политику сохранения и укрепления идентичности. Это позволяет предположить, что правые популисты получили голоса избирателей благодаря своей новой стратегии, сфокусированной на политике сохранения и укрепления идентичности» [2].

Таким образом, на основании анализа Ш. Ангенендта мы можем сделать вывод о существовании, пускай и не статистической, но взаимосвязи между выявленными расколами, что в значительной мере раскрывает возможность их дальнейшего исследования как наиболее важных факторов электоральных успехов ультраправых. При этом, на наш взгляд, наличие прямой статистической корреляции между исследуемыми социальными расколами вряд ли сможет стать исчерпывающим объяснением анализируемых процессов связанных прежде всего с трансформациями в политическом сознании европейских избирателей, т. е. с факторами изменения которых трудно посчитать математически.

Перейдем к следующему аналитическому уровню, объясняющему влияние социально-экономических факторов на успехи ультраправых. В современном мире именно экономическая составляющая электорального выбора имеет наиболее весомое значение по сравнению с остальными не политическими факторами, определяющими исход голосования. Так, еще А. Кэмпбелл, автор классической модели «воронки причинности», особое место в ее структуре уделяя экономическим показателям, подчеркивая их важную роль детерминирующую электоральный выбор.

Начинать анализ экономических факторов целесообразно с общей характеристики состояния хозяйства страны. Большинство европейских государств занимают твердое положение в мировом хозяйстве, однако в их политическом дискурсе озвучивается крайняя озабоченность падением конкурентоспособности европейских товаров по сравнению с их более дешевыми, а порой и более высокотехнологичными американскими и азиатскими аналогами, особенно в контексте роста курса евро относительно доллара и других мировых валют. Лозунги о необходимости протекционистской политики во многих европейских государствах поддерживаются возросшими опасениями людей среднего и низшего классов утратить свой сегодняшний статус в условиях обострившегося экономического состязания. Многие ультраправые партии четко уловили изменения настроений потенциальных избирателей и внесли существенные коррективы в свои экономические программы. Они отказались от ультра- и неолиберальных представлений и стали сторонниками протекционистской политики, обещающей защитить граждан страны от угроз экономической глобализации. Этот поворот четко прослеживается на примере французского Национального фронта. Партия начала свою деятельность в 1970-е гг. прежде

всего с экономической концепции, нацеленной на приватизацию государственных предприятий и снижение налогов. Ее реализация должна была привести к построению «народного капитализма». Отказ от этой концепции происходил поэтапно до середины 1990-х гг., когда вместо них во главу угла была выдвинута защита французской экономики от международной конкуренции [3].

Похожий процесс происходил в Австрийской партии свободы. Как и Ле Пен, Йорг Хайдер пропагандировал в 1980-х гг. радикально-либеральный экономический курс, возлагая ответственность за тяжелый экономический кризис после открытия границ с Восточной Европой на мнимые заторы в реформировании австрийской политической системы, существовавшие на протяжении многих десятилетий. «Первоначально программа была направлена преимущественно на ориентированных на подъем представителей среднего класса, которых следовало избавить от “опеки со стороны государства”. В 1990-е гг партийное руководство требовало вместо этого принять протекционистские меры, используя аргумент о защите интересов австрийских наемных работников от нечестной конкуренции извне» [3].

Помимо перечисленных чисто экономических опасений у многих европейцев растет возмущение социальной политикой, проводимой их правительствами. Так, во многих странах существует система материальной помощи иммигрантам, которая оказывается за счет бюджета, т. е. за счет работающих и платящих налоги граждан. Это еще одна причина, способствующая привлечению на сторону ультраправых электората других партий, в том числе и социально-демократической ориентации. Анализ социально-экономических факторов опять выводит нас на их закономерные связи с исходными культурными противоречиями, затронутыми в начале исследования.

Далее мы переходим к следующему уровню нашей «воронки». Это наиболее важный и в то же время наиболее противоречивый уровень. В политическом плане все рассматриваемые нами государства представляют собой стабильные демократии с отлаженными механизмами социального взаимодействия. Однако и в этих, по нашим меркам, совершенных политических системах существуют серьезные проблемы, способствующие успехам правых популистов. Во-первых, по мнению некоторых западных аналитиков, причины побед ультраправых кроются в самой политической системе этих государств. Так, словенский философ и психоаналитик С. Жижек пишет, что демократические системы западных стран являются видимостью выбора, которого по существу нет. «Оба полюса этой системы сходятся в своей экономической политике (вспомним недавнее возвышение Клинтона и Блэра): строгая фискальная политика является основным принципом современных левых. Строгая фискальная политика поддерживает экономический рост, и этот рост позволяет нам более активно проводить социальную политику, улучшая социальную защиту, вкладывая средства в образование, здравоохранение. Этот политический выбор – социал-демократов или христианских демократов в Германии, демократов или республиканцев в США и т. д. – не может не напоминать нам о том

затруднительном положении, в котором мы оказываемся, когда в супермаркете выбираем между «Pepsi» и «Coca Cola». Этот смехотворный выбор между различными наклейками только подчеркивает абсолютную бессмысленность альтернативы.

Или еще пример: хорошо известно, что в большинстве лифтов кнопка «Закрыть двери» полностью дисфункциональна, ее устанавливают в лифте только для того, чтобы создать у человека ощущение того, что он может ускорить движение лифта, если нажмет на эту кнопку. Но двери закрываются и без нажатия кнопки «Закрыть двери»: когда мы нажимаем кнопку нужного этажа, двери лифта закрываются сами и начинается движение. Этот предельный случай ложного участия является подходящей метафорой для сделанного С. Жижекком описания участия индивидов в нашем «постмодернистском» политическом процессе [4]. Поэтому единственной политической силой, все еще способной дать отпор являются, по мнению С. Жижека, новые правые популисты – Й. Хайдер в Австрии, Ле Пен во Франции, республиканцы в Германии, П. Бьюкенен в США.

Мы сочли, что доводы С. Жижека в принципе достаточно объективно отражают политико-психологические мотивы, заставляющие электорат голосовать именно за правых популистов.

Следующая проблема данного уровня анализа связана с процессами интеграции в рамках ЕС. Они привели к возникновению у части европейцев ощущения «растворения» нации в «большой Европе» и неспособности государства обеспечить требуемую защиту. Правые популисты лишь умело уловили эти настроения, вследствие чего в большинстве их программ содержатся призывы к воссозданию национального государства, способного защитить интересы народа и гарантировать его безопасность.

Итак, мы переходим к последнему уровню нашего анализа – исследованию индивидуальных, личностных политико-психологических факторов, т. е. непосредственных действий кандидатов как в рамках избирательных компаний, так и вне их.

Здесь явно прослеживается тенденция к поиску харизматического лидера, способного стать альтернативой безликим традиционным политикам. Вследствие этого на последних европейских выборах особый успех имели правые популистские лидеры, личности которых и олицетворяли собой ту долгожданную альтернативу.

В разработанной нами модели, как и в классической «воронке причинности», мы полагаем необходимым учесть влияние на исход голосования экзогенных факторов: ведение избирательной кампании, влияние друзей и знакомых, а также экономическую и политическую конъюнктуру. «Не оказывая определяющего влияния на выбор избирателя, они могут служить своего рода “возмущающими” импульсами в краткосрочной перспективе» [6].

На наш взгляд, представленная модель «воронки причинности», помимо текущего и ретроспективного анализа, обладает возможностью прогноза, особенно в краткосрочной перспективе. Так, присутствие представленных в «воронке» факторов в будущем и отсутствие попыток со стороны «традиционных» политических сил решения указанных проблем будет способствовать росту популярности ультраправых в Европе. Выпадение из схемы старых факторов или добавление новых будет влиять на рост или падение поддержки, оказываемой ультраправым. Из этого можно сделать вывод, что представленная нами модель может помочь традиционным политическим силам выявить наиболее слабые места своих программ, чтобы в будущем уверенно противостоять реваншу праворадикальных сил в Европе.

Итак, сделаем краткие выводы о предложенной модели. С первого взгляда может показаться, что она представляет просто перечисление общеизвестных фактов, влияние которых на конечный результат можно было бы проследить и вне данной методологии. Однако это не совсем так. Главная методологическая задача «воронки причинности» состоит не только в выявлении, но и в систематизации факторов, детерминирующих какой-либо конечный результат. Таким образом, имея на руках разрозненный набор фактов, с помощью «воронки причинности» можно построить логическую схему их взаимосвязи. Располагая факторы в определенной последовательности в зависимости от степени влияния на конечный результат или по степени значимости (масштабности), мы получаем возможность рассмотреть исследуемое явление в целостности его взаимосвязей. На наш взгляд, при построении логической схемы взаимосвязи факторов необходимо отказаться от жесткой причинной обусловленности одних явлений другими, так как это затрудняет не только ранжирование факторов в модели, но и порой приводит к преднамеренному искажению исследователем реальности, т. е. к поиску причинной связи даже там, где ее на самом деле нет. Последнее обстоятельство служит одним из главных доводов критиков модели «воронки причинности» при обосновании ее когнитивной несостоятельности. При построении модели приоритетным должно стать ранжирование факторов по степени взаимосвязи с конечной независимой переменной, а не по наличию внутренних причинных взаимосвязей между самими факторами. Это поможет в определенной степени сгладить главный «врожденный» недостаток модели – ее векторность. «Она учитывает реальную множественность причинных детерминаций, но делает это как бы однонаправленно. В то время как реальные причинные связи очень часто бывают разнонаправленными, даже обратными. При использовании “воронки причинности” это важное методологическое обстоятельство ускользает из поля зрения» [6].

Будучи ограниченной, эта модель, на наш взгляд, в принципе оказалась способной справиться с главной возложенной на нее задачей – выявить, систематизировать и объяснить причины электоральных успехов ультраправых populistских партий в Европе.

Библиографический список

1. Амелина Я. Россия изучает Европу – и делает выводы // [http://www.rosbalt.ru / 2004 /02/05/142530.html](http://www.rosbalt.ru/2004/02/05/142530.html).
2. Ангелендт Ш. Иммиграция и правый популизм // *Международная политика*. 2003. № 2.
3. Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Итоги голосования и электоральное поведение. М., 2002.
4. Жижек С. Почему мы любим ненавидеть Хайдера? // [http://www.ruthenia.ru/logos /kofr/2002/2001_06.htm](http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_06.htm).
5. Мелешкина Е. Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // *Полис*. 2002. № 5.
6. Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // *Зарубежная политология в XX столетии* / Ред. М.В. Ильин. М., 2001.
7. Мельвиль А.Ю. Доклады. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты / Моск. обществ. науч. фонд. М., 1999.
8. Campbell A., Converse Ph., Miller W., Stokes D. *The American Voter*. N.Y.: Wiley, 1960.

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

.....

В.В. Титов*

Наступившее третье тысячелетие несёт в себе множество противоречивых тенденций в развитии различных сфер российского общества, в том числе и управления. Россия вступила в новую эпоху как нация, реализующая свой культурно-исторический выбор. В связи с этим необходимо формирование четкого представления о тенденциях развития ведущей организующей системы общества – властеотношений и управления.

Именно от качества и конкурентоспособности национальной модели менеджмента (на всех уровнях организации) зависит, сможет ли российская цивилизация стать ответом на очередной исторический вызов. Вызов этот необходимо рассматривать не только как реакцию на атлантическую систему ценностей, а прежде всего как способность к интенсивной социально-управленческой модернизации и сохранению собственной идентичности в рамках информационной мегацивилизации. Изучение геополитических, культурных и социально-исторических особенностей российской системы управления весьма актуально для практической деятельности при решении наиболее важных проблем общества. Речь идет о преодолении тяжелейшего социально-экономического кризиса.

Первый важный момент состоит в том, что представляется возможным рассматривать национальную модель менеджмента (в широком смысле) как неотъемлемый элемент цивилизационной специфики. Так, например, один из исследователей проблематики российского управления В.И. Кнорринг справедливо замечает: «Становление российского менеджмента не будет копированием американского, европейского или японского» [2, с. 476]. Говоря о конкретных научно-практических моментах, вряд ли можно отрицать факт существования в России национальной школы управления. Российская модель

* Титов Виктор Валериевич – студент отделения государственного и муниципального управления факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: victoor108@mail.ru.

управления – такая же составная часть цивилизационной идентичности, как, например, политическая или культурная специфика общественных отношений. Речь должна идти скорее не о формировании, а об эволюции российского менеджмента. Новый этап такой эволюции, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг., связан с внедрением принципов рыночного хозяйства.

Российская управленческая традиция зарождается одновременно с процессом становления древнерусской цивилизации – предшественницы российской государственности. Уже на начальном этапе её развития можно выделить ряд важных особенностей, проявлением которых выступает философия общественной жизни, конкретная социальная культура.

Одна из черт национальной модели управления – своеобразие пространственных рамок. Ряд геополитических факторов (значительная территориальная протяженность, географическая неоднородность, удаленность от океанических пространств) приводит к формированию специфических условий социального взаимодействия, прежде всего территориальной замкнутости (общинный образ жизни), слабой коммуникативной составляющей. Жизнедеятельность значительной части населения осуществляется в неблагоприятной континентальной зоне, в суровых природно-климатических условиях [6, с. 491]. В связи с этим, безусловно, возрастает роль хозяйственно-политического центра как доминирующего фактора интеграции, формируется соответствующая модель центр-периферийных отношений. Основой поддержания и развития российской государственности выступает местный коллективизм, а также патернализм и авторитаризм центра, борющегося с сепаратистскими и автономизаторскими тенденциями.

Другой важной особенностью, также имеющей глубокие исторические корни, является формирование экстенсивной культуры хозяйствования, количественно-затратной модели управления. Историческим и политическим выражением такого подхода служит процесс колонизации, активно продолжавшейся до начала XX в. Прямым следствием процесса колонизации стало и многократное увеличение территории, размывание границ геополитической организации государства. «Уже с середины 50-х гг. XVI в. это геополитическое пространство потеряло стабильность, приняв „текучий“, „ползучий“ характер», что «не позволяло выстроить эффективную сбалансированную систему политического управления» и открывало широкие возможности к росту сепаратизма на окраинах России [3, с. 97].

Ещё одним фактором было существование в течение нескольких веков общинно-феодального земледелия, что предопределило борьбу различных укладов жизни (частнособственнического, т.е. предпринимательского и патриархально-патерналистского), и, следовательно, способствовало нарастанию противоречий в ходе осуществления конкретных управленческих практик, конфликту частной инициативы и государственного давления (которое зачастую получало поддержку маргинальных «обиженных» слоев). Специфические

условия жизнедеятельности и территориальная замкнутость Северо-востока предопределили командный стиль руководства на высших уровнях социальной организации, о развитии либерально-предпринимательской идеологии в государственном масштабе не могло идти и речи. В эпоху, когда Европа вступает на путь Реформации и переживает крушение феодальных устоев, в России складывается феодально-деспотический стиль управления, экономическим основанием которого служит не капитал и способность к предпринимательству (что в свою очередь предполагает необходимость самостоятельного принятия управленческих решений), а фактически бесплатный труд крепостных крестьян. В XVI в. произошла революция хлебных цен в Европе, что привело к процессам вторичного закрепощения в Центральной и Восточной Европе (Литва, Московское царство и т.п.).

Формируется особый тип управленческого мышления, экстенсивный и самодостаточный по своему содержанию. В.А. Сапрыкин пишет по этому поводу: «Способность к самоограничению, направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов услуг), а на обеспечение самодостаточности – ведущая черта русской хозяйственной культуры. Руководители не видят стимулов к самосовершенствованию, а подчиненные абсолютно не готовы к самостоятельности» [6, с. 461]. Можно весьма уверенно сказать, что готовность к беспрекословному подчинению, сакрализация власти, поклонение начальству – сильный и устойчивый стереотип, который благополучно дожил до наших дней, достаточно обратиться к народному творчеству: «начальник всегда прав», «я начальник – ты дурак» – вся эта «мудрость» есть не что иное, как иллюстрация управленческой психологии. Работа воспринимается не в качестве долга, обязанности перед обществом и самим собой, а как повинность. Именно поэтому она «не волк, в лес не убежит».

Историческое объяснение такого отношения к труду связано с тем, что «господство крепостного права и подневольных форм труда, основанных на внеэкономическом принуждении (барщина), существенно подрывало его ценность, а работа на барина, из-под палки, была отбыванием повинности, от которой старались скорее избавиться» [6, с. 441]. Таким образом, подтверждался известный тезис А. де Кюстина, тяжесть законов нивелировалась их неисполнением.

Однако необходимо учитывать, что сложившаяся система управления была достаточно противоречива и первоначально предполагала народную инициативу как важный элемент политической организации и автократическо-централизаторской модели. Об этом говорит многовековая традиция таких политических институтов, как вече и земские соборы. «Многоуровневая система «земских соборов» и «собориков» пронизывала все русское общество снизу доверху – от «земских советов» отдельных волостей и общин до представительства интересов всех сословий в столице перед царем». Поэтому изначально «нельзя отрицать наличия в русской национальной политической культуре существенного компонента корпоративной демократии» [3, с. 116].

Полусакральное отношение к управлению не изжито и по сей день. Проявляется оно не только как вера в универсальную правоту начальства, но и в качестве неоправданных иллюзий (мифический «порядок» в стране, который якобы скоро должен наступить, причем исключительно усилиями сверху).

Данные обстоятельства способствовали становлению экстенсивно-авторитарной модели менеджмента, пронизывающей всю структуру общества, от домохозяйства до политической системы государства. А.П. Прохоров пишет: «Неизбежным побочным эффектом такой системы управления явилось отставание страны в тех отраслях и сферах деятельности, которые требуют частной инициативы, частного интереса» [5, с. 176].

Наряду с авторитарным мышлением важной характеристикой выступает коллективизм, часто противопоставляемый западному индивидуализму. Современный менеджер обязательно должен учитывать национальную специфику коллективного сознания. Советский «коллективизм» – модель, резко отличная от всех подобных, в том числе и от русской соборности. Построенный на принципе «общественного блага», он зачастую приводит к деиндивидуализации ответственности. Эта проблема затрагивает не только подчиненных, но и руководителей. «Мы тут с товарищами посоветовались, и есть мнение», – такая фраза, справедливо замечает В.И. Кнорринг, стала стандартным приемом ухода руководителей от личной ответственности в советские годы [2, с. 101].

На наш взгляд, именно в советскую эпоху окончательно оформился социокультурный феномен коллективной безответственности. Его содержание состоит в том, что социальная общность не есть объект, выполняющий организационно-управленческую функцию. Жесткая командно-иерархическая система хозяйствования, существовавшая в России и достигшая апогея в эпоху строительства социализма, лишила коллективы главной основы самостоятельности. Речь идет о собственности, плавно перекочевавшей из феодально-государственной в «общенародную». Образовался предпринимательский вакуум, инициатива либо игнорировалась ввиду отсутствия объекта её приложения, либо служила продолжением идеологии. Поэтому любая социальная структура, местное сообщество стали рассматриваться не как специфический субъект, управляющий процессами реализации своих индивидуальных интересов, а лишь как управляемая извне подсистема, некий типичный элемент общественной системы (винтик в государственной машине). Местная социальная общность за десятилетия советской власти превратилась из проводника местных интересов и «защитника» преимущественно в охранительно-традиционалистское образование, которое было лишено преобразовательного начала. Все идеи, рассчитанные на организационно-управленческую активность российских масс в различных сферах общественной жизни (политика, частный бизнес) только недавно получили новый социальный импульс, и, поэтому, им еще предстоит доказать свою жизнеспособность.

Таким образом, перед нами открывается серьезная проблема функциональных трансформаций в российском менеджменте. Фактически речь идет о специфическом понимании организации в российском обществе как организации сверху. На сегодняшний день самоорганизация не является важной частью современного российского управленческого восприятия. Данное обстоятельство объясняется скорее не изначальной неспособностью масс к самостоятельному управлению («земля большая, а порядку в ней нет»), а целенаправленным многовековым искоренением политической инициативы. Поэтому при проведении реформ государственного и муниципального управления не следует забывать, что в определенный период исторического развития (вторая половина XVI–XVII в.) сформировалась и эффективно действовала такая самоорганизующаяся подсистема политического управления, как уже упомянутые земские соборы. Эта сила некоторое время довольно успешно «противостояла централизаторским и автократическим, а подчас и попросту тираническим устремлениям власти» [3, с. 98].

Помимо национальной организационной специфики, мы можем обнаружить смещение акцентов в рамках другой управленческой функции – мотивации. Одна из ее особенностей выражается в значительной роли нематериального стимулирования в русском менеджменте, в веками выработанной привычке работать за идею. Некоторые ученые объясняют данную особенность в рамках многофакторного анализа российской цивилизации, среди специфических черт которой выделяется, прежде всего, духовность, находящаяся в дуальной оппозиции западной рациональности. Одним словом, «для нормального русского нематериальные ценности были, а возможно, и остались выше материальных» [1, с. 235]. Однако нельзя забывать, что общество, переживающее этап социальной и культурной трансформации, частично девальвировало прежние ценности, приведя к росту индивидуально-критического восприятия и накопительских мотивов. Но ориентация на материальные блага и материальное вознаграждение зачастую не связана с объемом и качеством работы (многие предпочитают «делать» деньги, а не зарабатывать их).

Ещё один важный момент, тесно связанный с предыдущим, – подмена мотивации методами и средствами контроля. Происходит смещение менеджериальных функций, побудительным фактором выступают административные средства, внеэкономическое управление, страх. Люди избирают определенную модель поведения, выполняют определенную работу только лишь из желания избежать наказания. Такая модель оформилась в бывшем СССР в сталинскую эпоху, когда миллионы заключенных служили фактически бесплатной рабочей силой и были брошены в авангард индустриального прорыва. Подобный стереотип мотивации настолько утвердился в сознании российских граждан, что значительная их часть не верит в возможность обеспечить себе достойную жизнь честным путем. О качестве российской мотивации свидетельствует знаменитое проклятие: «Чтоб ты жил на одну зарплату!». В России исторически сложилось так, что «материальные формы понуждения к труду тесно и орга-

нично сочетались с моральными» [6, с. 461]. Смещение мотивации в сторону администрирования крайне опасно, поскольку оно приводит к фактическому замкнутому кругу – отсутствию внутренней мотивации. Заменой внутренней и внешней мотивации, как мы уже отмечали, служит процессный управленческий контроль. Причем процессуальная направленность контроля проявляется на всех стадиях менеджмента. Это объясняется тем, что контроль несет в себе параллельную функцию мотивирующей индоктринации, обращения в идею, за которую необходимо работать.

Следует отметить, что модель подмены мотивации административным контролем также частично приемлема в управленческой практике. Теоретические её положения нашли свое воплощение в ряде работ и концепций, посвященных данной тематике (например, знаменитая «теория Y» Д. МакГрегора). Главное преимущество данного подхода заключается в способности посредством сверхконцентрации усилий оперативно решать наиболее актуальные задачи, причем даже с использованием экстенсивных технологий. Основным недостаток теории заключен в её одномоментности, невозможности постоянной жизнедеятельности в режиме гипер-затрат. Подобная схема управления не может быть конкурентной в долгосрочной перспективе [2, с. 149]. Однако полное отождествление российской модели управления и «теории Y», несмотря на некоторое их сходство, вряд ли возможно хотя бы по двум причинам:

- российский менеджмент представляет собой не схему-инвариант, а постоянно эволюционирующую модель;
- практика менеджмента есть отражение социокультурной динамики общественного развития (специфика которой вряд ли может быть абсолютно адекватно отображена в рамках общей теоретической разработки).

Рассмотрев особенности трех важнейших управленческих функций, обратимся к следующей – планированию. В российской системе управления инструмент планирования, безусловно, является наиболее теоретически и практически проработанным. Именно достижения в области планирования составляют весьма ценный вклад советского периода в развитие национального менеджмента. В 1990-е гг. сформировался негативный образ плановой функции в сознании российского общества. Но неуправляемая рыночная стихия (та, которая должна была всё расставить по местам!) также оказалась экономической фантазией. Российская элита частично осознала тот факт, что нельзя игнорировать положительные факторы социальной защиты, центрального планирования, государственного контроля [2, с. 12]. Думается, что опыт, накопленный за время существования плановой системы, может быть полезным в будущем.

Среди недостатков планирования в советскую эпоху следует выделить его тотальность (всеобъемлющее планирование на макроэкономическом уровне, что, безусловно, недопустимо), идеологическую направленность (установление рекордов) и слабую концептуальную выраженность (количественные показатели-средства затмевали качество и цели управленческой деятельности).

Следует предполагать, что основными направлениями исследований российской управленческой науки в ближайшем будущем станут, во-первых, разработка прикладных методик планирования деятельности рыночных субъектов в условиях переходной экономики и, во-вторых, выработка гибкого и целостного подхода к планированию показателей экономического развития в условиях рыночно ориентированной модели хозяйствования.

Завершая характеристику специфических черт российского управления, нельзя не отметить ещё один существенный момент. Речь идет о культурном стереотипе общества, слабом восприятии управления в качестве профессиональной деятельности. Такое понимание прочно закрепилось в советскую эпоху. Это не только знаменитая кухарка, которая управляет государством, но и депутаты-оленоводы, партийные активисты на ведущих управленческих должностях. В нашей стране до начала 1990-х гг. фактически отсутствовала полноценная система подготовки управленческих кадров, хотя справедливости ради следует отметить, что отдельные её элементы, такие как система высших партийных школ, экономико-управленческие специальности, в бывшем СССР все же имели место. К сожалению, серьёзные опасения вызывает не только профессионализм отдельных управленцев, но и их интеллектуальное и нравственное развитие, о необходимости которого писал ещё в конце XIX в. русский социолог Н.И. Кареев.

Важным моментом исследования выступает взаимосвязь различных уровней управления. Не анализируя подробно механизм её осуществления, важно заметить, что рассмотренные нами особенности в той или иной степени проявляются на различных уровнях организации российского общества. Это позволяет говорить о взаимовлиянии уровней управления. Например, не вызывает сомнений факт, что государственное управление и политическая система общества оказывают значительное влияние на развитие национальной модели менеджмента в целом. Но следует учитывать, что топ-уровень управления, политическая модель, есть прежде всего рефлексия господствующих в обществе управленческих стереотипов, отражение их исторического и культурного содержания. Общество, ориентированное на авторитаризм мышления, страдающее очевидным недостатком самоорганизации и испытывающее перманентное состояние управленческой дихотомии (борьба коллегиальной «власти снизу» и авторитарно-сакральной «власти сверху») всегда будет эффективно усваивать авторитарные идеи.

Уже к началу XX в. Россия была абсолютно готова воспринять советскую авторитарную или аналогичную ей систему. Речь шла лишь о степени авторитаризма и его выразителях (ультратоталитарный сталинский менеджмент или правоавторитарная диктатура, наподобие тех, которые установились в странах поздней модернизации и в Латинской Америке). Это объясняется множеством аспектов внутреннего развития государства, таких как преобладание крестьянства, многовековая феодально-экстенсивная традиция в экономике (А.П. Прохоров пишет: «система управления в колхозах воссоздала характерное для

XVIII–XIX вв. сочетание общинного и помещичьего порядка землепользования и всего уклада жизни»), консервативная политическая система, разветвленный государственный аппарат, государственно-монополистический капитал и др. [5, с. 111]. А.С. Панарин говорит о том, что свой идейно-религиозный заряд российская государственность к началу XX в. практически растеряла и держалась в основном на инерции [4, с. 326]. Все эти социальные предпосылки, безусловно, формировали значительную приверженность общества к авторитарной модели независимо от того, шла речь об управлении заводом или государством.

В заключение представляется необходимым выделить такие аспекты российской модели менеджмента, как:

- 1) господство патерналистского и авторитарного начала в практике российского менеджмента;
- 2) дихотомия управленческих практик, конфликт корпоративно-клановой (самоуправленческой) и авторитарно-патерналистской (моноцентричной) моделей;
- 3) развитое креативное начало, зачастую не подкрепляемое необходимым организационно-управленческим ресурсом;
- 4) смещение мотивации в сторону контроля, господство авторитарно-распорядительной системы;
- 5) функция контроля с четко выраженной процессуально-количественной направленностью (качественная сторона и самоконтроль фактически игнорируются);
- 6) система планирования, не всегда отвечающая условиям рыночного хозяйствования;
- 7) геополитическое своеобразие: нестабильность систем управления ввиду значительного растяжения коммуникационно-управленческой сети и размытости контуров государственности.

Именно учет и анализ данных характерных черт российской социокультурной действительности должны лежать в основе практической деятельности по разработке и реализации управленческих решений на современном этапе развития России.

Библиографический список

1. Арин О.А. Мир без России. М.: Эксмо, 2002.
2. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. М.: НОРМА, 2001.
3. Морозов С.А. Культура политического управления. Краснодар: ИМСИТ, 1999.
4. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
5. Прохоров А.П. Российская модель управления // Эксперт. 2002.
6. Сапрыкин В.А. Хозяйственная культура в России // Российская цивилизация: Словарь. М.: Республика, 2001.

SUMMARY

.....

Legislative creativity as a “force of the law” by Andrey V. Shpak argues that the import of model political and legal institutions from liberal democracies passes ahead the maturing of civil self-consciousness; this reduces effectiveness of legislation in all the countries of post-communist transit and leads to the formation of non-civil society. The author offers the jurist community a set of practical issues to enforce the effectiveness of the law.

The right to referendum in the system of the basic civil rights and liberties in the Russian Federation by Marina M. Kouryachaya theoretically argues that the right to referendum implies not only formal procedures processing but also a definite outcome, particularly, an implementation of the following decisions.

Costs of preschool upbringing in 2003/2004 academic year by Oleg A. Oberemko uses the data of 2 (all-Russian and Moscow-city representative samples) surveys on volume, structure, and frequency of household expenditures to preschool upbringing. A model of 4 barriers impeding the admission to the preschool educational services market is proposed.

Gendered education by Michael Kimmel is an abridged version of a chapter from his well-known monograph «Gendered Society», which is in print in POSSPEN Publishers. The author argues that a “hidden curriculum” works in academic institutions and the gender inequality dominates in the labour market in education.

External and internal agents in history of the expert international politics community in Russia by Aleksandr V. Yelenskiy follows selectively some situations with different balances in influence between state and independent expertise. The author suggests that, when an independent expert community has become strong, current restoration of the influent state political expertise is expected.

Evaluating activities of the legislatures of different levels: case of Saratov oblast by Pavel V. Romanov analyses the attitudes of 189 legislators of the local community level. The author offers a set of indices, useful in exploration of a hierarchical space of regional politics.

Causes and reasons of Islamic radicalism in the post-Soviet space by Aleksandr V. Yegoupov found some common preconditions in the different countries and regions of Middle Asia and Northern Caucasus: concurrent ethnically, confessionally and regionally diversified elites, unable to find a mutual consent; ethnically and culturally grounded differentiation of labour and the “land question”; antiglobalist and traditionalist potential of the Islam, incompleteness of “revolutions” against the former “nomenclatura” etc.

Federalism in the Islamic World by Andrey V. Baranov compares ethno-confessional compositions and the systems of federal and regional levels power institutions in 3 federations with dominant Muslim population – Pakistan, Malaysia, UAE, – and overview several unsuccessful attempts to form federative unions in the Arabic world. It is inferred that Islamic social and cultural system reacts aversively to the sporadic attempts to import Western models of federalism.

Power in M. Foucault's "political anatomy" by Valeriy V. Men'shikov contains a resume of the most important ideas and their theoretical evaluation of the topic; the fact that the human body is being constructed and reconstructed by the Power does not disaffirm the social nature of the latter.

Funnel of causality by Serguei V. Skorokhodov and Ivan I. Goncharov develop a new version of the classical model of "funnel of causality", proposed by A. Campbell with his colleagues to explain voting in bipartisan system. New variables are included to account for recent electoral successes of ultras in some European countries.

Russian model of management: to geo-political and socio-cultural analysis by Victor V. Titov marks some invariant archaic traits in patterns of social organization: permanently instable geo-political organisation of the state; underdeveloped private sector in public economy; patrimonial dominance et al.